

М. С. Иванов

**АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ
ВОССТАНИЯ
В ИРАНЕ**

в середине
XIX в

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

01 ИЮН 2003

26 ЧЕР 2005

11 ЧЕР 2006

М. С. Иванов

**АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ
ВОССТАНИЯ
В ИРАНЕ**

в середине XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

В монографии исследуются антифеодальные народные восстания середины XIX в. в Иране, прежде всего бабидские. В Приложениях публикуются донесения русских дипломатических представителей того времени в Иране, касающиеся исследуемой темы.

И 0506000000-134
013(02)-82 69-82.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

И282788

Центральная научная
библиотека АН
ТМЗ. №

ОТ АВТОРА

Настоящая работа в основе своей является вторым изданием напечатанной более сорока лет тому назад, в 1939 г., книги «Бабидские восстания в Иране 1848—1852 гг.». В процессе подготовки данной рукописи автор несколько расширил тему, поставив перед собой задачу осветить не только бабидские восстания 1848—1852 гг., но и другие антифеодальные выступления широких народных масс Ирана в середине XIX в. Был расширен круг использованных источников и литературы, добавлены новые архивные материалы Центрального исторического архива ГрузССР, Архива востоковедения Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, а также документы, опубликованные в Актах Кавказской археологической комиссии. Привлечена также литература на французском языке, а также работы современных иранских авторов (на персидском языке). Были вновь просмотрены иранские хроники на персидском языке, изданные литографским способом в середине XIX в. Были также использованы труды советских авторов, изданные после 1939 г., в которых содержатся некоторые материалы по экономическому и политическому положению Ирана в первой половине XIX в. Была изменена структура работы и внесены редакционные и стилистические изменения. Автор надеется, что в настоящем виде работа создаст более полное представление об антифеодальных восстаниях середины XIX в. в Иране.

Специальные работы об антифеодальных восстаниях середины XIX в. в Иране в литературе на русском, персидском и западноевропейских языках отсутствуют. Имеется ряд работ на русском, персидском, английском и французском языках, посвященных бабидскому движению. Но в подавляющем большинстве этих работ бабидское движение рассматривается не как антифеодальное выступление угнетенных широких народных масс, а только как религиозное, сектантское движение. Социально-экономической почве, на которой выросло это движение, его классовому характеру не уделялось должного внимания. Недостаточность такого подхода к движению бабидов понималась еще в дореволюционное время наиболее глубокими и серьезными русскими исследователями истории Востока. Такой крупный историк Ближнего и Среднего Востока, как В. В. Бартольд, в рецензии на книгу пастора Рэмера о бабиде и бехаитах, изданную в 1912 г. в Потсдаме, писал: «Наше представление о бабизме, как историческом явлении, остается неполным, пока не будет рассмотрен вопрос, насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века»¹⁹.

Автор настоящей работы в 1939 г. опубликовал книгу «Бабидские восстания в Иране 1848—1852 гг.», в которой стремился подойти к этим восстаниям, которые были главной составной частью антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране, с марксистских позиций. Настоящая работа в части, касающейся бабидских восстаний, является заново просмотренным и дополненным новыми материалами из литературы и источников, не использованных автором в конце 30-х годов, новым изданием работы «Бабидские восстания в Иране 1848—1852 гг.». Для подготовки данного издания автор еще раз просмотрел иранские хроники на персидском языке, как

использованные им ранее (Сепехра и Реза-Кули-хана), так и другие (мирзы Хасана Фесаи, Сани эд-Доуле и т. п.), современную иранскую литературу, которая касалась в той или иной степени его темы (Ф. Адамийат, А. Сорущ, мирза Мохаммед Махди-хан Заим од-Доуле Тебризи «Мефтах Баб эль-Абваб» и др.); работы на французском языке Николя и А. Гобино; материалы Центрального архива ГрузССР. Архива востоковедов ЛО Института востоковедения АН СССР, Центрального военно-исторического архива в Москве, документы, опубликованные в Актах Кавказской археологической комиссии, а также советские публикации, изданные после 1939 г., в которых имелись некоторые материалы об экономическом и политическом положении Ирана в первой половине XIX в.

Все материалы, использованные для настоящей работы, можно разделить на следующие группы.

1. Хроники придворных иранских историков. 2. Воспоминания бабидов и непосредственных участников антифеодального движения, а также работы основателя секты бабидов — Баба. 3. Сочинения бехаитов. 4. Работы современных иранских ученых, касающиеся антифеодальных восстаний. 5. Труды западноевропейских авторов. 6. Русская литература до Октябрьской революции 1917 г. 7. Советская литература. 8. Материалы архивов.

Из работ придворных иранских историков наибольшее значение имеют «Насех ат-таварих» [«Наилучшая из историй»] мирзы Таги Сепехра и «Роузат ас-Сефа» [«Сад чистоты»] Реза-Кули-хана. Обе они были написаны современниками антифеодальных восстаний середины XIX в., сразу же после подавления этих восстаний. Поэтому они могут быть отнесены к числу первоисточников, хотя и написанных с позиций классовых врагов участников восстаний. Сведения, приводимые в этих хрониках, впоследствии стали одними из основных источников для иранских, западноевропейских и русских авторов, писавших о бабидских восстаниях. Обе хроники были изданы в середине XIX в. литографским способом в Тегеране.

Первая из них, «Насех ат-таварих», является многолетним трудом, излагающим историю Ирана с древнейших времен. Ее автор мирза Таги, более известный под своим литературным псевдонимом «Сепехр», занимал

пост мостоуфи и имел пожалованный ему шахом титул «Ансан оль-Мольк» [«Язык государства»]. Последний том «Насех ат-таварих» целиком посвящен истории Ирана под властью Каджаров и разбит на три части. В первой части рассказывается о приходе Каджарской династии к власти и о правлении ее основателя Ага-Мохаммеда Каджара и Фатх-Али-шаха (до 1834 г.), во второй — о царствовании Мохаммед-шаха (1834—1848), в третьей — о начале правления Насер-эд-Дин-шаха вплоть до 1267 г. х. (1850/51). Кроме этих трех частей последнего тома, посвященного истории Каджарской династии, имеется дополнение к ним, в котором изложение событий доводится до 1273 г. х. (1856/57). При издании «Насех ат-таварих» страницы не были пронумерованы, и она не имеет оглавления, что затрудняет пользование ею. О событиях, имеющих отношение к антифеодальным восстаниям середины XIX в., рассказывается во второй и третьей частях каджарского тома.

Рассказ Сепехра об антифеодальных восстаниях, и в особенности о бабидских восстаниях, очень ценен. Конечно, он рассказывает о них с позиций правящих кругов Ирана — противников участников восстания. Говоря об антифеодальных восстаниях, он пишет о них как о выступлениях «черни» и «бродяг». В частности, он возводит на участников бабидских восстаний обычные для их противников клеветнические обвинения в проповеди введения общности жен и вообще в аморальном поведении. Но все же хроника Сепехра содержит много ценных и интересных подробностей о руководителях и участниках восстаний, которые дают возможность выяснить их социальное положение. Он не скрывает стойкости, упорства и смелости восставших, проявленных в борьбе с шахскими войсками. Личная храбрость руководителей восстаний в его изложении противопоставляется трусости и неспособности шахских военачальников. Он иногда осмеливается показать отдельных царедворцев в смешном, невыгодном для них свете. Так, он описывает бегство Мехди-Кули мирзы во время нападения бабидов ночью на его лагерь в деревне Васекис при осаде бабидской крепости Шейх-Табарси в январе 1849 г. Свою хронику мирза Сепехр писал во время восстаний или сразу после них. Он основывал их на личных наблюдениях или на показаниях непосредственных участников

и очевидцев событий. Поэтому, имея в виду подлинность его сведений об антифеодальных, в частности бабидских, восстаниях, работу Сепехра следует считать одним из важнейших источников.

Однако хроника Сепехра имеет некоторые недостатки фактического порядка. Он неправильно датирует некоторые события, например он ошибочно указывает, что Зенджанское восстание и казнь Баба происходили в 1265 г. х. (1849), в то время как в действительности они имели место в 1266 г. х. (1850/51).

Вторая из придворных хроник — это 10-й том всеобщей истории «Роузат ас-Сефа». Шесть первых томов этой всеобщей истории написаны известным иранским историком Мирхондом. Седьмой том написан его внуком Хондемиром. В качестве продолжения этих семи томов воспитатель одного из сыновей Мохаммед-шаха, а впоследствии и воспитатель сына другого каджарского шаха, Насер-эд-Дина, наследника шахского престола Мозаффар-эд-Дина мирзы, Реза-Кули-хан написал восьмой, девятый и десятый тома. Эти тома являются хроникой событий, происшедших в период между установлением в Иране власти Сефевидов и до сентября—октября 1857 г. Реза-Кули-хан еще при Фатх-Али-шахе был придворным поэтом и получил титул «Амир ош-Шоура» [«Повелитель поэтов»], а затем в течение нескольких лет возглавлял созданный по инициативе Амир-е Кабира Дар оль-Фонун — Высшую политехническую школу в Тегеране. Из приведенных биографических данных Реза-Кули-хана видно, что он был очень близок к шахскому двору, и это наложило свой отпечаток на характер написанных им, кстати сказать по поручению шаха, томов. Каджарские шахи всячески превозносятся, а выступавшие против них и их власти рисуются в самых неприглядных красках. Об антифеодальных восстаниях середины XIX в. он рассказывает в еще более враждебном и тенденциозном духе, чем автор «Насех ат-таварих». Реза-Кули-хан не останавливается перед явным извращением фактов в угодном для него духе. Все невыгодные для шахского двора события либо излагаются им в искаженном виде, либо просто игнорируются. Антифеодальных выступлений середины XIX в. он касается в десятом томе «Роузат ас-Сефа». Его автопись в освещении этих восстаний мало отли-

чается от хроники Сепехра в отношении фактических сведений, значительно уступая ему в подробностях. В хронике Реза-Кули-хана, в частности, меньше сведений о социальном составе участников, а также руководителей восстаний. Написана «Роузат ас-Сефа» сложным, цветистым языком, в то время как «Насех ат-таварих» — ясным, простым языком и читается более легко.

Другие персидские хроники (Фесан, Сани эд-Доуле и др.) не содержат по сравнению с хрониками Сепехра и Реза-Кули-хана каких-либо новых данных об антифеодальных восстаниях середины XIX в.

Из воспоминаний непосредственных участников антифеодальных восстаний самой ценной и интересной является работа «Кетаб-е нукта эль-Каф фи тарихе бабийе» [«Книга точки Каф об истории бабизма»] хаджи мирзы Джани Кашани. Автор ее — кашанский торговец был горячим последователем Баба, так же как и его два брата — хаджи мирза Исмаил и хаджи мирза Ахмед. В 1847 г., когда арестованного Баба везли из Исфахана в Маку, мирза Джани подкупил стражу, которая позволила Бабу в течение двух дней пробывать в доме мирзы Джани. Автор этой работы встречался не только с Бабом, но и почти со всеми руководителями крупных антифеодальных восстаний и выдающимися бабидскими проповедниками — хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, муллою Хосейном Бошруйе, Куррат эль-Айн, муллою Мохаммед-Али Зенджани, сейидом Яхья Дараби, Собхе-Азале, Бехаоллой и др. Когда в 1848 г. началось восстание под руководством бабидов в Мазендеране, мирза Джани вместе с Собхе-Азале, Бехаоллой и несколькими другими бабидами пытался присоединиться к восставшим и пробраться в осажденную шахскими войсками крепость, но был задержан войсками и отправлен в тюрьму г. Амоля. Из тюрьмы мирза Джани был выкуплен двумя кашанскими купцами за 400 туманов. После покушения на жизнь Насер-эд-Дин-шаха он вместе с другими бабидами был казнен в сентябре 1852 г. в Тегеране.

Таким образом, мирза Джани был современником и участником описываемых им событий, знавшим всех вождей восстаний и самого Баба. В его работе отражены настроения и стремления руководителей антифеодальных бабидских восстаний.

Написана «История бабизма» в период с конца 1850 до начала 1852 г. в Шах-Абдул-Азизе под Тегераном, где он жил до своего ареста, т. е. в то время, когда восстания в Мазендеране, Зенджане, Фезде и в Нейризе (первое) закончились, а второе Нейризское восстание еще продолжалось. Она основана как на личных наблюдениях, так и на рассказах непосредственных участников восстаний. Это позволяет считать «Историю бабизма» первоисточником исключительной ценности для выяснения идеологии, характера и движущих сил антифеодальных восстаний середины XIX в.

Учению бабизма посвящено около трети работы. Автор кратко излагает проповедь основателя секты шейхитов — шейха Ахмеда Ахсан и его ученика хаджи сейида Казема Решти. Дальше даются биографические сведения о Бабе и излагается проповедь Баба и его учеников. Очень важным является рассказ о собраниях бабидов и их пропаганде в Бедаште. Сведения мирзы Джани являются единственным более или менее подробным источником о Бедаштских собраниях бабидов; в других источниках эти собрания либо совершенно замалчиваются, либо упоминаются только мимоходом. Восстание бабидов при Шейх-Табарси в Мазендеране излагается с подробностями, полнота которых превосходит сведения всех других источников. Рассказы о Зенджанском и первом Нейризском восстаниях значительно беднее сведениями. История Собхе-Азала, как преемника Баба, и казнь Баба излагаются подробно и содержат много новых материалов. Заканчивается работа Джани, оставшаяся, по-видимому, незавершенной, рассказом о деятельности бабидских проповедников после казни Баба. Покушение на жизнь шаха, последовавшие за ним зверские расправы над бабидами и второе Нейризское восстание автором не могли быть описаны, так как он был арестован и в сентябре 1852 г. казнен.

Характерной для его работы является ярко выраженная враждебность к шаху, его первому министру, губернаторам, ханам, а также к высшему духовенству. О смерти Мохаммед-шаха мирза Джани пишет, что он отправился по назначению — в ад. Первый министр Мохаммед-шаха — хаджи Агаси называется не иначе как проклятый. Наследника шахского престола Насер-эд-

Динз он называет мошенником и незаконнорожденным. О Саид оль-улема Барфуруши он пишет как о злосчастном. Улемы и духовенство вообще характеризуются им как источники бед, несчастий и разврата и т. д.

Мирза Джани пишет, что незадолго до казни Баб назначил своим преемником Собхе-Азала и передал ему в знак назначения свои письменные принадлежности, печать и одежду. Баб будто бы завещал Собхе-Азалаю закончить недописанные главы «Беяна» — священной книги бабидов (ст. 244). Собхе-Азаль, по словам мирзы Джани, в то время всеми признавался законным наследником Баба, в том числе и Бехаоллой. О Бехаолле он говорит как об одном из выдающихся учеников Баба, который ревностно проповедовал учение Баба. По его словам, Бехаолла никакого особого положения по сравнению с другими последователями Баба не занимал и сам не претендовал на это. Такая характеристика роли Собхе-Азала и Бехаоллы была одной из основных причин того, что впоследствии беханты стремились, и не безуспешно, уничтожить негодную им работу мирзы Джани или подделать ее.

Известный английский иранист Э. Броун во время пребывания в Иране в конце XIX в., несмотря на настойчивые поиски работы мирзы Джани, не смог обнаружить даже ее следа². Он пишет, что единственный полный экземпляр рукописи «Истории бабизма» мирзы Джани был вывезен из Ирана одним французским дипломатом, который находился там в 1855—1858 гг. и в 1862—1864 гг.³ Кроме этого полного экземпляра среди других рукописей он вывез еще одну, неполную рукопись работы мирзы Джани, содержащую только первую треть работы. После смерти дипломата эти рукописи были приобретены в 1884 г. Национальной библиотекой в Париже, где полный экземпляр рукописи значится как «Suppl. Persan 1071».

В 1910 г. Э. Броун издал персидский текст этой рукописи. Изданный Э. Броуном персидский текст и использован автором настоящей работы⁴. По словам Э. Броуна, кроме этих двух экземпляров Парижской национальной библиотеки, один из которых полный, а другой — неполный, ни в Европе, ни в Азии не сохранилось ни одного экземпляра работы мирзы Джани⁵. Та пографским способом в Иране она не издавалась.

Следует отметить, что «История бабизма» мирзы Джани имеет некоторые недостатки. Самым крупным из них является отсутствие точных хронологических дат описываемых событий, а в некоторых случаях хронология событий указана неправильно. Например, о Зенджанском восстании мирза Джани пишет, что оно происходило после восстания в Нейризе (с. 230). В действительности Зенджанское восстание началось в мае и было подавлено в конце 1850 г., а первое восстание в Нейризе, которое имеет в виду мирза Джани, происходило в конце июня — начале июля 1850 г. О казни Баба мирза Джани рассказывает после изложения событий Зенджанского и Нейризского восстаний. Так как дату казни Баба он не указывает, то создается впечатление, что казнь Баба состоялась уже после подавления восстания в Зенджане, что не соответствует действительности. По-видимому, эти недостатки работы мирзы Джани объясняются тем, что она писалась в обстановке преследований и гонений за принадлежность к бабизму, которым мирза Джани подвергался во время работы над своей «Историей бабизма». Он не имел возможности проверить даты событий. А сообщения, которые частично послужили источником для его работы, при том состоянии, в котором тогда находились в Иране пути сообщения и связь, могли давать неправильные сведения о времени тех или иных событий. Судя по недоработанности стиля рукописи, мирза Джани смог только вчерне подготовить ее. Проверить же все даты и окончательно обработать ее стилистически ему помешали арест и казнь.

Кроме работы мирзы Джани нам известны еще два воспоминания очевидцев бабидских восстаний. Одно из них написано последователем Собхе-Азала — Ага-Абдул-Ахадом Зенджани, а другое — самим Собхе-Азалем. Ага-Абдул-Ахад Зенджани написал свои воспоминания по просьбе Э. Броуна во время пребывания последнего на о-ве Кипр в 1890 г. Они были переданы Э. Броуну во время его второго посещения о-ва Кипр в 1896 г. и опубликованы в переводе на английский язык Э. Броуном в 1907 г. в октябрьском номере журнала Королевского азиатского общества⁶. Ага-Абдул-Ахад Зенджани во время восстания был несовершеннолетним и находился в Зенджане, в западной части города, занятой против-

никами бабидов. Многие сообщенные им сведения основаны не только на его личных воспоминаниях, но и на рассказах других зенджанцев — участников событий. Воспоминания Ага-Абдул-Ахада Зенджани содержат много новых фактов, отсутствующих как в бабидских источниках, так и в придворных хрониках. Он, например, сообщает о покушении на жизнь вождя восставших муллы Мохаммеда-Али (с. 794), об участии и роли женщин в Зенджанском восстании (с. 802) и другие интересные сведения. Уже известные из других источников факты излагаются более подробно. Вместе с переводом воспоминаний Ага-Абдул-Ахада Э. Броун приводит интересные сведения о Зенджанском восстании, полученные им от шейха Али-Бахша, сына участника восстания хаджи Мохаммеда-Хосейна Зенджани. Во время восстания шейх Али-Бахш, будучи ребенком, находился среди женщин и детей бабидов в занятой ими части города.

К числу воспоминаний участников бабидского движения относится также «Краткий рассказ о бабидском движении», написанный Собхе-Азалем в 1889 г. по просьбе и в ответ на вопросы Э. Броуна. Персидский текст и английский перевод «Краткого рассказа» опубликованы Э. Броуном в дополнениях к изданию английского перевода «Тарих-е джадид», о которой речь будет идти ниже. Сведения Собхе-Азала, который принимал активное участие в бабидском движении и был ближайшим учеником Баба, несомненно являются такими же ценными, как и упомянутые выше воспоминания Ага-Абдул-Ахада Зенджани.

Исключительно важное значение для изучения идеологии антифеодальных восстаний середины XIX в. имеет собственное и основное произведение Баба — священная книга бабидов «Беян» («Откровение»), написанная им в 1847 г. во время заключения в крепости Маку в подражание Корану и с целью заменить его. В «Беяне» Баб заявляет, что бог говорит его (Баба) устами и доводит до людей свои предписания. Взгляды Баба наиболее полно и ясно, хотя часто довольно сумбурно, изложены в так называемом «Персидском Беяне». Кроме того, имеются также два варианта «Беяна» на арабском языке, но автору данной работы не удалось разыскать их и познакомиться с ними. Типографским способом «Беян» не печатался и имеется только в рукописных вариантах.

По замыслу Баба, «Беян» должен был состоять из 19 частей («вахед»), а каждая часть из 19 глав («баб»). Но Баб не закончил его, написав только 8 полных частей и 10 глав девятой части. Мирза Джани в своей работе говорит, что при назначении Собхе-Азала своим преемником Баб поручил ему написать 8 недописанных частей «Беяна». Если это сообщение правильно, то, значит, сам Баб написал 11 частей. Но наиболее полный экземпляр рукописи «Беяна», хранящейся в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (ЛО ИВАН СССР), которым автор пользовался, состоит только из 8 полных частей и 10 глав девятой части. «Беян», которым пользовался Э. Броун, и «Беян» Национальной библиотеки в Париже («Suppl. Persan 1070») также имеют по 8 частей и 10 глав девятой части⁷. Действительно ли главы 11—19 из девятой части и полные части десятая и одиннадцатая были написаны Бабом и не дошли до нас, или мы имеем дело с ошибочным сообщением мирзы Джани о числе написанных Бабом глав «Беяна», установить в настоящее время невозможно.

В рукописном отделе ЛО ИВАН СССР имеются две рукописи персидского «Беяна». Первый, наиболее полный экземпляр (состоящий из 8 полных частей и 10 глав девятой части) был передан в 1877 г. русским генеральным консулом в Тебризе Безобразовым. Он значится в рукописном отделе под шифром А-458. Второй экземпляр был получен в 1874 г. от русского консула в Астрабаде Бакулина. Этот экземпляр содержит только семь полных частей и обозначается шифром Д-439. «Беян», переданный Безобразовым, подробно описан Розеном наряду с другими персидскими рукописями Института восточных языков при министерстве иностранных дел⁸. Розен приводит полные заглавия и краткое содержание частей и глав, написанных на арабском языке, и некоторые комментарии к ним на персидском языке. Текст рукописи «Беяна», полученный от Бакулина, мало отличается от текста «Беяна», переданного Безобразовым.

Изложение в «Беяне» построено следующим образом. Сначала дается название главы, а иногда и довольно подробное изложение содержания на арабском языке. Затем идут комментарии на персидском языке, которые часто далеко отклоняются от основной темы и трактуют

совершенно другие положения. Части и главы «Беяна» расположены без всякой системы и порядка. Они, очевидно, записывались, по мере того как Бабу приходила в голову та или иная мысль. Несмотря на то что «Беян» является более полным и ясным изложением взглядов Баба, чем его другие сочинения, написан он все же очень тяжелым языком. Некоторые места с трудом поддаются ясному переводу и истолкованию. Вследствие того что Баб не получил систематического образования, в тексте, особенно в арабском, встречаются грамматические ошибки. Объяснял их сам Баб следующим образом. Он думал, что грамматика существует для того, чтобы люди лучше могли понять божественное откровение, и составляется она на основе священных книг. А так как Баб считал свои сочинения также божественным откровением, то, по его мнению, общепринятые грамматические правила не являются для них обязательными. Наоборот, новые грамматические правила будут основаны на его писаниях⁹.

Кроме «Беяна» Баб является автором ряда других сочинений, которые дошли до нас в рукописях и в большинстве своем неизвестны европейцам. Следует упомянуть его «Комментарии на суру о Юсуфе». Им написаны также «Кетаб-е бейн аль-Харамейн» («Книга между двумя святыми местами» — Меккой и Мединой), созданная во время паломничества в Мекку; «Кетаб-е берахин ас-сабэ» («Книга семи доказательств») и некоторые другие¹⁰.

В целом надо сказать, что воспоминания и сочинения бабидов — непосредственных участников антифеодалных восстаний и самого Баба являются наиболее ценными источниками из всего, что имеется об идеологии восставших и самих восстаниях. В то же время они содержат ряд недостатков (неточность и ошибочность некоторых дат и событий в воспоминаниях мирзы Джани и др.). Вполне естественно, что все они имели религиозный характер и им был совершенно чужд классовый подход в изложении событий.

Работы беханитских авторов дают мало нового для изучения антифеодалных движений середины XIX в. В то же время беханитские авторы стремятся представить идеологию секты бабидов, учение Баба и его учеников и их деятельность в таком виде, будто они прин-

ципально ничем не отличались от беханитских, хотя это явно противоречило действительности. Некоторые бабиды проповедовали отмену частной собственности, а беханиты выступали решительными сторонниками и защитниками ее. Бабиды вели вооруженную борьбу с шахскими властями, а беханиты отвергали какие бы то ни было выступления против властей. Они были особенно против революционных выступлений, против вооруженной борьбы. Идеология беханитов противоречила идеям и практике руководителей антифеодалных восстаний — бабидских сектантов. Беханиты игнорировали Собхе-Азала, так как считали своего руководителя — Бехаоллу преемником Баба. Когда Э. Броун во время своего пребывания в Иране в 1887—1888 гг. спрашивал у беханитов о Собхе-Азале, они притворно отвечали, что ничего не слышали о нем¹¹. Взгляды бабидов периода антифеодалных восстаний они извращали на свой, беханитский лад. Для этих целей они не останавливались перед подделкой и уничтожением бабидских рукописей.

Выше говорилось, что беханитам удалось почти полностью уничтожить работу мирзы Джани. Но так как о существовании ее в Иране все же было известно, то беханиты предприняли попытку подменить ее. В 1880 г. на основе работы мирзы Джани они написали так называемую «Новую историю» («Тарих-е джадид»). Главным автором ее был мирза Хосейн Хамадани. Во время Мазендеранского восстания при Шейх-Табарси он находился среди восставших в крепости, но затем каким-то неизвестным образом избежал казни и даже ареста и служил секретарем у одного из иранских министров. В 1874/75 г. он был арестован, но затем снова освобожден и служил секретарем у влиятельного зороастрийца Манукчи. Кроме мирзы Хосейна Хамадани в составлении «Новой истории» принимали участие в качестве редакторов два других беханита: сейид Джевад Кербелани и мирза Абул-Фазль Гольпаегани. Последний написал к книге предисловие.

Вопрос о написании «Тарих-е джадид», по словам Абул-Фазля Гольпаегани, возник при таких обстоятельствах. Манукчи поручил мирзе Хосейну написать историю бабизма. Мирза Хосейн обратился за содействием к Абул-Фазлю. Последний ответил ему следующее: «В руках „возлюбленных“ (так называли своих едино-

мысленников бехаиты. — М. Н.) имеется история покойного хаджи мирзы Джани Кашанского, одного из тегеранских мучеников и праведников той эпохи. Но он был человек торговый и в писании истории не имевший навыка, да [к тому же] он хронологию по годам и месяцам не писал. Во всяком случае, так как он был человеком религиозным, рассказ о событиях он достоверно написал сообразно тому, как он видел и слышал. Эту книгу достань [сказал я] и из нее возьми описание событий, а хронологию годов и месяцев из книги „Насех ат-таварих“ и из прибавлений [мулькехат] к „Роузат ас-Сефа“. Установив таким образом [фактическую сторону], каждую часть в черновом виде прочитывай хаджи сейиду Джеваду Кербелан»¹².

Таким образом, сославшись на неопытность мирзы Джани в написании исторических сочинений, бехаиты принялись переделывать его «Историю бабизма». Были прибавлены не только хронологические даты, которые в «Тарих-е джадид» тоже приводятся неточно и неверно, но изъято также все, что противоречило бехаитским взглядам, и внесены угодные бехантам дополнения. В основном «Тарих-е джадид» там, где это не противоречило интересам бехаитов, является повторением слова в слово «Истории бабизма» мирзы Джани, несмотря на утверждения бехаитов о недостаточной квалификации его как историка. Изменения, которые внесли бехаиты в «Историю бабизма» мирзы Джани, сводились в основном к следующему. Везде утверждается, что общепризнанным преемником Баба был не Собхе-Азаль, а Бехалла (мирза Хосейн-Али Нури). О Собхе-Азале упоминается в тексте всего только один раз, на с. 274 издания Э. Броуна, в очень пренебрежительном тоне — он называется «безгласным» и «немым». Враждебный тон мирзы Джани в отношении шаха и его везиров заменен почтительно-заискивающим. Так, например, если мирза Джани, сообщая о смерти шаха, написал, что шах отправился в ад, то в бехаитской версии говорится, что шах вознесся в рай (с. 290—291). Рассказ мирзы Джани о Бедаитских собраниях бабидских проповедников, где были провозглашены требования отмены налогов, частной собственности и введения общности имущества, бехаитами совершенно опущен. Руководители антифеодалных восстаний — ученики Баба, упорно отказывав-

шиеся перед смертью отречься от своей идеологии, рисуются бехаитами ханжами, читавшими проповеди в духе бехаизма. Авторы «Тарих-е джадид» расположили материал в несколько иной последовательности по сравнению с историей мирзы Джани. О Зенджанском и особенно о Нейризском восстании приводятся более подробные, чем у мирзы Джани, сведения, которые, судя по ссылкам, были получены от участников восстаний. В частности, хотя и кратко, но все же рассказывается о втором Нейризском восстании. Сведения эти были собраны бехантом Набилем от очевидцев во время его пребывания в Нейризе.

В 1893 г. Э. Броун издал переведенную им «Тарих-е джадид» с персидского языка на английский на основе двух рукописей, из которых одна находится в Лондоне, а другая в Кембридже¹³.

«Тарих-е джадид» не является единственной попыткой бехаитов подделать работу мирзы Джани. В своем введении к тексту и переводу священной книги бехаитов «Кегаб-е Акдас» А. Г. Туманский пишет, что в апреле 1874 г. по указанию беханта Абул-Фазля Гольпаегани им была найдена рукопись, которую выдавали за рукопись работы мирзы Джани, написанная, как об этом свидетельствует дата на ее последней странице, в июле 1874 г. На самом деле это была одна из подделок бехаитами книги мирзы Джани, и бехант Абул-Фазль Гольпаегани специально указал на нее А. Г. Туманскому, желая, чтобы работа мирзы Джани попала в руки европейца именно в бехаитской редакции. А. Г. Туманский пишет о своей находке следующее: «Что касается сторонников Беха-Улы, то фальсификация с их стороны на нашем экземпляре не подлежит сомнению»¹⁴. А. Г. Туманский приводит три отрывка из найденной им рукописи, относящихся к изложению событий бабидского движения. При их сравнении с соответствующими местами изданного Э. Броуном текста рукописи мирзы Джани автор настоящей работы обнаружил в двух из них совершенно явную подделку в обычном для бехаитов духе¹⁵.

Другой бехаитской работой о бабидских восстаниях является анонимный «Рассказ путешественника», персидский текст и английский перевод которого был издан Э. Броуном в 1891 г.¹⁶. В действительности «Рассказ

путешественника» был написан сыном Бехаоллы — Аббасом Эффеиди, и бехаитская тенденциозность в нем проявляется еще более явно, чем в «Тарих-е джадид». Автор стремится доказать, что Баб был только предвестником более совершенного пророка, т. е. Бехаоллы. В соответствии с этим Бабу, его ученикам и их проповедям отводится очень немного места, а о восстаниях упоминается только мимоходом. Для Бехаоллы и его последователей автор не жалеет места и всячески превозносит их. О Собхе-Азале говорится как о человеке, не заслуживающем никакого внимания и уважения. Высокое положение, которое он занимал в бабидской общине после казни Баба, объясняется соображениями конспирации, стремлением отвести внимание от «истинного главы бабидов» — Бехаоллы (с. 79). «Рассказ путешественника» написан в еще более верноподданническом по отношению к шаху и шахским властям духе. Шах называется «Тенью бога на земле» (с. 191), его везиры — «справедливыми», а шахский двор — «стержнем справедливости» (с. 102, 103, 104 и др.). Аббас Эффеиди старается заверить шаха и его правительство в том, что идеи бехантов не имеют никакого отношения к политике, что их целью является просвещение, очищение и воспитание людских сердец, что покорность и послушание есть отличительная черта бехантов и т. д. Бабидские вооруженные антифеодальные восстания порицаются, а покушение бабидов на жизнь Насер-эд-Дин-шаха в 1852 г. называется ужасным, неправильным действием.

Все произведения бехантов о бабидском движении написаны в подобном духе.

В современной иранской литературе нет специальных исследований, посвященных антифеодальным восстаниям середины XIX в. в Иране, в частности бабидским восстаниям. Но авторы некоторых исторических работ на другие или близкие темы попутно касаются антифеодальных, главным образом бабидских, восстаний.

Известный современный иранский историк и дипломат Фаридун Адамийят в своей большой трехтомной работе «Амир-е Кабир ва Иран» («Великий Амир и Иран»), которая выдержала в Тегеране несколько изданий, посвящает бабидскому движению в первом томе

20 страниц. Никаких новых материалов по интересующей нас теме Ф. Адамийят не приводит. Привлекает внимание вряд ли обоснованная трактовка автором характера бабидского движения. Он считает, что англичане стремились использовать Баба и бабизм в своих колониальных целях, чтобы посеять смуту и беспорядки в Иране. По его мнению, сейид Али-Мохаммед объявил себя сначала Бабом, а затем Махди по подстрекательству получившего у англичан в Куфе специальную подготовку мутлы Хосейна Бошруйе¹⁷. Сам Баб, по мнению Ф. Адамийята, был ничем не выдающейся, ничтожной личностью¹⁸ и был использован английской агентурой в качестве орудия английской политики в Иране. Ф. Адамийят пишет, что Э. Броун, которого он называет «опытным офицером» («афсар-е азмуде»), имел поручение от соответствующих английских органов всячески способствовать распространению бабизма. Поэтому Э. Броун так много писал о бабизме и тем самым выполнил важную для своего правительства работу¹⁹. Но Ф. Адамийят не может привести и не приводит каких-либо убедительных аргументов в доказательство того, что антифеодальное бабидское движение было результатом английских подстрекательств. Думается, что все сказанное в настоящей работе противоречит выводам Ф. Адамийята. Нам кажется, что он пришел к таким выводам потому, что не искал объяснения бабидскому движению в обострении социально-экономических противоречий внутри Ирана в середине XIX в. и не видел классовой сущности этого движения под религиозной оболочкой.

Проблемы антифеодального бабидского движения касается другой современный иранский автор, А. Соруш. В написанной им в 1955—1956 гг. и изданной в Тегеране на персидском языке книге «Претенденты на роль Махди»²⁰ бабидскому движению уделяется значительное место. Никаких принципиально новых сведений о бабидской секте и ее учении, а также о бабидских восстаниях А. Соруш также не приводит. В его работе, правда, имеются некоторые новые подробности, но они не меняют общего представления о бабидском движении и восстаниях. А. Соруш утверждает, не ссылаясь на источники, что руководитель Зенджанского восстания бабидов мутла Мохаммед-Али Зенджани после установления своей власти в Зенджане намеревался захватить

Тегеран и даже весь Иран²⁰. Он пишет также, что, готовясь к восстанию в Зенджане, бабиды создали организацию, подобную правительству, назначили своих везиров-министров, командующего войсками и т. д. А. Соруш приводит число погибших в Зенджане бабидов — 2600 человек, потери шахских войск — 800 человек, перечисляются требования бабидов, описываются детали покушения бабидов на жизнь Насер-эд-Дин-шаха и т. д.²¹ Что касается новой даты рождения Баба — 1 мохаррама 1235 г. х., которую приводит А. Соруш, то нам кажется, что дата рождения Баба, приводимая французским исследователем истории Баба и его секты Николя, — 1 мохаррама 1236 г. х. является более правильной. Николя ссылается на свидетельство самого Баба в его работе «Кетаб-е бейн оль-Харамейн», Соруш же не дает никаких ссылок на источник, и неясно, откуда он ее взял. Возможно, что в данном случае А. Соруш просто ошибался.

Имеется еще одна известная нам работа на персидском языке о бабидском движении. Это перевод на персидский язык работы умершего в 1333 г. х. (1914/15 г.) мирзы Мохаммед Махди-хана Заим эл-Доуле Тебризи «Мефтах Баб эль-Абваб», написанной на арабском языке и изданной в Египте в 1321 г. х. Мирза Мохаммед Махди-хан был издателем и редактором выходившей с 1892/93 г. в Каире на персидском языке газеты «Хекмат». Его дед и отец были известными иранскими улемами и присутствовали в 1847 г. при допросах Баба в Тебризе, которые проводились под председательством наследника Мохаммед-шаха Насер-эд-Дин мирзы. Книга «Мефтах Баб эль-Абваб» излагает историю бабизма и бехаизма. Она пронизана предубеждением против Баба и бабизма. Автор называет учение Баба ложной и искусственно созданной религией. Он утверждает, что иностранные колонизаторы способствовали возникновению бабизма и пытались его использовать в своих интересах с целью подрыва единства иранской нации и ее ослабления (с. 2, 4). Фанатизм хаджи мирзы Агаси, по приказу которого Баб был арестован и заключен в крепость Чехрик, а бабизм подвергался преследованиям, способствовал росту популярности Баба и его учения. На с. 136 автор пишет, что Баб был просто безумцем и говорил чепуху. Если бы Баб не был арестован, то, по

мнению автора, народ мог бы быстро убедиться в его глупости и невежественности и отвернулся бы от него (с. 5). По-видимому, точка зрения Ф. Адамийята была в значительной мере заимствована им у автора «Мефтах Баб эль-Абваб».

Каких-либо новых существенных фактических данных об антифеодальных восстаниях середины XIX в. и бабидском движении работа мирзы Мохаммеда Махди-хана не дает. Мы пользовались вторым изданием перевода с арабского на персидский язык, выполненным шейхом Хасан-Фаридом Гольпаегани и изданным в Тегеране в 1340 г. х. (1961/62).

Общим для всех иранских работ об антифеодальных восстаниях середины XIX в. бабидских и бехаитских авторов придворных хроник и современных иранских авторов является отсутствие классового анализа характера движущих сил восстаний. Бабидские и бехаитские авторы видели в этих восстаниях только религиозное движение. Такой же точки зрения придерживается и А. Соруш, и автор «Мефтах Баб эль-Абваб». Для придворных хроник эти восстания были выступлениями «черни», «бродяг», «смутьянов». Ф. Адамийят ищет корни и причины бабидского движения в происхождении англичан.

Западноевропейская литература об антифеодальных восстаниях середины XIX в. в Иране в анализе и оценке этих восстаний мало отличается от иранской.

Среди западноевропейских авторов следует выделить английского ираниста Э. Броуна, который интересовался и занимался бабидским движением в течение более тридцати лет, с конца 80-х годов XIX в. Он собрал очень большой материал по истории бабидского движения, издал важнейший для изучения этой проблемы источник — персидский текст воспоминаний мирзы Джани Кашани. Э. Броун перевел и издал на английском языке «Тарих-е джадид» («Новую историю») мирзы Хосейна Хамадани, «Воспоминания о Зенджанском восстании бабидов в 1850 г.» Ага-Абдул-Ахада Зенджани, напечатал персидский текст и перевод «Рассказа путешественника» со своими примечаниями и дополнениями. В 1887—1888 гг. Э. Броун совершил поездку в Иран для изучения бабидского движения на месте и посетил места, связанные с этими событиями, — Тебриз, Зенджан, Шейх-Табарси и Шираз. После этой поездки Э. Броун

икова в «Журнале Королевского азиатского общества» две статьи²², а также книгу «Год среди першеств». В 1918 г. Э. Броун издал свой последний труд о сов²³ — «Материалы для изучения бабидской религии». В этой книге опубликовано пять иранских и гин²⁴ских документов о допросе Баба в Тебризе в англич. Кроме того, Э. Броуном в «Журнале Королевского общества» опубликованы две статьи, по-го азиатские описанию бабидских рукописей: первая, священственная «Некоторые замечания по поводу бабид-озаглакестов, изданных бароном Виктором Розеном»²⁵, ских тая — «Каталог и описание 27 бабидских рукопи-и втор а также несколько статей в дополнениях к Бри-сей»²⁶ энциклопедии и др.

танским образом, Э. Броун сделал очень много в об-Такбора и публикации материалов о бабидском дви-ласти. Но в понимании и оценке бабидского движения. Юшел дальше иранских авторов. Он видел в ба-он не в восстаниях только вновь нарождающуюся ре-бидский не обращал внимания на выяснение обществен-лигию ассовой сущности бабизма и социальных причин,ной, кт вызвали это движение. О восставших бабидах которые деране, например, он пишет, что они стремились в Мазелитическим и социальным преобразованиям, а не к пк установлению их веры²⁷. Э. Броун не понял только Бедаштских проповедей бабидов в 1848 г., во смыслаоторых критика существовавшего общественно-время и стремление к преобразованию общества бы-го строжены наиболее полно, и поэтому оценивал их ли выранный взрыв дикого пантензма и противоречи-как «ситаза»²⁸. Он превозносит Бехаоллу и бехаизм — вого экю компрадоров, называя ее «великой религи-идеолойрактеризует бехаизм как «удивительный, могу-ей», и дый дух, который с невидимой, но все возраста-шествейлой изменяет и пробуждает людей, пребываю-ющей сие, подобном смерти»²⁹. В анализе бабидского движені буржуазных ученых, которые, как, например, даже т-бек, все же пытались обнаружить причины ба-А. Казе движения в общественных условиях, существо-бидской то время в Иране, а не только в религиозных вавших идеях. х работ на английском языке, специально по-Друи

священных антифеодалному, и в частности бабидскому, движению не имеется. Истории Баба и его проповедей, а также бабидских восстаний попутно касаются многие английские авторы. Например, в книге Р. Уотсона «История Персии с начала XIX в. до 1858 г.»³⁰, напи-санной в качестве продолжения известной «Истории Персии» Дж. Малькольма и основанной на придворной хронике «Роузат ас-Сефа», а также на сведениях, соб-ранных автором во время его пребывания в Иране (он был прикомандирован к британской миссии при дворе шаха), имеются отдельные сведения об экономике, со-циальной структуре и о положении отдельных классов в Иране в первой половине XIX в. Бабидскому движе-нию в «Истории Персии» Р. Уотсона отведено около 20 страниц. Его сведения являются в значительной час-ти повторением того, что имеется в придворной хронике «Роузат ас-Сефа» Реза Кули-хана. Кроме того, в книге Р. Уотсона сообщается, хотя и очень кратко, о деятель-ности Амир-е Кабира мирзы Таги-хана и о его попыт-ках реформ.

Некоторые данные о социально-экономическом поло-жении Ирана в середине XIX в. и о бабидских восста-ниях содержатся в «Дневнике двухлетнего путешествия по Персии, Цейлону и т. д.» Р. Б. Биннинга³¹. Бин-нинг — английский чиновник, служивший в Индии, пу-тешествовал по Ирану, когда там происходили бабид-ские восстания — в 1850—1851 гг. Он черпал свои све-дения о бабидском движении от представителей господ-ствующего класса Ирана, поэтому они пронизаны нена-вистью и страхом, которые эти круги испытывали по отношению к бабидам. Отдельные заметки о Бабе и его проповедях имеются в воспоминаниях жены английского посланника в Иране Шейл³².

Из литературы о бабизме и бабидских восстаниях на французском языке следует остановиться на работах А. Гобино и А. Л. М. Николя. Первый был одним из ос-новоположников теории расизма и с 1849 по 1877 г. на-ходился на дипломатической службе. Дважды за это время он был в Иране: в 1854—1857 гг., а также в на-чале 60-х годов XIX в. в составе французской диплома-тической миссии; одно время занимал пост посланника Франции при шахском дворе. А. Гобино является авто-ром трех крупных работ, имеющих отношение к Ирану.

В первой из них, «Три года в Азии»³³, изданной в 1859 г., а затем переизданной в 1905 и 1923 гг., он описывает свою поездку в Иран через Египет, Аравийский полуостров, Джидду, Аден, Москат и по Ирану через Бушир, Шираз, Исфахан в Тегеран. В этой работе говорится также о религии, суфизме и социальных отношениях в Иране. Во второй работе, «История Персов»³⁴, изданной в Париже в 1869 г., излагается древняя история Ирана до Сасанидов. Третья работа А. Гобино, «Религия и философия Центральной Азии»³⁵, изданная в Париже в 1816 г. и переизданная там же в 1928 г., имеет прямое отношение к нашей теме. Она содержит главы о бабидском движении и восстаниях.

Следует, однако, сказать, что научная ценность трудов А. Гобино незначительна. Ознакомление с первой и третьей из упомянутых выше работ, касающихся бабидского движения и восстаний, показывает, что при изложении этих событий А. Гобино не затруднял себя проверкой сообщаемых фактов. Поэтому в его работах имеются многочисленные ошибки фактического порядка и маловероятные утверждения, что заставляет сомневаться в научной ценности работ А. Гобино, касающихся Ирана. Так, на с. 228 своей последней работы Гобино утверждает, не ссылаясь на источники, что «чувство суеверного страха, охватившее шахские войска перед боем с бабидами, было так велико, что некоторые солдаты, будучи уверены, что простые пули бабидов не убивают, стреляли в них пулями из золота. На с. 256 той же работы он пишет, что Баб был арестован только после восстания в Мазендеране. На самом деле, так мы видели, арест Баба был произведен значительно раньше. На той же странице он утверждает, что крепость Чехрик, где Баб находился в заключении, расположена в прикаспийской провинции Гилян. Имеются и другие ошибки фактического порядка, которые показывают, что А. Гобино имел превратное представление об Иране и происходивших там событиях во время бабидского движения.

Недостоверность и ошибочность сведений, приведенных А. Гобино о бабидском движении, отмечал другой французский автор ряда работ о Бабе, его учении и бабидском движении — А. Л. М. Николя, который в начале XX в. был переводчиком с восточных языков фран-

цузской дипломатической миссии в Иране, а затем, в 1910—1911 гг. — французским консулом в Тебризе. Оценивая научные познания и подход А. Гобино к бабидскому движению, Николя даже называет его невежественным человеком. По поводу утверждения А. Гобино о том, что Баб плохо владел арабским языком, Николя пишет, что он не может относиться с доверием к этому заявлению Гобино, который не знал ни одного слова ни на арабском, ни на персидском языках; его работа «Религии и философии в Центральной Азии» в части, касающейся бабидского движения, является просто пересказом, т. е. переводом (в некоторых местах с ошибками) «Насех ат-таварих» — хроники, изданной на персидском языке. Этот перевод для Гобино, по словам Николя, сделал один еврей, называвший себя Лалезаром, который был учителем (видимо, персидского языка) А. Гобино³⁶. Утверждение Николя о том, что Гобино не знал ни одного слова ни на арабском, ни на персидском языке, так же как и то, что рассказ Гобино о бабидском движении является просто переводом с ошибками «Насех-ат-таварих», по-видимому, преувеличение. Гобино, находившийся в Иране в течение трех лет сразу же после подавления бабидских восстаний, несомненно пользовался и рассказами очевидцев движения. Но, имея такую возможность, Гобино использовал ее, видимо, не полностью и не проверял достоверность имевшихся в ней сведений, что снижает научную ценность его работы.

Сам Николя, судя по его работам, хорошо знал персидский и арабский языки. Николя является автором «Очерков о шейхизме»³⁷ и других работ, среди которых «Сейид Али Мохаммед, называемый Бабом»³⁸. В этой работе, пронизанной явной симпатией к Бабу, к его учениям и к бабидскому движению и неблагоприятным для властей и духовенства духом, Николя заявляет, что Баб основал не новую секту, а новую религию. Особенно ценными в его работе являются подробности второго Нейризского восстания, которые отсутствуют в других источниках и литературе. Николя пользовался многочисленными источниками на арабском и персидском языках, в том числе многими рукописями и устными рассказами бабидов, которые для автора настоящей работы были недоступны.

Николя называет следующие материалы, послужившие источниками для его работы о Бабе. Работы официальных мусульманских историков, т. е. придворные хроники «Насех ат-таварих» Сепехра, «Роузат ас-Сефа», Реза-Кули-хана, «Фарс-наме» Фесаи, «Мират эль-болдаи» Сани эд-Доуле, «Кесас эль-улема» («История улемов») Хедаята, «Тарих-е Шираз», «Хакаик эль-ахбар-е Насери», а также газета «Иран». Рукописи «Мотенаббийун» («Лжепророки») и «Ресале-йе мирза Санд-хан» («Письма мирзы Санд-хана»); рукописи бабидов «Нуктат эль-Каф фи тарих-е бабийе» («История бабизма») Джани Кашани; «Тарих-е Зенджан» Хосейна Зенджани, «Тарих-е Зенджан» Ага-Нагд-Али Зенджани, сына хаджи Али-Реза; «Тарих-е Нейриз» (без автора); сочинения «Беян», Кетаб-е бейн аль-Харемейн», «Кетаб эль-Берахия эс-саби», «Ресале-йе мотафарреке» («Разные письма»), «Кетаб-е макам-е арба» («Книга четырех макамов»); устные рассказы бабидов — мирзы Яхьи Собх-е Азали; хаджи мирзы Али-Мохаммеда ибн Асдака; муллы Али Акбара Шахмирзаде; Ибн-Абхара; сейида Исманла; мирзы Хасана Адиба и некоторых других, не пожелавших, чтобы были названы их имена. Николя использовал также изданный сначала в Бомбее, а затем Э. Броуном «Рассказ путешественника» и бехаитскую переделку рукописи мирзы Джани Кашани «Тарих-е джадид». Кроме того, по словам Николя, им были использованы архивы французской дипломатической миссии в Тегеране и министерства иностранных дел в Париже, а также работы А. Гобино, Э. Броуна, барона Розена и др.³⁹ Таким образом, работа Николя основана на большом количестве источников и литературы и представляет собой весьма ценную в отношении фактического материала книгу о Бабе, его учениках и бабидском движении. Николя, так же как и Э. Броун и другие западноевропейские буржуазные авторы, рассматривает бабизм как религиозное движение, вне связи с социально-экономическими условиями, и, конечно, он тоже далек от классового анализа.

Из работ о бабидских антифеодальных восстаниях на русском языке в дореволюционной литературе следует прежде всего отметить книгу профессора персидского языка восточного факультета Петербургского университета мирзы Казем Бека «Баб и бабиды», издан-

ную в 1866 г.⁴⁰ Книга А. Казем Бека является самым полным изложением бабидских восстаний в дореволюционной литературе, хотя автор писал свою работу на сравнительно ограниченных материалах. При написании работы он мог пользоваться в основном только хроникой «Насех ат-таварих» мирзы Сепехра. Кроме того, он пользовался рукописью на мазендеранском диалекте о восстании бабидов при Шейх-Табарси, о которой Казем Бек пишет, что она «полна неточностей», «не имеет никакой исторической ценности» и «интересна лишь тем, что написана на мазендеранском диалекте»⁴¹. Казем Бек использовал также воспоминания М. Севрюгина о бабидях, который прожил в Иране около 20 лет и в 1852 г. в чине губернского секретаря работал в русском консульстве в Астрабаде, а также воспоминания М. Мошнина, находившегося в Иране во время бабидских восстаний. В июне 1850 г. Мошнин был в крепости Чехрик, где тогда содержался в заключении Баб, и, кажется, был свидетелем проповедей Баба перед собравшимися в Чехрик для свидания с ним народом. Работа Казем Бека основывается главным образом на хронике Сепехра «Насех ат-таварих» и представляет собой в части изложения фактической стороны бабидских восстаний простой пересказ того, что написано в этой хронике. Казем Бек не имел возможности проверить по другим источникам сведения из «Насех ат-таварих», и поэтому все ошибочные даты этой хроники повторяются им. Например, казнь Баба, Зенджанское и Нейризское восстания датируются 1849 г. Вообще работа Казем Бека значительно устарела.

Но, пользуясь теми ограниченными материалами, которые были в его распоряжении, Казем Бек сумел подняться в оценке бабидского движения выше Э. Броуна и других западноевропейских буржуазных иранистов. Как указывалось выше, Броун объяснял это движение развитием религиозных идей и считал, что бабиды, выступавшие против шахского правительства, боролись не за социальные и политические реформы в стране, а за распространение своей новой религиозной доктрины. А. Казем Бек видит причины бабидских восстаний в фанатизме и деспотизме, которые, по его словам, господствовали в Иране в течение тысячи лет. О целях и стремлениях восставших бабидов он также много, чем

Э. Броун, мнения. Он считает, что руководители бабидов стремились к политическим реформам в иранском государстве, которые, по его мнению, должны были состоять в обуздании произвола правительства, уничтожении роскоши при шахском дворе, ликвидации самоуправства министров и губернаторов и вообще чиновников, замене титулов жалованьем, установлении правосудия в судах, ликвидации лихоимства улемов, в точном исполнении законов⁴². Следовательно, по мнению А. Казем Бека, бабиды стремились к таким реформам, проведение которых соответствовало бы прежде всего интересам нарождавшейся в Иране буржуазии и части помещиков, связанных с рынком. Правда, А. Казем Бек не смог обнаружить у бабидов требований, непосредственно выражавших интересы угнетенных масс населения — крестьян и трудящихся слоев города, направленных против феодального строя, хотя он и приводит сведения об участии крестьян в бабидских восстаниях⁴³. Анализ и оценка бабидского движения А. Казем Беком нас, разумеется, удовлетворить не могут. Но он сумел понять, что одна из причин этого движения коренилась в общественно-политических условиях Ирана.

Другой дореволюционной работой на русском языке, сравнительно подробно излагающей бабидские восстания, является книга Атрпета «Бабиты и бехаиты». Она была издана в 1909 г. в Александрополе в качестве составной части работы того же автора «Имамат. Страна поклонников имамов». В 1910 г. книга «Бабиты и бехаиты» вышла в Тифлисе отдельным изданием. По своему научному уровню работа Атрпета намного уступает монографии А. Казем Бека, хотя она и вышла на сорок с лишним лет позднее ее. Неизвестно, какими источниками пользовался Атрпет — он их не указывает. Судя по описанию некоторых событий, например второго Нейризского восстания, Атрпет кроме работы А. Казем Бека был знаком с английскими переводами «Тарих-е джадид». Сведения, сообщаемые Атрпетом, расходятся с сообщениями других источников. Например, на с. 97 книги «Имамат. Страна поклонников имамов» он говорит, что Баб «чуждо владел арабским языком», тогда как все источники отмечают обратное. На с. 128 Атрпет пишет, что Баба казнили по приказу первого везира хаджи Агасы, тогда как последний в 1850 г. уже не занимал

этого поста и в действительности Баба казнили по настоянию мирзы Таги-хана Амир-е Кабира. По-видимому, Атрпет не был знаком с основными источниками по бабидскому движению. Персидского языка, судя по тому, как он искажает и путает персидские имена и названия, он не знал или знал плохо. Атрпет превозносит Бехаоллу, называет его истинным преемником Баба. Бехаолла, по его словам, еще в детстве «отличался своими гениальными способностями и творил чудеса» (с. 164—165). Такое отношение к Бехаолле свидетельствует о том, что информацию для написания своей книги он получил от бехаитов, которые воспользовались Атрпетом для восхваления своего руководителя и его последователей. Все это дает право не согласиться с претензией Атрпета на то, что его работа является «историческим исследованием». Кроме двух названных монографий в дореволюционной России было напечатано несколько статей о бабизме. Учение Баба кратко излагается в небольшом очерке бывшего переводчика русской дипломатической миссии в Тегеране Г. Батюшкова «Бабиды (персидская секта)», опубликованном в № 7 «Вестника Европы» за 1897 г.

Следует сказать несколько слов об источниках по социально-экономическому положению Ирана первой половины XIX в. Если в отношении антифеодальных восстаний середины XIX в., и в особенности о бабидских восстаниях, мы имеем сравнительно много источников, то специальных работ и источников по экономике и положению отдельных классов Ирана в первой половине и середине XIX в. нет ни на русском, ни на персидском, ни на западноевропейских языках. Отдельные сведения по экономическим и социальным вопросам можно найти только в разного рода работах и источниках, в том числе и в охарактеризованных выше.

Но в этих источниках и литературе на персидском языке имеются только случайные, попутные замечания по данным вопросам. Они, однако, интересны и полезны тем, что помогают проверить данные других источников, в частности русских экономических журналов, издававшихся в первой половине XIX в., а также описаний и дневников путешествий.

Из русских экономических журналов наибольший интерес представляет «Журнал мануфактур и торговли», в

котором до конца 40-х годов XIX в. систематически печатались статьи корреспондента из Тебриза. Статьи содержат много интересных материалов прежде всего о состоянии торговли в Иране. Наряду с ними в корреспонденциях имеются сведения об аграрном строе, о состоянии судопроизводства в Иране и т. д. В номерах 1—3 за 1838 г. напечатана, в частности, очень обстоятельная статья Ю. А. Гагемейстера «О европейской торговле Турции и Персии», написанная после путешествия ее автора по этим странам. Ю. А. Гагемейстер был крупным экономистом середины XIX в. В конце 50-х — начале 60-х годов он являлся директором канцелярии министерства финансов России⁴⁴. В названной статье он освещает состояние торговли и промышленности и касается, хотя и кратко, аграрного строя и положения различных классов в Иране.

Из описаний и дневников путешествий следует выделить работу И. Бларамберга, который проехал по северному Ирану в конце 30-х годов XIX в. и собрал большой и интересный материал по экономике, аграрным отношениям и другим областям социально-экономической жизни Ирана. Свои материалы он издал в Петербурге в 1842 г. в виде отдельной книги под названием «Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г.». В дальнейшем материалы И. Бларамберга были использованы при составлении третьего выпуска «Военно-статистического сборника», изданного в 1868 г. Описания путешествий И. Н. Березина, К. Боде, М. Гамазова хотя и содержат отдельные интересные сведения, но их значительно меньше, чем в книге Бларамберга.

Из описаний отдельных провинций и областей Ирана наибольшую ценность представляет работа И. Шопена «Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи», изданная в Петербурге в 1852 г. Автор этой исключительно богатой фактическим материалом книги по поручению Кавказского генерал-губернатора Паскевича в 1828—1832 гг. проводил описание областей, вошедших в состав России по Туркманчайскому договору 1828 г. (Ереванское ханство, Нахичеванская провинция и Ордубадский край). В течение трех лет И. Шопен объехал эти три области, их города и села, собрал богатейший статистический материал по экономике, аграрным отношениям, состоя-

нию ремесла и промышленности, положению отдельных классов, формам административного управления и по другим вопросам социально-экономической и политической жизни этих областей. Области эти в момент присоединения их к России имели в основном такую же социальную структуру и форму управления, как и другие, особенно северные, области Ирана. Это дает нам основание привлекать богатый фактический материал из книги И. Шопена «Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» для характеристики социально-экономического положения северного Ирана в первой половине XIX в.

Материалы русских архивов. При подготовке настоящей работы автором были просмотрены материалы Архива внешней политики России (АВПР) и Военно-исторического архива в Москве, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, а также Архива востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и Центрального государственного исторического архива ГрузССР в Тбилиси.

Самые ценные и обширные материалы по антифеодальным восстаниям середины XIX в. хранятся в Архиве внешней политики России. Они состоят из донесений русских консулов посланнику России в Тегеране и донесений последнего министру иностранных дел России графу Нессельроде. Нами просмотрен фонд «Канцелярия Министерства иностранных дел о Переписке с Тегераном», за время с 1843 по 1853 г. В тот период в Иране было три русских консульства: Генеральное консульство в Тебризе, консульство в Реште — главном городе Гилянской области, а также в Астрабаде. Почти все донесения из Тегерана в министерство иностранных дел в Петербурге, имеющие отношение к антифеодальным восстаниям середины XIX в., и в частности к бабидскому движению и бабидским восстаниям, прилагаются в Приложении к настоящей работе. Вся переписка русской дипломатической миссии в Тегеране с министерством иностранных дел велась на французском языке, поэтому все публикуемые здесь документы, за исключением одного донесения консула в Астрабаде русскому посланнику в Тегеране от 26 февраля 1849 г., являются переводами с французского языка на русский.

Из материалов других архивов следует упомянуть

донесения русского генерального консула в Тебризе Аничкова царскому наместнику на Кавказе князю М. С. Воронцову о борьбе между бабидами и их противниками в Тебризе в 1849 г., о Зенджанском восстании бабидов и о казни Баба. Наиболее интересные из них также публикуются в Приложении.

В Военно-историческом архиве в Москве и в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде не удалось обнаружить каких-либо документов, имеющих отношение к теме настоящей работы.

Некоторые архивные документы о пропаганде Баба и о его казни, о восстании бабидов в Зенджане, о покушении бабидов на жизнь Насер-эд-Дин-шаха, а также об Амир Пезае мирзе Таги-хане и его реформах опубликованы в 10-м томе Архивов кавказской археологической комиссии, изданном в Тифлисе в 1885 г.

В марксистской, советской литературе до сих пор нет специальных исследований об антифеодальных восстаниях середины XIX в., если не считать популярных брошюр: И. Даров «Бехаизм» (М.—Л., 1930), А. А. Аршаруни «Бабизм» (М.—Л., 1930) и «Бехаизм» (М., 1930), а также изданной в 1939 г. монографии автора данной работы «Бабидские восстания 1848—1852 гг.». Настоящая работа является, по существу, вторым изданием этой монографии.

Специальные главы о бабидских восстаниях опубликованы в 1952 г. в «Очерке истории Ирана», а также в учебнике для вузов «История Ирана» (М., 1977).

В различных общих работах бабидского движения попутно касаются такие советские авторы, как Е. А. Беляев в работе «Мусульманское сектантство» (М., 1957), Н. А. Смирнов в «Очерках истории изучения ислама в СССР» (М., 1954), В. И. Павлов в книге «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса» (М., 1979) и др. Н. А. Смирнов, не занимавшийся специально исследованием бабидского движения, по нашему мнению, недооценивает роль крестьян в бабидском движении и считает, что бабидские восстания были в основном движением городских слоев. Истории изучения бабизма и бехаизма в России посвящена специальная статья Н. А. Кузнецовой «К истории изучения бабизма и бехаизма в России» в книге «Очерки по истории русского востоковедения» (М., 1963).

Глава II

ИРАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В начале и середине XIX в. Иран продолжал оставаться отсталой, аграрной страной, где господствовали феодальные производственные отношения. Если в наиболее развитых странах Европы, таких, как Англия, Франция и некоторые другие, к этому времени на смену феодализму пришел капитализм, то в Иране, как и во многих других странах Востока, сохранялись феодальные, а в районах обитания кочевых племен еще более отсталые, патриархально-феодальные общественные порядки. Можно без преувеличения сказать, что в области общественно-экономического развития в первой половине XIX в. Иран отставал от передовых стран Европы на несколько веков.

Почему же страна, которая в прошлом, в древности, например в период существования Ахеменидского и Сасанидского государств, являлась одной из наиболее передовых и могущественных стран своего времени, к XIX в. превратилась в отсталое во всех отношениях государство?

Не ставя перед собой задачу дать полный и исчерпывающий ответ на этот вопрос, отметим некоторые весьма важные, на наш взгляд, факторы, обусловившие отсталость Ирана в общественно-экономическом и политическом отношении. Большое значение, например, имел тот факт, что в середине века Иран неоднократно подвергался чужеземным нашествиям и завоеваниям. Напомним наиболее значительные из них. В VII в. Иран был завоеван арабами, в XI в. — тюркскими племенами огузов. В XIII в. страна подверглась разрушительному нашествию монголов Чингисхана, в XIV в. стала добычей орд Тимура. В XVIII в. Иран пережил нашествие афганских ханов. Помимо этих самых крупных завоеваний, которые приводили обычно к созданию на территории Ирана новых государств, происходили многочисленные

вторжения различных, главным образом тюркских, кочевых племен. Как крупные, так и менее значительные чужеземные завоевания осуществлялись под руководством верхушки кочевых племен, которые с точки зрения общественно-экономического развития, как правило, находились на более низком уровне по сравнению с оседлым сельским населением Ирана и городами. Установление власти кочевой верхушки, которое обычно следовало за очередным иноземным нашествием, задерживало общественно-экономическое развитие страны. Иноземные нашествия сопровождались, как правило, массовым истреблением местного населения и страшными разрушениями, как это было, например, во время монгольского нашествия и в несколько меньшей мере — завоеваний Тимура и афганских ханов. Каждое такое завоевание отбрасывало развитие экономики и культуры страны далеко назад.

Кроме того, следствием этих нашествий было то, что в ряде районов страны оставались, иногда очень значительные, контингенты этих племен, которые продолжали вести кочевой образ жизни.

Население Ирана в этническом отношении представляло пеструю картину. Помимо персов, которые составляли основную массу населения страны, на северо-западе жили азербайджанцы, на западе — курды и бахтияры и луры, на востоке — белуджи, на северо-востоке — туркмены и другие кочевые и полукочевые племена. Многие из них сохраняли пережитки патриархально-родового строя и собственные вооруженные отряды, подчинявшиеся ханам племен. Благодаря этим отрядам они могли лишь формально подчиняться центральному правительству. Нередко ханы использовали свои отряды для набегов на другие районы и города страны. Верхушка кочевых племен была носителем феодально-сепаратистских тенденций и препятствовала проведению централизованной политики. Родо-племенные пережитки задерживали развитие экономических и социальных отношений не только у кочевников, но и в окружающих их оседлых районах.

Одной из причин социально-экономической отсталости Ирана в первой половине XIX в. были многочисленные межфеодалные распри и усобицы, которыми заполнена вся средневековая история Ирана, весь

XVIII и частично XIX в. Эти усобицы и распри, как правило, проявлялись особенно ярко при смене династий и отдельных правителей. Различные феодальные группировки пытались воспользоваться создавшейся ситуацией и вступали в борьбу за власть. При этом надо отметить, что в средние века и в XVIII в. претендентами на место правителей выступали обычно представители социальной верхушки кочевых племен. Сельджукские и монгольские правители, Тимур, ханы кара-койунлу и ак-койунлу, сефевидские шахи, Надир-шах, Керим-хан Зенд, Ага-Мохаммед-шах Каджар — все они вышли из среды военно-кочевой знати. И все они захватили власть после длительной феодальной междоусобной борьбы со своими соперниками.

Опустошительные чужеземные нашествия и завоевания, внутренние феодальные усобицы, наличие кочевых племен, часто совершавших набеги на оседлые районы, разоряли города и деревни, подрывали ремесло и торговлю, тормозили общественно-экономическое развитие страны.

К этим основным причинам надо добавить еще одну, связанную с климатическими особенностями страны. Имеется в виду, что на большей части территории Ирана, так же как и во многих других странах Востока, сходных с Ираном по климатическим условиям, земледелие ввиду сухости климата и недостаточного количества осадков невозможно без искусственного орошения. Существовавшие в Иране системы искусственного орошения — подземные каналы (канаты), плотины на больших и малых реках и сеть каналов и арыков требовали для их строительства и поддержания в хорошем состоянии больших затрат труда. Естественно, что в результате многочисленных иноземных завоеваний, межфеодалных войн, усобиц и набегов отрядов кочевых племен оросительным сооружениям наносился значительный ущерб, а подчас они приходили в полную негодность. Восстановление их в условиях продолжавшихся войн было невозможно. В районе Исфахана, например, до сих пор сохранились развалины многих селений, которые до афганского нашествия на Иран в первой четверти XVIII в. были заселены. А после афганского нашествия, во время которого были разрушены подземные оросительные каналы, эти селения были заброшены. Анало-

гичную картину можно видеть и в других районах Ирана, например в Систане.

В письме К. Марксу Ф. Энгельс писал об исключительно важном значении искусственного орошения для экономики стран Востока, в том числе и Ирана: «Плодородные земли достигались искусственным образом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно возделанные, теперь заброшены и пустыни (Пальмира, Петра, развалины в Пемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно было одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет»¹. Эту же мысль высказывал и К. Маркс в опубликованной в июне 1853 г. статье «Британское владычество в Индии»: «Одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации»². А Иран в период средних веков и в XVIII в. пережил не одну такую разрушительную войну и завоевание. Поэтому не приходится удивляться тому, что к XIX в. он отстал на несколько столетий от передовых стран Европы.

Указанные причины привели к тому, что в первой половине XIX в. Иран оставался отсталой, по существу, средневековой феодальной страной.

Подавляющее большинство населения страны занималось сельским хозяйством. Наряду с оседлым земледелием, которое преобладало в наиболее развитых областях — Иранском Азербайджане, Гиляне, Мазендеране, Ирак-е Аджаме, Фарсе и других, имелись также области, где было широко распространено кочевое скотоводство. Это были районы обитания кочевых племен — Курдистан, Луристан, Ардалан, Белуджистан, а также часть Фарса, Иранского Азербайджана, Хорасана, Кермана, Хузестана и некоторые другие. Точных статистических данных о составе населения Ирана в первой половине XIX в. нет. Но по ориентировочным данным и свидетельствам очевидцев, из общего числа населения оседлые сельские жители, т. е. главным образом крестьяне, составляли несколько более половины, кочевники — около трети, а на долю городских жителей приходилось намного меньше $\frac{1}{5}$ населения. Таким обра-

зом, оседлое сельское население и кочевники, которые по уровню своего развития стояли еще ниже оседлых крестьян, составляли абсолютное большинство населения — более $\frac{4}{5}$.

В Иране господствовали феодальные производственные отношения. Анализируя суть феодальных отношений в России, В. И. Ленин писал, что они «состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой; она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»³.

Суть производственных отношений в Иране первой половины XIX в. состояла в том же: феодалы-ханы имели монопольное право собственности на землю. Крестьяне пользовались землей как натуральной заработной платой, которая предоставлялась им для того, чтобы они могли выполнить повинности в пользу феодалов-ханов. Конечно, формы аграрных отношений в Иране отличались от форм аграрных отношений в России, поскольку условия, существовавшие в Иране, отличались от условий в России. Но по своей сути и в Иране и в России они были феодальными.

Верховным собственником всех земель считался шах, который даровал ханам земли и доходы с них и с городов во временное, условное пожалование за службу или в виде пенсий, называвшееся «тиул», и в наследственное пожалование — «союргал».

Прибавочный продукт, который феодалы взыскивали с крестьян, распределялся среди различных групп господствующих классов. Очень часто, если не всегда, с крестьян взимался не только прибавочный продукт, но и значительная часть необходимого и крестьянину оставался, по существу, только голодный минимум. Долю шаха составлял обычно малиат — подать, взимавшаяся с урожая зерновых и других культур, продукции скотоводства, садоводства, с городов и т. д. Малиат должен был взыскиваться со всех земель ежегодно в одном и том же размере, установленном в начале XIX в. во время царствования Фатх-Али-шаха. Но часто он совсем

не поступал в шахскую казну, особенно когда правители тех или иных областей Ирана, на которых лежала обязанность сбора малината и отправка его в Тегеран, чувствовали себя достаточно независимыми от шахской власти.

О порядке раздела прибавочного продукта, получаемого от эксплуатации крестьян, говорят формы землевладения.

В первой половине XIX в. существовали следующие основные формы землевладения. Государственные земли — халисе. Кроме них имелись также земли, принадлежавшие лично шаху и ближайшим членам его семьи. Какой-либо существенной разницы между землями халисе и шахскими землями в то время не было потому, что шахи не делали разницы между своими доходами и государственными. Весь доход с этих земель фактически поступал в шахскую казну. Размеры земель халисе намного увеличились в начале XIX в., когда Ага-Мохаммед-шах и Фатх-Али-шах широко практиковали конфискацию земель непокорных ханов.

Земли, принадлежавшие феодальной аристократии и рядовым феодалам — ханам. Это были главным образом земли, пожалованные шахами в тиул и сююргал. Прибавочный продукт, получаемый с этих земель, делился между ханами и шахской казной, в которую поступал малинат.

Вакуфные, или вакфные, земли — это земли, переданные, завещанные землевладельцами в распоряжение какого-либо религиозного учреждения. Существовали два вида вакуфов: общественные и частные. Общественные вакуфы — это земли и имущество, доходы с которых передавались целиком в распоряжение религиозного учреждения — мечети, гробницы мусульманского святого (имам-заде). Частные вакуфы сохранялись в собственности завещателей вакуфов и их наследников, и только часть доходов от них могла использоваться на содержание духовенства, медресе (духовной школы) и т. д. Согласно мусульманскому праву, вакуфное имущество не может быть конфисковано и не облагается налогами. В первой трети XIX в. число вакуфных земель намного увеличилось за счет пожертвований ханов, которым грозила конфискация земель со стороны шаха. Хотя формально вакуфные земли числились принадлежащими

мечетям и другим религиозным учреждениям, фактически они находились в распоряжении высшего духовенства — улемов и муджтехидов, которые и распоряжались их доходами.

Земли арбаби, или мельк, — земли, принадлежавшие не феодальной аристократии и рядовым феодалам, а купцам, муллам и другим лицам. Этими землями владели не на основе шахского пожалования, а на основе частной собственности. Владельцы могли их продавать, покупать, закладывать, передавать по наследству по своему усмотрению. Количество этих земель в первой половине XIX в. было еще невелико.

Земли племен считались принадлежащими всем членам того или иного племени. Но на деле ими владели и распоряжались племенная верхушка, ханы — вожди племен, превратившиеся уже в феодалов.

Кроме того, в небольшом количестве существовали земли хордемалек, принадлежавшие мелким земельным собственникам, которые платили малинат шаху или откупщикам, а также земли умуми (общинные) — выгоны, выпасы. Это были остатки общинного землевладения, и их размеры были весьма незначительными.

Наиболее широкое распространение имели земли халисе и принадлежавшие лично шаху, владения поместных ханов — земли тиульные и сююргальные, вакуфы и земли племен. Относительно тиулов следует сказать, что они по своей сущности напоминали западноевропейские феодалы. В случае передачи земли из фонда халисе в тиул владелец тиула — тиулдар довольно быстро становился обычным землевладельцем, забирая себе весь прибавочный продукт и иногда даже переставал выплачивать малинат в шахскую казну.

Различные формы земельной собственности имели значение только при распределении получаемого с крестьян прибавочного продукта между различными группировками класса феодалов. Крестьяне, как правило, своей земли не имели и вынуждены были обрабатывать государственную, шахскую, ханскую, вакуфную или частновладельческую землю. Независимо от того, на каких землях крестьяне работали, их положение было тяжелым.

На землях халисе и на землях ханов, и на вакуфных землях и на землях мельк они подвергались же-

стокой эксплуатации, по существу, одним и тем же классом феодалов, хотя он и состоял из различных групп.

Необходимо отметить, что феодальная суть аграрных отношений в Иране в русской литературе иногда замалчивалась и извращалась. Например, в изданной в 1909 г. в Петербурге работе «Из общественно-экономических отношений в Персии» офицера царской армии Л. Тигранова наряду с некоторыми верными и разумными наблюдениями о положении в иранской деревне утверждалось о «существовании в Иране якобы «неприкосновенного права крестьянина на „риша“ (т. е. на усадьбу, постройку, сад, огород. — М. И.) и возделываемое им поле»⁴. Этот вывод Л. Тигранов обосновывал ссылкой на правовые нормы шариа. По мнению Л. Тигранова, и ханы, и крестьяне в равной мере являлись бессрочными арендаторами земли, только ханы «имели некоторые административные права над имением», а крестьяне обязаны были «некоторому подчинению ханам»⁵. Таким путем Л. Тигранов замазывал характерную особенность феодального строя, на которой основывалась феодальная эксплуатация крестьянства, — монопольное право собственности шаха и феодалов на землю. Вообще для Л. Тигранова была характерна идеализация феодального строя. В своих лекциях об Иране, которые он читал в 1934 г. для аспирантов-иранистов на историческом факультете Ленинградского государственного университета и на которых присутствовал и автор настоящей работы, Л. Тигранов, например, утверждал, что основными принципами феодального строя являются справедливость, верность, честность, доблесть и тому подобные благородные черты. Надо иметь в виду, что книга Л. Тигранова пользовалась довольно широкой популярностью в научных кругах некоторых русских и даже советских иранистов. И утверждение о «неприкосновенном праве крестьянина на „риша“ и возделываемое им поле» повторяли вслед за Тиграновым многие другие авторы в своих работах об Иране XIX в.

Но свидетельства многих западноевропейских и русских путешественников, побывавших в Иране в первой половине XIX в., не согласуются с этими утверждениями. Почти все путешественники по Ирану сообщают, что ханы владели землями и деревнями. Например, в «Подробном описании Персии», опубликованном в

1829 г., на основе материалов, полученных из Ирана в 1826—1828 гг. во время второй русско-иранской войны, говорится: «Имение вельмож или придворных состоит в обладании многими деревнями»⁶. Путешествовавший по Ирану в 1840 г. К. Бодэ в своем письме от 20 июля писал: «Персидский крестьянин не имеет собственной земли (за исключением нескольких деревень); он нанимает ее у помещика»⁷. О том, что иранские ханы владели деревнями и землями, сообщает и В. Бороздин, путешествовавший по Ирану в 1817 г.⁸, и англичанин Ватсон⁹. Об этом же пишет Летурно, ссылаясь на сведения Друвиля, путешествовавшего по Ирану в 1812—1813 гг.¹⁰, и др. В иранских источниках, хотя они, как правило, и не уделяют внимания подобным вопросам, также можно встретить сведения об этом. Например, в многотомной истории Ирана «Роузат ас-Сефа» Реза Кули-хана сообщается, что деревня Арфа в окрестностях гробницы шейха Табарси, куда прибыли для подавления восстания бабидов в Мазендеране Ага-Абдолла и мирза Ага, принадлежала Назар-Али-хану¹¹. Эти сведения подтверждает и бабид мирза Джани Кашани в своей истории бабидского движения¹². Он же сообщает, что деревня Ханлык вблизи Тегерана принадлежала Манучехр-хану Мотамад эд-Доуле¹³. В некоторых случаях ханы имели свои дома в деревнях, которые им принадлежали. Упомянутый Реза Кули-хан сообщает, например, что принц Мехди-Кули мирза, прибывший в Мазендеран для командования правительственными войсками в подавлении бабидского восстания в этой провинции, остановился в деревне Васекес в доме Саид-хана Алибади¹⁴.

Приведенные данные опровергают мнение о «неприкосновенном праве крестьянина на „риша“ и возделываемое им поле». Земли принадлежали, за редкими исключениями, шаху, его придворным, феодалам, ханам, высшему духовенству, а крестьянин находился, по словам К. Маркса, в «положении простого придатка к земле»¹⁵.

Верховным собственником всех земель считался шах, который конфисковывал земли выступавших против него ханов и жаловал их своим приближенным или лицам, оказывавшим ему какие-либо услуги. Иранский историк мирза Таги Селехр сообщает, например, что уже во вре-

мя восстания бабидов в Мазендеране в конце 1848 г. Насер-эд-Дин-шах пожаловал брату убитого бабидами Абдолла-хана Мустафа Кули-хану большой участок земли в Пошт-е Кух в Хазар-Джерике¹⁵. В начале XIX в. Каджары широко прибегали к конфискации земель непокорных им ханов, пополняя тем самым фонд земель халисе, из которого впоследствии производились пожалования деревень и земель угодным Каджарам лицам.

Таким образом, основными классами в Иране в первой половине XIX в. были крестьяне и феодалы различных категорий.

Ханы, как правило, своего хозяйства не вели, а сдавали свою землю крестьянам в обработку на условиях средневековой кабальной аренды на основе старинной, средневековой пятичленной формулы. Крестьяне должны были отдать землевладельцам от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$, а в некоторых местах и до $\frac{4}{5}$ всего урожая в зависимости от того, пользовался ли крестьянин рабочим скотом, семенами, водой помещика. Земля и вода (и ирригационные сооружения) почти всегда считались принадлежащими землевладельцам. Часто им принадлежали также семена или рабочий скот, а иногда и то и другое. В таком случае феодал забирая себе $\frac{4}{5}$ урожая. Если у крестьянина были свои семена или рабочий скот, то он имел право оставить себе $\frac{2}{5}$ урожая.

Эта формула раздела урожая с некоторыми изменениями в зависимости от местных условий действовала повсеместно по всему Ирану. В безводных районах, где много годной для обработки земли оставалось неиспользованной из-за недостатка воды, например в районе Пезда, Кермана, Фарса, Систана и других, землевладелец только за воду забирая себе треть и больше урожая.

Крестьянин должен был нести и другие натуральные феодальные повинности в пользу феодала: бесплатно поставлять ему определенное количество масла, кур, яиц, шерсти, хвороста на топливо и т. д. Кроме того, существовали различные подати и сборы: подушные, подымовые, со скота, с ульев, ткацких станков, мельниц, садов, шелководства, поборы в пользу сборщиков податей, деревенских старост и т. д. Всего таких сборов и податей, например, в Армянской области, когда она входила в состав Ирана, поступало в иранскую казну от 25 до

38 руб. серебром ежегодно от каждой семьи¹⁷. Существовал разорительный для крестьян обычай «союрсат», по которому они обязаны были бесплатно кормить проезжающих чиновников, ханов, отряды войск. Крестьяне должны были подносить ханам и администрации по разным поводам (свадьба, рождение детей и т. д.) подарки — пишкеши. Существовал также сбор в пользу духовенства — закят. Общее количество различных податей и сборов, налагавшихся на крестьян в некоторых районах, превышало сто. В ряде областей за феодалом сохранялось право первой ночи.

Сбор налогов, помещичьей доли урожая и различных повинностей осуществлялся через мобашира — ханского управляющего и деревенского старосту — кедхода, который назначался ханом.

Мы располагаем свидетельствами сбора феодалами своей доли урожая в принадлежащих им деревнях в первой половине XIX в. В Армянской области, например, делалось это таким образом: «Когда молотьба начиналась, то саркяр (управляющий, представитель хана. — М. Н.) смотрел за устройством гумен и наблюдал, чтобы они были все расположены в одном месте, не ближе полуверсты от селения; в середине всех гумен возвышалась каланча, с которой саркяр наблюдал, чтобы жители не увозили домой хлеба еще не измеренного. Каждый вечер, по окончании молотьбы и провеивания, продукты собирались на гумне в большие кучи и саркяр прикладывал к ним, кругом и на верхушке, изображение, вырезанное на дощечке в виде печати. Караульщик приставлялся на ночь к гумнам для наблюдения за целостью сих печатей»¹⁸. На следующий день крестьяне отвозили по указанию управляющего ханскую долю в амбары хана, а остатки крестьянам разрешалось забирать себе. О таком же способе сбора ханской доли урожая сообщают и другие источники, например тебризский корреспондент «Журнала мануфактур и торговли»¹⁹.

Феодальные ханы и их управляющие — мобашеры чинили произвол и насилия над крестьянами. Почти повсюду существовала барщина — несколько дней в году крестьянин должен был бесплатно работать на хана, хотя, как уже говорилось, ханы обыкновенно своего хозяйства не вели и сдавали свои земли крестьянам на условиях кабальной аренды, барщина не была широко рас-

пространена и основной формой эксплуатации крестьян была кабальная феодальная аренда.

Что касается сбора податей и налогов в пользу государства, то они всегда сдавались на откуп. Откупщики, заинтересованные только в собственной выгоде, старались взыскать с населения как можно больше, прибегая к различным ухищрениям и насилиям.

Формально, согласно шариаху, крестьянин считался свободной личностью, но в силу целого ряда политических и экономических причин, таких, как неограниченная власть ханов в принадлежащих им деревнях, долговая кабала, недонмки и т. п., он фактически был закрепощен и не мог переходить от одного хана к другому. И если такие переходы в отдельных случаях происходили, крестьянина насильно возвращали в его старую деревню.

Жестокая феодальная эксплуатация крестьян, произвол ханов и их управляющих в деревнях, систематические феодальные войны — все это порождало массовую нищету среди крестьян. Они были поголовно неграмотны, лишены какой-либо медицинской помощи. Кругозор их был крайне ограничен. Если в деревне жил мулла, а это бывало не так часто, то он был единственным грамотным человеком. Прimitивное религиозное мировоззрение, различные суеверия были единственной возможной формой идеологии темного, подавленного феодальным гнетом крестьянина.

Надо отметить, что положение рядовых кочевников — илотов несколько отличалось от положения оседлых крестьян. Хотя вожди племен уже превратились в основном в феодальных ханов, методы эксплуатации рядовых кочевников были несколько иными. Рядовые члены племен отдавали ханам — вождям племен часть своего скота — пять-шесть овец с сотни и обязаны были пасти их скот. Они должны были отдавать ханам часть продуктов скотоводства, а также преподносить им подарки. Из них комплектовались вооруженные отряды ханов. Эти, по существу, феодальные отношения прикрывались патриархальными формами. Для сохранения своего господства среди племен ханы — вожди племен использовали пережитки патриархальных отношений. Но положение рядовых кочевников, несмотря на их зависимость и эксплуатацию со стороны вождей племен,

все же было менее тяжелым, нежели положение оседлых крестьян. Повинности в пользу ханов с илотов взимались в сравнительно меньших размерах, чем с оседлых крестьян. Кочевники либо совершенно не платили налоги и подати в казну центрального правительства, либо выплачивали их в меньшем размере. Рядовые илты, входя в состав вооруженных отрядов ханов и в феодальные ополчения, из которых составлялась шахская конница, принимали, хотя и в незначительной степени по сравнению с ханами, участие в дележе военной добычи, захваченной во время военных походов и набегов вооруженных отрядов племен на оседлые районы. Это было одной из причин, задерживавших переход кочевников на оседлость. Только немногие, в основном обедневшие, илты бросали кочевой образ жизни, переходили на оседлость и попадали в кабалу к феодалам. Другой важной причиной, препятствовавшей переходу от кочевого к оседлому образу жизни, было отсутствие средств у рядовых кочевников для создания искусственного орошения, без которого в большинстве случаев невозможно вести земледелие. Хань — вожди племен, имевшие достаточно средств, не были заинтересованы в переходе кочевников на оседлость, так как это лишало бы их работников, пасших огромные стада ханов, а также возможных воинов для ханских вооруженных отрядов.

В иранской деревне господствовало натуральное хозяйство. Крестьяне производили в собственном хозяйстве почти все необходимое для удовлетворения своих потребностей силами своей семьи. Только ничтожная часть необходимых предметов приобреталась на стороне, у деревенского лавочника, который также стремился нажиться на крестьянине. Крестьянская семья занималась не только земледелием и скотоводством, но и обработкой сельскохозяйственного сырья. Крестьяне молотили зерно на ручной мельнице, пекли хлеб, пряли, красили, изготавливали хлопчатобумажные, шелковые и грубошерстные ткани, дубили кожи, строили и ремонтировали жилища и помещения для скота, изготавливали сельскохозяйственные орудия.

Надо заметить, что земля обрабатывалась самыми примитивными, существовавшими еще много веков назад орудиями. Лопата, мотыга, деревянная соха, у которой лемехом служил заостренный кусок дерева (редко с же-

лезным наконечником), борона с каменными и очень редко с железными зубьями и серп были основными сельскохозяйственными орудиями крестьянина. Иногда он выполнял также столярные и кузнечные работы. В некоторых деревнях кузнецы содержались за счет сельской общины, существовавшей в деревнях и возглавлявшейся сельским старостой.

В Иране существовала также домашняя промышленность. С древнейших времен было распространено ковроткачество. Им занимались главным образом кочевые племена — кашкайские, белуджские, туркменские, шахсевенские и др. Производство ковров имело большое значение не только для крестьян и кочевников, но и для экономики страны в целом. Сотканые из натуральной шерсти и окрашенные естественными красителями, с оригинальными рисунками, характерными для каждой местности или племени, иранские ковры пользовались большой популярностью и спросом на мировом рынке.

Кроме домашней промышленности в сельской местности в иранских городах имелось развитое ремесло. Ремесленники Иранского Азербайджана и других областей северного Ирана, Ирак-е Аджама, Фарса и других областей снабжали хлопчатобумажными, шелковыми и шерстяными тканями, железными и медными изделиями, а также изделиями из серебра, коврами и другими товарами не только весь Иран, но и вывозили их в значительных количествах за границу, в Россию и Западную Европу. Производством хлопчатобумажных тканей особенно славилась Исфахан, Пезд и Боруджерд. В меньших размерах бумажные и шелковые ткани производились во всех областях Ирана²⁰. Город Кашан славился своими коврами, медными и железными изделиями, фарфором, а также шелковыми и бумажными тканями, города западного Ирана — Хамадан и Керманшах — бумажными тканями и шерстяными изделиями²¹. Казвин и Исфахан славилась ружьями и холодным оружием, а Минане — коврами²².

Ремесло было раздроблено на множество цехов. Цехи представляли собой феодальную организацию. Ф. Энгельс, выясняя причины, которые привели к образованию цехов в Германии, писал в своей работе «Немецкая идеология»: «Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в об-

щих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура страны — все это породило цехи; благодаря тому, что отдельные лица среди ремесленников, число которых оставалось неизменным при растущем населении, постепенно накапливали путем сбережений небольшие капиталы, — развилась система подмастерьев и учеников, создавая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения»²³.

В Иране причины, обусловившие образование цехов, были приблизительно такими же, как и в Германии. Цеховые организации создавались для защиты профессиональных интересов различных категорий ремесленников. И в Иране цехи имели старшину и учеников, подмастерьев²⁴.

Ремесленники каждой специальности объединялись в отдельные цехи. В Армянской области, например, по сведениям И. Шопена, насчитывалось 96 различных родов ремесла и 10 124 ремесленника, что составляло больше 6% к общему числу населения этой области²⁵. В действительности же количество их было еще большим, так как, по словам И. Шопена, многие ремесленники не были учтены. По некоторым видам ремесла насчитывалось всего только от одного до трех человек. Ремесленники должны были иметь разрешение на работу от градоначальника или откупщика и платить им за это деньгами или продуктами своего труда. Все расчеты и связи цеха с правителем города осуществлялись через цехового старосту.

Ремесленники производили изделия из кожи и тканей, из меди, серебра и золота. Особенно широко было распространено ткачество и производство ковров. Все сельское население и значительная часть городского населения одевалась в кустарные изделия.

В 30-х годах XIX в. в Иране стали появляться зачатки новой, более высокой формы производства. Корреспондент «Журнала мануфактур и торговли» Ю. А. Гагемейстер, путешествовавший по Ирану в середине 30-х годов XIX в., писал о производстве бумажных тканей: «Больших фабрик нигде нет. Часть тканей делается женщинами в домах; мужчины тоже занимаются

у себя на базарах или в ханах (т. е. в больших зданиях, отдаваемых внаймы по частям), и в одной келье помещается по одному или по два стана. Ткачи работают то на своих станках, то на хозяйских, получая материал уже набитый»²⁶. Эти сведения говорят о том, что уже имелись рассеянные мануфактуры с разделением труда, основанные на ручном труде. Часть ткачей получала не только сырье, но и полуфабрикаты и работала на хозяйских станках. Таким образом, когда-то самостоятельные ткачи превращались в наемных рабочих, получавших заработную плату, но работали они не под одной крышей.

Наряду с рассеянной мануфактурой существовали в большом количестве небольшие мастерские, называемые очевидцами — путешественниками, обычно фабриками, где в одном помещении работало до 10 человек. Вот что пишет К. Боде в письме из Ирана от 20 июля 1840 г.: «Буруджирд — настоящий Манчестер Персии; в нем находится более 50 ситцевых фабрик»²⁷. Большое количество ткацких мастерских имело в Иезде, Исфахане и некоторых других городах Ирана. Таким образом, к середине XIX в. в стране уже возникли зачатки капиталистического способа производства, начала появляться капиталистическая мануфактура.

Ремесленники были тесно связаны с торговлей. Ремесленники чаще всего работали на базарах, которые были центрами экономической жизни города. Иногда они работали по заказу торговцев, но часто сами, в своих мастерских продавали свои изделия.

В первой половине XIX в. в Иране была развита широкая торговля хлопчатобумажными и шелковыми тканями, железными, медными изделиями, коврами; холодное и огнестрельное оружие и другие товары продавались не только в центрах их производства, но и развозились караванами купцов по всему Ирану.

Внутренняя торговля сосредоточивалась главным образом в руках мелкого и среднего купечества. Торговцев с крупными капиталами было сравнительно немного. В городах купцы объединялись в купеческие союзы — гильдии и имели в каждом городе своего главу — таджербаши.

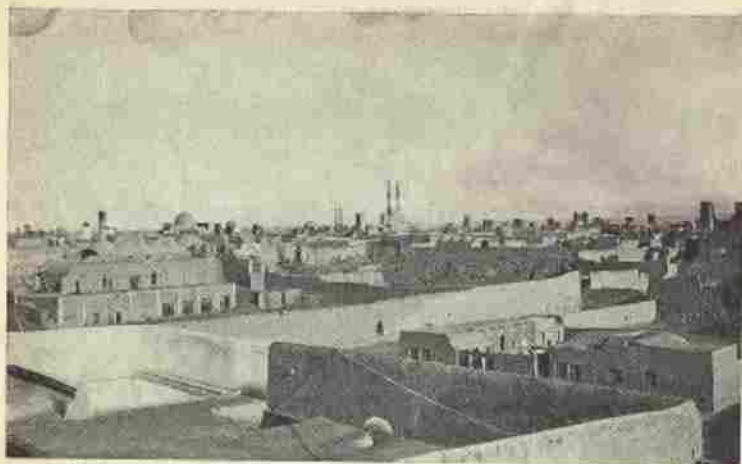
Нормальному развитию торговли мешали феодальная раздробленность, частые восстания ханов против центрального правительства, набеги отрядов кочевников,

необеспеченность прав собственности в условиях феодального строя. Например, как писал корреспондент «Журнала мануфактур и торговли» в Тебризе, в 1847 г. в результате восстания крупного феодала Салара в Хорасане торговля Тебриза с Хорасаном почти совершенно прекратилась²⁸. А такие выступления феодальных ханов в первой половине XIX в. происходили почти непрерывно то в той, то в другой области Ирана.

В провинциях существовали внутренние таможенные пошлины. Товар, провозимый из Исфахана на север Ирана, облагался внутренними таможенными пошлинами в размере 30% его стоимости²⁹. Товар на дороге из Решта в Бендер-Бушир облагался таможенными пошлинами в 14 местах³⁰.

В разных провинциях существовали различные меры весов, длины, денежные единицы. В городах производились сборы на оплату караульных, на базарах платили за торговое помещение. Все это стесняло развитие свободного товарооборота. Часто бывало, что губернатор, пользуясь своей неограниченной властью в области, забирал наиболее выгодные отрасли торговли в свои руки. И. Шопен пишет об Армянской области: «Сердарь обыкновенно присваивал себе монополию на все произведения земли, приказывая продавать себе одному весь имеющийся в ханстве избыток хлопчатой бумаги и чалтика»³¹ по установленным им на эти произведения ценам: за хлопчатую бумагу по 80 рублей серебром, а за чалтик по 6 рублей серебром халвар³², и жестоко преследовал осмелившихся продавать свои излишки в иные руки. Эти произведения, купленные по назначенным ценам, присоединялись к податным и поручались купцам для отправления в Турцию, Грузию, смотря по тому, где цены были выгоднее»³³. Купцы в этом случае выступали в роли комиссионеров губернатора, и из прибылей от этих операций им оставались только жалкие крохи с губернаторского стола.

Необеспеченность прав собственности и личности, существовавшая в середине XIX в. в Иране, была другим важнейшим препятствием на пути развития любой предпринимательской, в том числе и торговой, деятельности. Ф. Энгельс писал: «Восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатра-

Город Йезд

пов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности (в английском тексте вместо выражения «буржуазной предпринимательской деятельности» напечатано: «прибыльной торговли». — *Примеч. ред. Соч.*) — безопасность личности купца и его собственности»³⁴.

Иран первой половины XIX в. представлял типичный пример отсутствия безопасности личности и сохранности собственности купца. Шахские губернаторы по любому поводу брали взятки с купцов, а в некоторых случаях попросту отбирали все товары и деньги под каким-нибудь, часто вымышленным предлогом. Разбойничьи шайки грабили торговые караваны в пути. Многие губернаторы не только не боролись с этим, но сами участвовали в грабежах. Например, как пишет И. Н. Березин, «правитель Шираза Фарман-Фарма позволял грабить исфаханские караваны, получая за это известную долю из награбленного»³⁵.

Гражданское судопроизводство, оформление торговых сделок и купчих находилось в руках высшего духовенства — улемов, муджтехидов. Оформление сделок сопровождалось не только взятками, без которых в Иране нельзя было добиться совершения какой-либо сделки, но и вымогательством и прямым мошенничеством.

Березин приводит случай, когда один муджтехид 9 раз оформил заклад на один и тот же дом³⁶.

Необеспеченность собственности приводила к тому, что купцы неохотно пускали свои свободные капиталы в оборот. В стране ощущался недостаток в свободном капитале и проценты по ссудам достигали от 30 до 100 годовых³⁷. В этом крылась одна из причин слабого развития капиталистических отношений — простейшей капиталистической кооперации, мануфактуры.

Внешняя торговля Ирана в начале XIX в. была развита крайне слабо и играла незначительную роль в экономике страны. Феодалные междоусобицы конца XVIII в. и непрерывные войны в начале XIX в. привели к разорению страны, и внешняя торговля в этот период находилась в состоянии упадка. Она сократилась даже по сравнению со временем правления Керим-хана Зенда, не говоря уж о сефевидском периоде, особенно о начале и середине XVII в., когда Иран во время и после правления шаха Аббаса I переживал период расцвета и имел оживленные торговые отношения со многими европейскими государствами.

Политическим строем Ирана в начале XIX в. была неограниченная феодальная монархия, сохранявшая многие черты восточной деспотии. Верховным неограниченным правителем страны являлся шах из династии Каджаров³⁸, утвердившей свою власть в Иране в конце XVIII в. в борьбе с потомками Керим-хана Зенда. В торжественных случаях и придворными историками он, по традиции, назывался шахиншахом — царем царей, по примеру древних и средневековых правителей Ирана (Ахеменидов, Сасанидов и др.), когда в состав Ирана входил ряд соседних областей и государств, управлявшихся вассалами иранского шаха. В особо торжественных случаях шах созывал совет феодальной знати и высшего духовенства, который имел совещательные функции и собирался очень редко. Фактически большинство государственных дел решалось первым везиром шаха, имевшим титул «садр азам».

При основателе Каджарской династии Ага-Мохамед-шахе и первые 10 лет правления его преемника — Фатх-Али-шаха садр азамом был хаджи Ибрагим, который во время борьбы Каджаров с Зендами изменил Лотф-Али-хану Зенду и перешел на сторону Ага-Мо-

Хаджи мирза Агаси

хаммеда, сдав ему столицу Зендов — город Шираз. Первое время хаджи Ибрагим имел огромное влияние на молодого Фатх-Али-шаха, который без его одобрения не принимал никаких решений. Но в конце концов Фатх-Али-шах стал страшиться все возрастающего влияния своего садр азама. В 1808 г. по приказу шаха хаджи Ибрагим был арестован и брошен в темницу. Ему выкололи глаза, отрезали язык, и вскоре он умер. Садр азамом при преемнике Фатх-Али-шаха — Мохаммед-шахе, который занимал шахский трон с 1834 по 1848 г., был хаджи мирза Агаси. Мохаммед-шах больше занимался своим гаремом и другими развлечениями, и государст-

венные дела решал, так же как и в первые годы царствования Фатх-Али-шаха, его садр азам.

Хаджи мирза Агаси не отличался государственными способностями и оставил о себе плохую память в Иране. Один из русских путешественников, М. Гамзатов, побывавший в Иране в середине XIX в., приводит такой анекдот о садр азаме Мохаммед-шаха: «Как досадно, право, — говорят, издеваясь, персияне, — что хаджи мирза Агаси умер» и на удивленный вопрос слушателя отвечают: «Да потому, что он разорил этот свет, а теперь и тот поставит вверх дном»³⁹.

Кроме садр азама в начале XIX в. шах имел еще трех везиров. Один из них — мостоуфи оль-мамалек — ведал финансами страны, составлял смету доходов по областям и контролировал их поступление. Другой — монши оль-мамалек — управлял шахской канцелярией, ведавшей иностранными делами. Третий везир занимался военными делами. Кроме того, при шахском дворе имелось много других сановников: церемониймейстер — ишикагаси, начальник полиции — феррашбани, глава шахских охотников — шекарбани, начальник шахских конюшен — ахурбани, главный евнух, распоряжавшийся в шахском гареме, и др. Большинство из них обслуживали шахский двор, хотя часто при решении государственных дел, например при назначении правителей областей и других чиновников, они играли не менее важную роль, чем везиры. Но все же самыми высокопоставленными государственными сановниками были садр азам и упомянутые выше первые три везира.

Структура центрального государственного аппарата Ирана, существовавшая в первой половине XIX в., доказывает справедливость известного положения К. Маркса о государственном аппарате в странах Азии, которое было им высказано в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии». «В Азии, — писал он, — с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»⁴⁰. В Иране мы видим те же главные ведомства — финансовое и военное. Разница была только в том, что ведомства общественных работ в то время в этой стране уже не было.

Это было признаком упадка государственного аппарата феодального Ирана.

В административном отношении Иран делился в то время на 29 областей и провинций⁴¹. Провинции, называвшиеся аялятами, являлись наиболее крупными и важными административными единицами. Их было четыре: Иранский Азербайджан, Хорасан, Фарс и Керман. Для управления аялятами шах обычно назначал в качестве наместников — генерал-губернаторов (вали) своих сыновей (шахзаде). Правителем самой важной и богатой в то время провинции — Иранского Азербайджана при Каджарах всегда назначался старший сын шаха и наследник шахского престола (валиахд). Правителями других областей назначались также ближайшие родственники шаха или наиболее влиятельные местные ханы, известные своей приверженностью Каджарской династии.

Правители провинций и областей являлись фактически самостоятельными князьками. Они имели своих везиров, чеканили медную монету, собирали внутренние таможенные пошлины, налоги и подати, решали уголовные дела по своему усмотрению, даже выносили смертные приговоры, как это было, например, в Армянской области до присоединения ее к России⁴². Правитель рассматривал управляемую им область как свою вотчину и распоряжался в ней так же, как шах во всем Иране. Иногда между правителями соседних областей возникали конфликты и споры по «пограничным» вопросам, которые переходили нередко в вооруженные столкновения. Такие столкновения, например, неоднократно вспыхивали в первой трети XIX в. между двумя сыновьями Фатх-Али-шаха, один из которых правил Боруджердом и Бахтиарией, а другой — Керманшахом и Хузестаном.

Правители областей и провинций должны были ежегодно вносить в шахскую казну определенную сумму в виде налогов и податей, а также выступать со своими ополчениями по вызову шаха на войну или для подавления восстаний внутри страны. Положение дел в провинции меньше интересовало шахское правительство. Но даже и эти условия — внесение определенной суммы в казну и поставка войск — часто не выполнялись. Например, доходы с крупнейшей провинции Ирана — Хора-

сана за всю первую половину XIX в. не поступали в казну шахского правительства, а целиком расходовались на месте по усмотрению правителя Хорасана. В Хорасане, Кермане, Фарсе и других областях часто происходили восстания местных феодалов против власти шаха или его наместников. Влиятельные феодальные ханы не желали даже номинально признавать власть шаха и центрального правительства, а некоторые даже выступали претендентами на шахский престол. В течение первой половины XIX в. каджарским шахам пришлось почти непрерывно вести военные действия против непокорных феодалов⁴³.

Особенно большой независимостью пользовались вожди кочевых племен: кашкайские, курдские, бахтиарские, лурские, белуджские ханы. Они управляли районами, где находились зимние и летние кочевья их племен, как независимые феодальные правители и часто отказывались даже номинально подчиняться приказам шаха и его правительства.

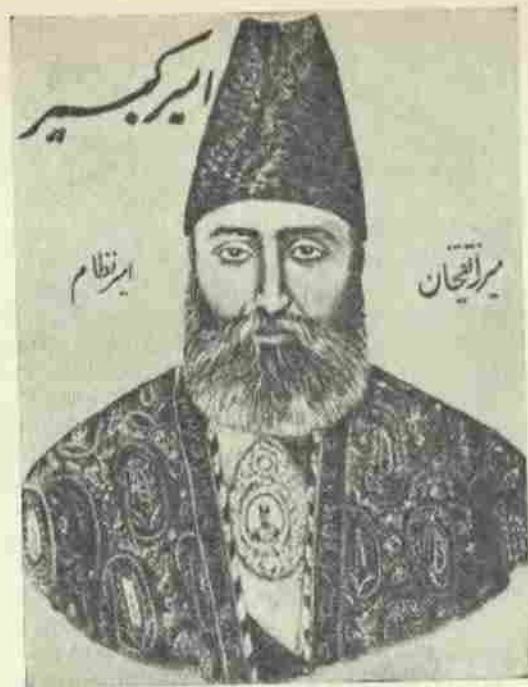
Войска шаха состояли из конницы, пехоты и артиллерии. Наиболее боеспособной частью была иррегулярная кавалерия, состоявшая в основном из отдельных конных отрядов кочевых племен. Отряды подчинялись своим ханам — вождям племен и во время боевых операций часто действовали самостоятельно, не подчиняясь общему командованию. Пехота комплектовалась путем рекрутского набора, который производился пропорционально суммам налогов, уплачиваемых той или иной областью. Определенного срока несения военной службы для рекрутов не устанавливалось, и поэтому в пехоте служили люди разных возрастов. В мирное время рекруты нередко распускались по домам и призывались только в период военных действий. По существу, это было феодальное ополчение. Вооружено оно было ружьями старых образцов, и его боеспособность была чрезвычайно низкой. Артиллерия также была малобоеспособной. Хотя и существовали артиллерийские начальники — тупбаши и артиллерийское управление — тупхане, но фактически специальных артиллерийских частей, вооруженных современными орудиями, в шахской армии не было.

В начале XIX в. каджарский принц и наследник шахского престола Аббас-мирза пытался организовать с по-

мощью французских и английских офицеров регулярную армию по европейскому образцу. Но его попытки окончились неудачей. Также неудачно закончились подобные попытки, предпринимавшиеся и после смерти Аббас-мирзы. Основной причиной этих неудач был существовавший в Иране феодальный строй. Феодалы стремились не допустить создания боеспособной армии, которая затем могла быть использована для их подчинения. А социальные силы, которые могли быть заинтересованы в укреплении централизации страны, отсутствовали. Позднее, в 1857 г., Ф. Энгельс писал по поводу попыток создать в первой половине XIX в. регулярную армию в Иране: «В Персии азиатскому варварству была привита европейская система военной организации... Английские, французские, русские офицеры поочередно пытались организовать персидскую армию. Одна система сменяла другую, и каждая, в свою очередь, встречала препятствия вследствие зависти, интриг, невежества, жадности и подкупности тех жителей Востока, которых эти системы должны были превратить в европейских офицеров и солдат»⁴⁴.

Иранские правители не утруждали себя организацией сбора налогов, податей и пошлин. Этот сбор сдавался на откуп. Откупщики вносили суммы, которые пужно было получить с населения той или иной области или города, а затем сами, применяя всяческие насилия и притеснения, взыскивали их. Они взымали с населения намного больше положенного, стремясь восполнить и внесенные ими деньги, и взятки, данные при получении откупа, и получить возможно больший доход.

Откупная система проникала во все сферы жизни иранского государства. Она существовала в армии, где посты и чины продавались. Стремясь возместить заплаченное при получении чина и должности, многие военачальники не платили солдатам положенное им ничтожное жалованье. Чтобы не умереть с голоду, солдаты были вынуждены заводить торговлю фруктами, горохом и другими продуктами и нередко таскали в караул свои мелочные лотки. По сообщению очевидцев, когда это воинство передвигалось по стране, оно опустошало местность, по которой шло, «отнимая у жителей хлеб, имущество и даже выючных животных со всем товаром»⁴⁵.

Мирза Таги-хан, Амир-е Кабир

Взятничество под видом подарков и подношений было чрезвычайно широко распространено. Шах брал крупные суммы за предоставление различных чинов, титулы, звания и т. д. Подарки были обычным, общепризнанным явлением. Без них просителей не допускали к начальству и к влиятельным лицам. Крестьяне преподносили пишкеш ханам, ремесленники и купцы — губернаторам, ханы и губернаторы — везирам шаха и самому шаху. Правителями областей шах назначал тех представителей феодалов, которые преподносили ему в качестве пишкеша большую по сравнению с другими претендентами сумму. У шаха была даже специальная канцелярия по сбору пишкешей.

Значительная часть средств, взыскивавшихся с населения, расходовалась на содержание шахского двора с

его многочисленными придворными, гаремом, сыновьями и дочерьми шаха. По сведениям иранского историка Сепехра, после Фатх-Али-шаха осталось 60 сыновей, 46 дочерей, 158 жен. Всех их Сепехр называет по именам и сообщает, что всего в гареме Фатх-Али-шаха было около тысячи жен и наложниц. Для их содержания нужен был громадный обслуживающий персонал. А это стоило больших денег.

Каждый принц-шахаде, правитель области и провинции также имел свой двор, гарем, хотя и меньших по сравнению с шахским размеров.

Стоявшие у власти в Иране представители господствовавшего класса феодалов ни о каком общественном благе не заботились. Они стремились к легкой, беспечной жизни и цель управления видели в получении доходов. И. Шопен так характеризует аппарат управления Армянской области в первой трети XIX в.: «Управление сердары разделялось на четыре отделения, хотя он сам, быть может, никогда этого не замечал: а) отделение домашнее, или двора его, б) отделение военное, в) отделение финансовое, г) отделение исполнительное или полицейское. Финансовое почиталось главным и господствующим; оно привлекало преимущественно внимание сердаров и занимало почти исключительно деятельное и изобретательное его воображение. Наконец, исполнительное отделение, или полицейское, всегда сливалось с финансовым, ибо власть нужна была почти для того только, чтобы производить сборы»⁴⁶. Таким же образом было построено управление и другими провинциями и областями Ирана. Структура управления провинциями и областями была копией структуры центрального шахского правительства.

Правление шаха, его правительства, губернаторов областей было диктатурой феодалов. Их основной, главнейшей задачей было обеспечение господства ханов, жестокой эксплуатации крестьян и городского населения и подавления сопротивления крестьянских и городских трудящихся масс.

Очень важную роль в общественно-политической жизни страны играло мусульманское шиитское духовенство. Ислам шиитского толка был господствующей религией Ирана. Проповедуя, что все существующие законы и порядки, весь общественный строй базируются на Ко-

ране и шариате, шиитское духовенство тем самым освящало феодальный строй. Коран, шариат и хадисы (предания о жизни пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников) были созданы в раннем средневековье, и их предписания, конечно, не могли соответствовать общественно-экономическим условиям Ирана середины XIX в. Правами толковать положения Корана, шариата и хадисов монополично пользовалось высшее духовенство — улемы, муджтехиды. Иногда даже шахи, если им нужно было придать своим решениям религиозный ореол, обращались к высшему духовенству с вопросом, соответствует ли духу Корана и хадисов то или иное решение, которое они намеревались принять. И духовенство издавало в этом случае соответствующую фетву — обязательное для всех мусульман предписание.

Толкование предписаний Корана, хадисов и фетвы, как правило, осуществлялось в интересах господствующих классов.

Распоряжаясь вакуфным имуществом — землями, а также некоторыми доходами с городов, высшее духовенство занимало важные позиции и в экономике страны, не отличаясь в этом отношении от светских феодалов — ханов. Часто представители высшего духовенства через подставных лиц или непосредственно занимались торговлей и даже ростовщичеством.

Кроме того, в руках духовенства сосредоточивались такие важные области общественной жизни, как гражданское судопроизводство, школы и собственно духовная власть. Суд, основанный на шариате, выносил решения по гражданским и религиозным делам, таким, как дела о наследстве, браке, разводе, по торговым и другим сделкам. Главными судьями были наиболее известные и авторитетные среди духовенства муджтехиды. Их приговоры были окончательными; их мог отменить только другой, более известный и влиятельный муджтехид. В городах судьями были наиболее видные местные духовные лица. В сельской местности эти обязанности выполняли муллы. Свое положение судей духовенство использовало и для обогащения. Решение суда часто определялось не степенью вины подсудимого, а суммой взятки, которую давала судье та или другая сторона.

Кроме шариатского, религиозного суда имелся еще и светский — урф во главе со светскими чиновниками.

его многочисленными придворными, гаремом, сыновьями и дочерьми шаха. По сведениям иранского историка Сепехра, после Фатх-Али-шаха осталось 60 сыновей, 46 дочерей, 158 жен. Всех их Сепехр называет по именам и сообщает, что всего в гареме Фатх-Али-шаха было около тысячи жен и наложниц. Для их содержания нужен был громадный обслуживающий персонал. А это стоило больших денег.

Каждый принц-шахзаде, правитель области и провинции также имел свой двор, гарем, хотя и меньших по сравнению с шахским размерам.

Стоявшие у власти в Иране представители господствовавшего класса феодалов ни о каком общественном благе не заботились. Они стремились к легкой, беспечной жизни и цель управления видели в получении доходов. И. Шопен так характеризует аппарат управления Армянской области в первой трети XIX в.: «Управление сердаря разделялось на четыре отделения, хотя он сам, быть может, никогда этого не замечал: а) отделение домашнее, или двора его, б) отделение военное, в) отделение финансовое, г) отделение исполнительное или полицейское. Финансовое почиталось главным и господствующим; оно привлекало преимущественно внимание сердаря и занимало почти исключительно деятельное и изобретательное его воображение. Наконец, исполнительное отделение, или полицейское, всегда сливалось с финансовым, ибо власть нужна была почти для того только, чтобы производить сборы»⁴⁶. Таким же образом было построено управление и другими провинциями и областями Ирана. Структура управления провинциями и областями была копией структуры центрального шахского правительства.

Правление шаха, его правительства, губернаторов областей было диктатурой феодалов. Их основной, главнейшей задачей было обеспечение господства ханов, жестокой эксплуатации крестьян и городского населения и подавления сопротивления крестьянских и городских трудящихся масс.

Очень важную роль в общественно-политической жизни страны играло мусульманское шиитское духовенство. Ислам шиитского толка был господствующей религией Ирана. Проповедуя, что все существующие законы и порядки, весь общественный строй базируются на Ко-

ране и шариае, шиитское духовенство тем самым освящало феодальный строй. Коран, шариа и хадисы (предания о жизни пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников) были созданы в раннем средневековье, и их предписания, конечно, не могли соответствовать общественно-экономическим условиям Ирана середины XIX в. Правами толковать положения Корана, шариа и хадисов монопольно пользовалось высшее духовенство — улемы, муджтехиды. Иногда даже шах, если им нужно было придать своим решениям религиозный ореол, обращались к высшему духовенству с вопросом, соответствует ли духу Корана и хадисов то или иное решение, которое они намеревались принять. И духовенство издавало в этом случае соответствующую фетву — обязательное для всех мусульман предписание.

Толкование предписаний Корана, хадисов и фетвы, как правило, осуществлялось в интересах господствующих классов.

Распоряжаясь вакуфным имуществом — землями, а также некоторыми доходами с городов, высшее духовенство занимало важные позиции и в экономике страны, не отличаясь в этом отношении от светских феодалов — ханов. Часто представители высшего духовенства через подставных лиц или непосредственно занимались торговлей и даже ростовщичеством.

Кроме того, в руках духовенства сосредоточивались такие важные области общественной жизни, как гражданское судопроизводство, школы и собственно духовная власть. Суд, основанный на шариае, выносил решения по гражданским и религиозным делам, таким, как дела о наследстве, браке, разводе, по торговым и другим сделкам. Главными судьями были наиболее известные и авторитетные среди духовенства муджтехиды. Их приговоры были окончательными; их мог отменить только другой, более известный и влиятельный муджтехид. В городах судьями были наиболее видные местные духовные лица. В сельской местности эти обязанности выполняли муллы. Свое положение судей духовенство использовало и для обогащения. Решение суда часто определялось не степенью вины подсудимого, а суммой взятки, которую давала судье та или другая сторона.

Кроме шариятского, религиозного суда имелся еще и светский — урф во главе со светскими чиновниками.

Он действовал не на основе какого-либо писаного свода законов, а руководствовался прецедентами и обычаями, которые были разными в различных концах страны. В суде урф решались уголовные дела об убийстве, воровстве, мошенничестве и т. д. Главой суда урф считался шах.

Система образования, все школы, начиная от низших, так называемых мактабов, где местный мулла учил многих ребятишек алфавиту и чтению Корана, до высших религиозных школ — медресе, находились в руках духовенства. Преподавание в школах было основано на богословской шиитской мусульманской догме. Полный контроль духовенства над школами был важным орудием укрепления его позиций среди масс темного, неграмотного населения городов и деревень.

Все это приводило к тому, что духовенство, особенно высшее, имело огромное влияние на общественно-политическую жизнь страны, что нередко вызывало беспокойство и недовольство светских феодалов — шаха, правителей областей, городов. Они с опаской и ревностью смотрели на влияние улемов и муджтехидов и при всяком удобном случае стремились ограничить его. По традиции, духовенство в Иране формально было независимо от шахской власти. Оно не получало оплаты от правительства и не зависело от него материально. Источником существования духовных лиц служили закаты и хомс — сборы с населения в пользу духовенства⁴⁷, пожертвования богатых мусульман, а также доходы от вакуфного имущества.

Такое независимое и влиятельное положение духовенства приводило иногда к конфликтам между ним и светской властью — шахом и правителями областей и городов. Этим объясняется тот факт, что проповедь некоторых мусульманских сект, выступавших против официального шиизма, иногда встречала сочувственное отношение при дворе шаха и среди некоторых правителей провинций. Шах и его губернаторы надеялись использовать проповеди сектантов для подрыва чрезмерного влияния высшего духовенства. Каджарский шах Фатх-Али, например, сочувственно относился к проповеди шейха Ахмеда Ахсан, основателя секты шейхитов, из среды которой затем появился Баб, руководитель секты бабидов, возглавивших в середине XIX в. народные вос-

стания в Иране. Но разногласия между высшим духовенством и шахом и его губернаторами не заходили далеко. Это были разногласия между разными прослойками одного и того же господствующего класса. Шиитское духовенство было призвано охранять и освящать феодальный строй, в сохранении которого были заинтересованы и светские феодалы, и духовенство, особенно высшее. И как только существованию феодального строя начинала грозить опасность со стороны угнетенных масс, светские феодалы и высшее духовенство отбрасывали свои разногласия в сторону и, объединившись, единым фронтом выступали против поднимавшегося против них народа. Так бывало всегда во время народных восстаний; особенно ярко это проявилось в середине XIX в. в период массовых антифеодальных выступлений.

Следует заметить, что положение низших слоев духовенства, особенно сельского, значительно отличалось от положения высшего духовенства. Низшее духовенство не пользовалось доходами от вакуфов, которыми распоряжалась верхушка шиитской иерархии. Судопроизводство также не могло служить для них существенным источником доходов, так как для разрешения крупных споров и тяжб, приносящих большие доходы, обращались не к представителям низшего духовенства, а к более видным шиитским духовным деятелям. В то же время закаты не особенно охотно вносились мусульманами и не мог служить твердым источником существования для рядовых мулл, число которых было велико. Поэтому некоторые представители низшего духовенства, в том числе и сейиды⁴⁸, чтобы обеспечить себе средства к существованию, были вынуждены заниматься каким-либо ремеслом, торговлей или даже земледелием⁴⁹. Бывали случаи, правда редкие, когда муллами, особенно сельскими, становились выходцы из крестьянских семей. Например, один из наиболее радикальных руководителей антифеодального восстания в Мазендеране в 1848—1849 гг., мулла Мохаммед-Али Барфуруши, происходил из крестьянской семьи⁵⁰. Таким образом, по своему экономическому и общественному положению часть низшего духовенства стояла ближе к трудящимся слоям населения, чем к высшему духовенству. Это и было причиной того, что в народных выступлениях против феодального строя представители низшего духовенства,

тесно связанные с широкими народными массами, оказывались во главе выступавшего против феодалов народа.

Таково было экономическое и общественно-политическое положение Ирана на рубеже XIX в., когда началось проникновение в эту страну западноевропейского капитала.

В первой половине XIX в. во внутреннем и внешнеполитическом положении Ирана произошли весьма важные изменения.

Уже с конца XVIII в. началось активное проникновение в Иран европейских держав и борьба между ними за укрепление влияния в этой стране, которая была важным плацдармом экспансии европейских государств на Ближнем и Среднем Востоке и на подступах к Индии. Если в конце XVIII в. и в самом начале XIX в. соперничество в Иране происходило главным образом между передовыми европейскими государствами, в которых уже победила буржуазная революция, — между Францией и Англией, то с начала XIX в. в эту борьбу стала все активнее вступать царская Россия. Соперничество между Англией и царской Россией все более усиливалось, и к концу первой четверти XIX в. они стали основными противоборствующими силами в этой части мира. Активизация политики европейских держав и их борьба в Иране оказывала в первой половине XIX в. все возрастающее воздействие на экономическую и политическую жизнь этой отсталой, феодальной страны.

Напомним основные факты проникновения Франции, Англии и царской России в Иран и борьбы между ними в этой стране. Они явились первыми вехами превращения Ирана в зависимую от европейских держав страну.

В связи с египетским походом Наполеона в 1798 г. и его провалом Бонапарт выдвинул идею использования территории Ирана для похода на Индию. С этой идеей было связано прибытие в 1796 г. в Тегеран французских представителей, которые пытались спровоцировать Иран на выступление против России, а также использовать его территорию для борьбы против Англии.

Англичане ответили на это заключение в январе 1801 г. англо-иранского политического и торгового договора, по которому шах обязался, в частности, разо-

рывать переговоры с французами и выслать их представителей из Ирана. Но затем, в изменившейся международной обстановке, в 1806 г. в Иран прибыла французская миссия, а в мае 1807 г. между Францией и Ираном был подписан Финкенштейнский оборонительно-наступательный договор, направленный против Англии и России, с которой в это время Иран находился в состоянии войны. После этого в 1807 г. в Иран прибыла французская военная миссия, возглавлявшаяся генералом Гарданом. В соответствии с Финкенштейнским договором она приступила к организации регулярных иранских войск.

Кроме того, Гардан заключил с Ираном торговый договор, подтверждавший капитуляционный режим, предоставленный французским подданным в 1707 и 1715 гг. последним сефевидским шахом Султан Хосейном. Хотя французы по ряду причин не смогли воспользоваться экстерриториальными правами, полученными ими по договору 1807 г., следует, однако, заметить, что этот договор был первым соглашением Ирана с европейским государством, предусматривавшим установление капитуляционного режима, который впоследствии сыграл важную роль в превращении Ирана в зависимую страну.

Соглашение 1809 г. и договор 1814 г., заключенные между Ираном и Англией, не содержали условия предоставления Англии капитуляционного режима и прав экстерриториальности. Заключая их, англичане стремились превратить Иран в орудие своей колониальной политики на Среднем Востоке, использовать его территорию для борьбы против Франции и царской России. Англия преследовала в начале XIX в. в Иране главным образом стратегические цели: она подстрекала Иран к продолжению войны с Россией, устанавливала свое господство в Персидском заливе и в прилегающих к нему районах на подступах к Индии. Она также пыталась осуществить свои планы экспансии в Закавказье и Закаспийских областях. С этой целью англичане обязались, по соглашению 1809 г. и договору 1814 г., выплачивать иранскому шаху ежегодные субсидии, снабжали его оружием, посылали своих военных инструкторов для организации регулярных частей в иранской армии.

Но попытки сначала французских, а затем английских офицеров создать боеспособные регулярные части в составе вооруженных сил Ирана серьезных результа-

тов не имели. Иррегулярная конница — отряды кочевых племен и пехота, состоявшая из феодального ополчения, подчинявшегося отдельным ханам, не могли противостоять русской армии. В первой (1804—1813) и второй (1826—1828) русско-иранских войнах иранская армия потерпела сокрушительное поражение.

Первая русско-иранская война закончилась подписанием Гулистанского мирного договора 1813 г., а вторая война — Туркманчайского договора 1828 г., который был заключен вместо Гулистанского договора, объявленного недействительным. Одновременно с Туркманчайским мирным договором был подписан также и особый трактат о торговле.

Подписание Туркманчайского договора и трактата о торговле имело большое значение для экономической и политической жизни Ирана и его отношений с европейскими государствами. Этот договор закреплял отказ Ирана от претензий на Грузию, Восточную Армению, Дагестан и Закавказские ханства и включение их в границы России. Устанавливалось исключительное право России иметь свой военный флот на Каспийском море. Иран же не мог иметь свои военные корабли на этом море. Этого права Россия добивалась с целью не допустить попыток Англии и Франции использовать Каспийское море для нападения на Россию. О возможности такого использования Каспийского моря свидетельствовали планы английской экспансии в Закавказье и, в частности, их попытки, предпринятые в 1810 г., получить разрешение шаха на строительство военных кораблей на иранском побережье Каспийского моря.

Русско-иранский трактат о торговле 1828 г. подтверждал условие Гулистанского договора о праве свободной торговли для купцов обеих сторон на территории другой стороны, а также об установлении ввозных таможенных пошлин в размере 5% стоимости ввозимых товаров. От каких-либо других сборов внутри страны русские купцы освобождались. Это означало, что они могли не уплачивать внутренние таможенные пошлины, существовавшие в то время в Иране. Кроме того, Туркманчайский мирный договор и трактат о торговле предоставлял России право консульской юрисдикции. Русские подданные, в том числе и русские купцы, получали право экстерриториальности, они были неподсудны

иранским судам. Все судебные дела иранцев с русскими подданными, в том числе и гражданские дела, иски и т. п. должны были решаться в русских консульствах. Русские купцы и подданные получали ряд других льгот и привилегий. Например, они получали право в случае банкротства иранских купцов получать в первую очередь удовлетворение по своим искам. Все это ставило русских купцов в Иране в более выгодное положение по сравнению с иранскими купцами.

Однако царская Россия из-за своей экономической отсталости в то время не могла в полную меру воспользоваться этими льготами и привилегиями.

Однако преимуществами для иностранных подданных воспользовался западноевропейский капитал, в первую очередь английский. Предоставления таких же льгот, которые были получены Россией по Туркманчайскому договору, стали требовать от Ирана западноевропейские государства. В 1836 г. англичане добились от шаха издания специального указа о распространении на Англию некоторых льгот и привилегий для иностранных подданных, подобных тем, которые получила Россия в 1828 г. По этому указу, в частности, английские купцы получали право свободного ввоза своих товаров в Иран с уплатой таможенных пошлин в размере 5% стоимости ввозимых товаров. В течение нескольких лет Англия требовала, чтобы Иран заключил с Англией торговый договор на условиях, аналогичных Туркманчайскому договору.

Добиваясь этого, Англия пускала в ход дипломатический и военный нажим на Иран. Это ярко проявилось в связи с походом Мохаммед-шаха на Герат в 1837 г. Герат, по словам Ф. Энгельса, являлся «стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом⁵¹ на западе и севере и рекой Индом на востоке»⁵². Англичане рассматривали поход иранского шаха на Герат, который раньше был в вассальной зависимости от Ирана, как угрозу своим колониальным интересам на Среднем Востоке. Добиваясь снятия осады Герата шахскими войсками, англичане пригрозили объявлением войны Ирану, направили свою военную эскадру в Персидский залив и разорвали дипломатические отношения с этой страной. Одновременно они потребовали, чтобы шах подписал с

Англией торговый договор и предоставил англичанам право экстерриториальности. В конце концов под угрозой войны с Англией шах вынужден был принять требования англичан. Иранские войска были отозваны от Герата и из крепости Гориан, оккупированной Ираном. В 1841 г. Иран подписал с Англией торговый договор, предоставлявший английским подданным право экстерриториальности, освобождение английских товаров от уплаты внутренних таможенных пошлин и установление ввозных пошлин в размере 5% стоимости товаров. В конце 30-х — начале 40-х годов был издан ряд указов шаха об особом покровительстве английским купцам и о защите их интересов в Иране. В 1845 г. такие же привилегии были предоставлены Франции, а затем и Австрии. Впоследствии, в 50-х годах XIX в. Иран вынужден был заключить с рядом западных капиталистических государств договоры о предоставлении им капитуляционных прав (в 1855 г. — с Францией, в 1856 г. — с Соединенными Штатами Америки, в 1857 г. — с Бельгией, Данией, Голландией, Швецией и др.).

Установление капитуляционного режима для европейских подданных сопровождалось ростом политического, экономического и военного влияния иностранных держав.

В 30—40-е годы влияние иностранных держав в Иране значительно возросло. Иностранные консулы и другие представители, пользуясь правом экстерриториальности, брали под свое покровительство не только подданных своей страны, но также и иранцев, связанных с ними, свою иранскую агентуру. По их требованиям смещались и назначались правители областей.

Пускались в ход взятки на подкупы представителей шахского правительства от мелких чиновников до садр азама. В донесении от 27 декабря 1844 г. русский посланник в Тегеране граф Медем сообщал министру иностранных дел России графу Нессельроде, что иранский садр азам хаджи мирза Агаси обратился к нему с просьбой ссудить 2 тыс. туманов. Медем писал, что он выдал эту сумму хаджи Агаси, и просил Нессельроде «подарить» их садр азаму. Такие подарки, по свидетельству Медема, он получал часто⁵³.

Нередко иностранные представители прямо вмешивались во внутренние дела Ирана. Например, русский кон-

сул в Гиляне в сентябре 1848 г. просил русского посланника в Тегеране ходатайствовать перед шахом о том, чтобы в этом году не взыскивался малиат, а в будущем году сумма его была снижена⁵⁴.

В первой половине XIX в. было положено начало закабалению Ирана и превращению его в зависимую от иностранных держав страну.

По Туркманчайскому договору, Иран должен был выплатить царскому правительству контрибуцию в сумме 20 млн. руб. Уплата контрибуции истощала и без того пустую из-за военных расходов иранскую казну. Русский посланник А. С. Грибоедов в донесении Нессельроде от 20 октября 1828 г. писал, что для выплаты контрибуции «Аббас-мирза велел расплавить в слитки превосходные канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько самый материал; это распоряжение явно доказывает безденежье шаха»⁵⁵. Для уплаты контрибуции были введены чрезвычайные налоги и сборы. Но, несмотря на это, как писал А. С. Грибоедов в том же донесении, Аббас-мирза «положительно не имеет денег, разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценные вещи»⁵⁶. А. С. Грибоедов считал, что нельзя настаивать на немедленной уплате Ираном очередного взноса контрибуции, но направлявшиеся ему инструкции о взыскании контрибуции не менялись, и он вынужден был требовать уплаты очередных взносов. Выплата контрибуции тянулась около четверти века. Еще в 1852 г. Иран недоплатил России 472 тыс. золотых туманов. Мохаммед-шах изменил содержание золота в тумане с 20 до 18 ноходов⁵⁷. Русский посланник ответил на это тем, что нечислил оставшийся к уплате последний, десятый курур вместо 500 тыс. в 600 тыс. туманов.

Несмотря на многочисленные налоги, взыскивавшиеся с населения, иранское правительство постоянно нуждалось в деньгах. Стремясь выйти из тяжелого положения, оно прибегало к новому увеличению налогов и собирало их за год вперед. «С 1837 года недостаток денег в государственной казне, — сообщалось в „Военно-статистическом сборнике“, — заставил правительство шаха выдавать чиновникам бараты, т. е. письменные виды на получение жалованья из доходов известной области.

Число подобных баратов в скором времени оказалось столь велико, что стало превышать средства, назначенные на их уплату. Это обстоятельство заставило владельцев баратов начать продажу их за половину и даже четверть цены правителям областей, которые стали представлять их в казну за настоящую цену в счет собранных налогов вместо наличных денег. Таким образом, введение баратов послужило источником еще больших злоупотреблений чиновников и повело наконец к совершенному расстройству казны»⁵⁸.

Установление капитуляционного режима в Иране было использовано английским капиталом для превращения Ирана в рынок сбыта для своих товаров. Начиная с 30-х годов XIX в. растет ввоз в Иран английских текстильных товаров, которые составляли и тогда и в последующее время $\frac{9}{10}$ общего импорта в Иран. В 1827 г. из Англии было ввезено в Иран 11,5 млн. ярдов бумажных тканей, в 1829 г. — 15,5 млн., а в 1834 г. — уже 28,6 млн. ярдов. За семь указанных лет ввоз английского текстиля в Иран увеличился в 2,5 раза⁵⁹. В то же время общий ввоз в Иран русских товаров с 1824 по 1826 гг. до 1851—1853 гг. сократился в 3 раза. Особенно сильно — в 10 раз сократился ввоз в Иран русских текстильных товаров, которые не могли выдержать конкуренции с более дешевым текстилем Англии⁶⁰.

Главным центром ввоза европейских товаров в Иран был г. Тебриз, куда товары доставлялись через турецкий город Трапезунд. Если в 1833 г. в Тебриз было ввезено товаров на 15,3 млн. руб., то в 1836 г. — уже на 40 млн. руб.⁶¹. До 1836/37 г. ввоз иностранных товаров в Тебриз находился почти целиком в руках иранских купцов. Они закупали их в кредит в Константинополе и возвращали долги после продажи товаров в Иране, получая таким образом возможность наживаться на торговле иностранными товарами.

Но в 1836/37 г. разразился торговый кризис. Иранские купцы завезли так много товаров в Иран, что не смогли продать их и расплатиться со своими кредиторами. В ответ на это многие фирмы прекратили кредитование иранских купцов и начали открывать в Иране отделения своих собственных торговых фирм. Так, в Тебризе были открыты иностранные торговые фирмы Ф. Ралли, Главани и Стефанович. В конце 40-х годов в

Тебризе и Тегеране начал действовать английский торговый дом «Братья Стивенс». Один из Стивенсов до 50-х годов был одновременно и главою торгового дома и английским консулом в Тегеране. В это же время в Иране была основана еще одна английская торговая фирма — «Братья Бэрджес»⁶².

Все эти торговые фирмы на 95% торговали английскими текстильными изделиями. Первое место по объемам торговых оборотов занимал торговый дом Ралли. Ввоз его составлял около половины, а в некоторые годы и больше, всего импорта в Иран. Глава этого торгового дома, грек по национальности, чтобы приобрести заступничество влиятельного русского консула в Тебризе, принял русское подданство.

Иранские купцы были вытеснены из сферы внешней торговли и на долгие годы лишились прибылей от нее. Они попробовали было бойкотировать торговый дом Ралли, но «выгодные условия продажи и вмешательство русского консула изменили намерения персиян, и английские мануфактурные изделия, кроме которых у Ралли ничего не было, потекли широкой лавой по тебризским караван-сараям, а отсюда в Тегеран, Казвин, Кум»⁶³.

В спорах иностранных подданных с иранскими купцами на сторону иностранных купцов вставали не только их консулы, но и иранские губернаторы. В своем стремлении угодить иностранцам иранские правители не останавливались перед нарушением старинных обычаев страны, например права беста⁶⁴. Так, например, Березин пишет, что «9 декабря по твердому настоянию нашего консула Н. А. Аничкова тебризский принц-губернатор приказал своим феррашам, для первого опыта, взять ложных персидских банкротов, задолжавших русским подданным, в доме муджтехида и в Сейид-Гамзе (мечеть в Тебризе. — М. И.); так как сила старинного предрассудка была опасна, то нашествие учинено ночью через окна, и без значительного шума виновные были выведены из своего убежища»⁶⁵. Затем, как сообщает Березин, должников публично секли на базаре и площадях Тебриза⁶⁶.

После торгового кризиса 1836/37 г. импорт иностранных товаров и торговля ими в Иране значительно сократились. Европейские товары до кризиса продавались по-

требителям средними и главным образом мелкими иранскими купцами. Доходы от этой торговли были важной статьей их бюджета. Теперь она резко сократилась. К концу 40-х годов иранские торговцы начали восстанавливать свои прежние позиции в области внешней торговли, но кредитов европейских торговых фирм они так и не получили. Конкурировать с иностранными торговыми домами, в особенности с фирмой Ралли, иранскому купечеству было не под силу. Торговый дом Ралли и другие европейские фирмы закупали товары прямо в Манчестере, а иранские купцы перекупали их в Константинополе из вторых и третьих рук, значительно переплачивая.

Торговый баланс Ирана в первой половине XIX в. был всегда пассивен. Ежегодно миллионы рублей золотом, а в некоторые годы и десятки миллионов, вывозились из страны для покрытия разницы между ввозом и вывозом⁶⁷. Одной из важных статей иранского экспорта до 40-х годов XIX в. был гиланский шелк, вывозившийся в основном в Константинополь. Но в результате конкуренции индийского, греческого и турецкого шелка его экспорт в 40-х годах резко сократился. По сообщению тебризского корреспондента «Журнала мануфактур и торговли», в 1846 г., несмотря на хороший сбор и низкие цены, из Ирана было вывезено шелка только на 1761,2 тыс. руб. — на 1361,3 тыс. руб. меньше, чем в 1845 г. Еще за несколько лет до этого шелк из Ирана вывозилось на сумму до 6 млн. руб., но с каждым годом спрос на него сокращался все больше и больше⁶⁸.

Другой важной статьей иранского экспорта был вывоз в Закавказье и в прикаспийские области России бумажных и шелковых тканей иранского производства. В 30-х годах XIX в. их экспортировали в Россию на сумму до 5 млн. руб. в год. При этом значительная часть тканей вывозилась контрабандным путем, и поэтому их стоимость не включалась в указанную выше сумму⁶⁹. Но уже в 1846 г. корреспондент из Тебриза сообщал, что вывоз из Ирана в Россию бумажных и шелковых тканей начал сокращаться, так как они не находят сбыта в России⁷⁰. В результате увеличилась потребность в валюте для расчетов по внешней торговле.

Результатом проникновения европейского капитала и установления в стране капиталистического режима яви-

лось разрушение таких важных для экономики Ирана отраслей, как ремесло и домашняя промышленность. Товары, производившиеся в этих отраслях, не могли выдержать конкуренции с дешевыми западноевропейскими товарами промышленного производства, продававшимися в 2—3 раза дешевле, чем аналогичные товары иранского производства. В 1843 г. исфаханский кадак⁷¹, например, стоял от 7 руб. 50 коп. до 9 руб. за штуку (отрез). Английский же кадак продавался по 3 руб. за такой же отрез. Хотя качество английского кадака было хуже исфаханского, его покупали охотнее иранского, который вскоре был совершенно вытеснен с иранского рынка⁷². Такое же соотношение цен было и по другим товарам.

В подобных условиях спасти иранское ремесло, домашнюю промышленность и уже начинавшие зарождаться зачатки капиталистической мануфактуры от иностранной конкуренции можно было только путем запрета на ввоз западноевропейских товаров или установления высоких ввозных пошлин на них. Но это была, как писал Ю. А. Гегемейстер в 1838 г., «в нынешнем зависимом положении Персии... вещь несбыточная»⁷³. Правительство иранского шаха подписывало выгодные для западноевропейского капитала и губительные для иранской промышленности торговые договоры с европейскими государствами. А губернаторы иранских провинций и областей под нажимом иностранных консулов, а часто за взятки или из чувства угодливости перед иностранными представителями расчищали путь для проникновения иностранного капитала, создавая благоприятные условия для деятельности иностранных фирм.

В результате создавались препятствия для развития капиталистических мануфактур в Иране. Небольшие мастерские и рассеянные мануфактуры, делавшие только первые шаги в области разделения труда и повышения его производительности, не могли, конечно, выдержать конкуренции с западноевропейским промышленным капиталом и разорялись. Открывшиеся было в середине XIX в. около Тегерана бумагопрядильная, шелковая и бумажная фабрики, а также стекольный завод вскоре были закрыты⁷⁴.

Домашняя промышленность Ирана, и прежде всего ее главная отрасль — ткачество, игравшее важную роль

в экономике страны, сильно пострадала и понесла большой урон в результате конкуренции иностранных товаров. Процесс разорения начался и в других отраслях ремесла. Изучая результаты воздействия конкуренции европейских товаров на страны Востока, К. Маркс писал в 1853 г.: «Ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее расстройство в общественной жизни»⁷⁵. В Иране проникновение иностранных товаров оказало разрушительное действие не только на местную промышленность, но и на все области политической и экономической жизни. Усилился рост товарно-денежных отношений. Развитые денежные отношения существовали в Иране и раньше, например в VIII—IX вв. в Аббасидском халифате, в XIII—XIV вв., в период монгольского завоевания. Но тогда денежные отношения не проникали так глубоко в общество и не несли существенных разрушений основам феодальной экономики. Они являлись результатом развитого обмена между областями и странами, уровень развития производительных сил которых различался не так сильно, как в XIX в. между передовыми странами Западной Европы и Востоком. В XIX в. денежные отношения были результатом, а отчасти и средством вторжения гораздо более производительного и мощного западноевропейского капитала, который стремился превратить Иран в рынок сбыта своих товаров, разрушая местную промышленность и ремесло и добиваясь политических и экономических преимуществ для своих фирм и подданных. Таким образом, денежные отношения приобрели принципиально иной характер. Они в еще большей мере подтачивали феодальную экономику Ирана.

✓ В результате роста денежных отношений усилился кризис ленного землевладения. Феодальные ханы уже не могли обходиться без денег. Развитие денежных отношений привело к росту денежных расходов ханов, среди которых стали распространяться предметы роскоши. Хань могли получать деньги главным образом от крестьян. Это привело к увеличению денежных поборов с крестьян. Часть феодальных повинностей крестьян они

начали переводить в денежную форму. Стали продаваться не только те продукты, которые ханы получали от крестьян, но в некоторых районах, например на севере страны, появились собственные запашки феодалов. Но денег ханам все равно не хватало. Они были вынуждены обращаться к ростовщикам, закладывали, а иногда и продавали свои земли богатым городским торговцам и представителям высшего духовенства.

Секретарь комиссии по турецко-персидскому разграничению М. Гамазов в своем дневнике сообщает о ряде случаев продажи урмийскими ханами своих деревень. Он пишет, что в 1851 г. Реза Кули-хан Урмийский продал за 100 туманов старшине харкийцев хаджи Аге половину земли деревни Балулан. В 1845 или в 1846 г. мирза Абдолла продал половину земли деревни Эмби за 200 туманов шейху Ахмеду Харки. Тот же мирза Абдолла продал половину земли деревни Шабан за 50 туманов Кара Себоду Харки и т. д.⁷⁶ Здесь приводятся случаи продажи земли только в одном Урмийском районе. В других областях и районах Ирана происходил подобный же процесс.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что к середине XIX в. началось заметное увеличение количества земель, основанных не на ленном праве феодального пожалования, а на праве частной собственности, земель арбаби или мельк. Расширение этой формы землевладения объяснялось также и тем, что имевшиеся в стране свободные капиталы, для которых путь к вложению в мануфактуры и фабрики был закрыт из-за конкуренции иностранных товаров, охотно тратились на покупку земель. Таким путем образовался наряду с ханским землевладением и за счет его этот новый тип помещичьего землевладения.

Новые землевладельцы были заинтересованы в сохранении феодальных аграрных отношений. Они не стремились уменьшить феодальный гнет крестьян и ликвидировать средневековую аренду. Наоборот, новые землевладельцы увеличивали эксплуатацию крестьян, положение которых ухудшилось. Но владельцы земель арбаби, связанные с рынком и торговлей, были заинтересованы в установлении порядка в Иране, в устроении всего, что мешало развитию свободного торгового оборота и помещичьего хозяйства, в том числе феодальной раз-

дробленности, в укреплении власти центрального правительства, безопасности на дорогах, в борьбе с разбоями и с бесконтрольным самоуправством губернаторов, в улучшении путей сообщения и связи, в реформах финансовой системы и судопроизводства, в некотором развитии школ и т. д.

Таким образом, проникновение иностранного капитала в Иран привело к весьма значительным изменениям в экономике страны. Кризис феодального строя усилился, противоречия его обострились. В положении различных классов и общественных слоев населения происходили заметные сдвиги.

Об изменениях, которые происходили в среде господствующего класса феодалов, мы уже писали. Суть их состояла в том, что из феодальных землевладельцев выделилась группа более тесно связанных с внешним и внутренним рынком землевладельцев-помещиков, которые владели землей не на основе ленного феодального пожалования, а на основе частной собственности. Это были в основном выходцы из купечества, духовенства и чиновников. Но и среди феодальной аристократии появлялись отдельные лица, связанные с рынком, которые начинали понимать необходимость некоторого изменения системы правления и установления порядка. Как правило, это были те представители феодальных ханов, которые побывали в европейских странах, познакомились с существовавшими там порядками и имели возможность сопоставить их с положением, существовавшим в Иране. Это сравнение было не в пользу Ирана. И у многих из них возникали мысли о полезности проведения таких реформ, которые, не затрагивая основ феодальных аграрных отношений в деревне, несколько изменили бы систему управления, положив некоторый предел самоуправству крупных феодалов и ограничив наиболее вопиющие средневековые пережитки в деятельности шахской администрации. Но за проведение таких преобразований выступала сравнительно небольшая часть господствующего класса. Основная и наиболее влиятельная часть правящих классов, подавляющее большинство придворных, правителей областей и провинций были против каких-либо изменений существующего положения, при котором они могли бесконтрольно грабить управляемые ими области и страну в целом.

Против реформ, которые могли бы укрепить иранское государство и сделать его самостоятельным, были и Англия, и царская Россия, которые старались сохранить Иран в качестве слабого и неспособного противостоять их притязаниям государства. А шах и его правительство к тому времени уже начали превращаться в послушных исполнителей воли этих держав. Когда в 1848—1851 гг. первый министр молодого Насер-эд-Дин-шаха Амир-е Кабир мирза Таги-хан Фарахани попытался провести ряд реформ, то его сместили, а затем убили, и в этом немалую роль сыграли иностранные государства, особенно Англия.

Следует заметить, что в середине XIX в. иностранный капитал проникал в Иран и оказывал свое воздействие на страну главным образом не прямо и непосредственно, а через самих же иранцев. Западноевропейские товары привозились из-за границы в Иран иностранными фирмами, но на территории Ирана они доводились до потребителей — широких слоев иранского населения — иранскими купцами. Иностранных подданных в Иране было немного. Англия и царская Россия, их посланники и консулы свою политику в отношении Ирана проводили главным образом через шахское правительство и правителей провинций и областей, которые и являлись непосредственными исполнителями мероприятий, проводившихся в интересах иностранного капитала и европейских государств. Иностранный капитал скрывался за правящими кругами Ирана. Поэтому поднимавшееся народное недовольство и выступления направлялись в тот период главным образом против отечественных угнетателей, а не против иностранных держав и их представителей.

К середине XIX в. недовольство существующим в Иране порядком охватило широкие слои населения. Только крупные торговцы-богачи, число которых в Иране было невелико, были довольны своим положением и не были заинтересованы в изменении существовавшего феодального строя. Путем взяток и подарков они обычно устанавливали хорошие отношения с властями и высшим духовенством, добивались привилегий и преимуществ по сравнению с мелкими и средними торговцами и получали большие доходы. Развитие производительных сил в стране, мануфактуры и фабрики им были не

нужны, покровительство иранских правящих кругов обеспечивало им большие доходы от торговли и ростовщичества. Поэтому небольшая группа крупных купцов — богачей в народных антифеодальных выступлениях в середине XIX в. стала на сторону реакции — шаха, ханов и высшего духовенства.

Все остальные слои населения Ирана выражали резкое недовольство феодальными порядками. Мелкое и среднее купечество было недовольно политическим бесправием, отсутствием защиты прав собственности и личности от самоуправства властей. Его возмущение также вызывали продажность и лихоимство духовных судов, решавших гражданские дела. Существование внутренних таможенных пошлин и откупной системы, частые восстания феодальных ханов, мешавших внутренней торговле в областях, где происходили восстания, на подавление которых взыскивали с купцов деньги, грабежи на торговых путях, отсутствие возможности вкладывать свободные средства в создание мануфактур и фабрик — все это не могло не вызывать протестов мелкого и среднего купечества. Торговый кризис 1836/37 г., вытеснивший иранских купцов из области внешней торговли, а также лишение их кредитов иностранных фирм явились ударом по интересам мелкого и среднего купечества и еще больше усилили их недовольство существующим положением. Поэтому иранские купцы, особенно мелкие, приняли активное участие в народных антифеодальных восстаниях середины XIX в.

Ремесленники пострадали от проникновения иностранного капитала не меньше, чем мелкие торговцы. К налогам и поборам, взыскивавшимся с них раньше, к политическому бесправию прибавилась конкуренция европейских товаров, что вызвало их недовольство и негодование. Среди недовольных оказались не только рядовые ремесленники, но и цеховая верхушка. Не случайно в народных восстаниях этого времени, как, впрочем, до этого и после, ремесленники составляли наиболее стойкую силу.

Часть низшего духовенства, состоявшего из многочисленных городских и сельских мулл и некоторых сейидов, по своим условиям жизни мало отличалась от широких народных масс. Выше уже говорилось, что некоторые муллы и сейиды, чтобы обеспечить себе средства

к существованию, были вынуждены заниматься мелкой торговлей, ремеслом или даже земледелием. Они, так же как и народные массы, хотя и в меньшей мере, испытывали на себе тяжесть феодального гнета. Являясь более грамотными, чем поголовно неграмотные народные массы, и тесно связанные с ними, они в случае народных выступлений оказывались во главе восставших. Они ненавидели и критиковали лицемерие, корыстолюбие, взяточничество и несправедливость отдельных представителей высшего духовенства.

К числу недовольных слоев населения надо отнести также городскую бедноту — «самый низший, бесправный слой любого средневекового города», из которого, как пишет Ф. Энгельс в одном из своих последних писем, «постепенно с распадом феодальных связей... образуется тот пролетариат, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества»⁷⁷. Эта городская беднота — «плебен», «плебс», по выражению Ф. Энгельса, — состояла из разоренных крестьян, бежавших из деревень в города, «из разорявшихся горожан... ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов»⁷⁸. В Иране этот люмпен-пролетариат называют «лутти». Городская беднота, лутти иранских городов всегда были готовы принять участие в выступлениях против властей, хотя и не отличались стойкостью и убежденностью в борьбе. В середине XIX в. городская беднота принимала активное участие в народных антифеодальных восстаниях.

Положение основного эксплуатируемого класса феодального Ирана — крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны, также ухудшилось в результате проникновения иностранного капитала. Рост товарно-денежных отношений привел к тому, что потребность ханов и других землевладельцев в деньгах возросла. Они стали отбирать у крестьян более значительную долю урожая. Натуральные феодальные повинности стали местами взыскиваться в денежной форме. Нередко бывали случаи, когда налоги и подати взыскивались на год вперед. Безденежье часто заставляло крестьян продавать свой урожай на корню за бес-

ценок. В 1848 г. корреспондент Департамента мануфактур в Тебризе писал о хлопчатнике: «Покупая в настоящую пору и большими партиями, можно выиграть 20, 30 и даже 40 процентов на рубль, а выдавая задатки или половину денег вперед поселянам, имеющим бумажные плантации, можно возвысить выигрыш до 50 или 60 процентов»⁷⁹. Крестьяне были вынуждены обращаться к ростовщикам и попадали в кабалу к ним. Уровень процентов, на которых ростовщики давали крестьянам ссуды, достигал 100. Почти поголовно крестьяне были должниками ростовщиков. «Уверяют, — писал И. Бламберг в конце 30-х годов, — что в этой стране из десяти земледельцев нет двух, которые не были бы в долгах»⁸⁰.

Конкуренция иностранных товаров, разрушавшая домашнюю промышленность, особенно ткацкую, которая служила большим подспорьем крестьянину, являясь хотя бы небольшим источником получения денег, еще больше ухудшала его положение. Такое же действие оказывало и падение спроса на шелк. Уровень жизни крестьян был очень низкий. Крестьянское жилище Березин описывает таким образом: «Дом в деревне по большей части не заслуживает такого названия: эта мазанка из земли с камнями или с нежжеными кирпичами, почти совершенно без окон, с одной низкой дверью. Вместо окон дыры в потолке, масса насекомых, дым и холод»⁸¹.

В Иране — стране аграрной — цены на хлеб были очень высокими. В середине 30-х годов четверть пшеницы продавалась в Тебризе от 24 до 27 руб., а четверть ячменя — от 8 до 12 руб.⁸². В этих условиях неудивительно, что в стране почти постоянно были голодные годы и свирепствовали эпидемии чумы и холеры. В Тебризе, например, в 1830 г. восемь месяцев продолжалась эпидемия холеры. В 1831 г. столько же месяцев свирепствовали эпидемии чумы и холеры. В 1835 г. эпидемии снова повторились⁸³. В 1832 г. эпидемии в Ардебиле (видимо, имеется в виду не только город, но и область) сократили население примерно на 30 тыс. человек. В 1832 г. это бедствие в Ардебиле повторилось. Эпидемии производили страшные опустошения. Березин сообщает об их последствиях в Казвине: «Последняя моровая язва, пришедшая сюда из Тегерана, уничтожила

одна до 15 тыс. человек, так что в настоящее время здесь насчитывается около 10 тыс. жителей»⁸⁴.

В сентябре 1848 г. русский консул в Гиляне в донесении посланнику в Тегеране писал, что жители области «приведены в крайнюю степень разорения и нищеты» и что Гилянской области «ныне угрожает нищета и гибель»⁸⁵.

Иранские крестьяне несли всю тяжесть содержания шахского двора, правителей областей, феодальной аристократии, ханов, духовенства, чиновников и городской верхушки. К этому добавлялось полное политическое бесправие крестьян. Перечисленные выше социальные слои смотрели на крестьянина как на вьючное животное и обращались с ним соответствующим образом. Ханский произвол господствовал повсюду. Феодал мог бросить крестьянина в тюрьму, пытать его, бить плетью и даже безнаказанно убить.

В поисках выхода из своего положения многие крестьяне бросали деревни и бежали в города. К. Бодэ, проезжая 10 июля 1840 г. по деревне Аморен на пути из Исфахана в Хамадан, писал: «Еще недавно цветущая, теперь едва насчитывает она несколько обитаемых домов, прочие оставлены и разрушаются»⁸⁶. Деревенские беглецы не находили себе сносной жизни и в городе. Они пополняли ряды городской бедноты и луги, которые ютились в лачугах на городских окраинах. Недовольство, протесты и возмущение основного угнетенного класса — крестьянства сливались с недовольством, протестом и возмущением городской бедноты, разорявшихся ремесленников и мелких торговцев. Города стали центрами, где копился народный гнев.

Глава III

НАРОДНЫЕ АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

30—40-х ГОДОВ XIX в.

И ПРОПАГАНДА СЕКТЫ БАБИДОВ

Возмущение широких слоев населения — крестьян и городских социальных низов эксплуатацией, произволом и притеснениями феодалов прорывалось в стихийных антифеодальных выступлениях. Города, а иногда и целые районы и области Ирана были ареной народных волнений и восстаний.

В донесении Паскевичу 10 ноября 1828 г. А. С. Грибоедов сообщал о восстаниях в Иезде и вокруг него, в Кермане, «восставшем против притеснений губернатора, сына шаха Хасан-Али-мирзы», а также о восстаниях в других областях Ирана¹. Когда же начало оказывать свое воздействие проникновение иностранного капитала, то число антифеодальных выступлений стало возрастать.

Как сообщает каджарский придворный летописец Сепехр, в сентябре 1831 г. произошло восстание райатов в Малайере и Туйсеркане против правителя — принца Шейх-Али-мирзы. Принцу пришлось вместе со своими сыновьями бежать от восставших в Исфахан. Сепехр сообщает, что принц Шейх-Али-мирза прославился развратным поведением, занимался недерастией и на него поступили жалобы шаху о том, что по его приказу ферраши хватали и приводили к нему первых попавшихся людей². По-видимому, это и послужило непосредственным поводом для восстания народа, и без того изнывавшего от гнета и произвола шахских правителей.

В донесениях русских консулов из Гиляна за этот период неоднократно сообщалось, что в области царил гнет, бесправие, грабежи народных масс представителями шахской администрации. Это вызывало ответную реакцию народа, который неоднократно отказывался от уплаты налогов. Антиправительственные и антифеодаль-

ные выступления крестьян и горожан в Гиляне происходили почти не прекращаясь³.

Сепехр сообщает, что в 1252 г. х. (1836/37) в г. Сари в мазендеранской области против хакима Фазл-Али-хана вспыхнуло восстание, вызванное злоупотреблениями и насилиями этого правителя. Восставшее население окружило Фазл-Али-хана, который во главе 2 тыс. курдов и тюрок, приведенных в Мазендеран в свое время Мохаммед-шахом, отбивался от восставших. Во время этих столкновений несколько человек было убито. Названное Сепехром число курдов и тюрок, безуспешно защищавших Фазл-Али-хана от восставшего народа, говорит о большом количестве участвовавших в восстании. Мохаммед-шах вынужден был послать в Сари Фаррох-хана Гаффари Кашанского. В результате разбора дела последний пришел к выводу, что восставший народ невозможно примирить с Фазл-Али-ханом. Фазл-Али-хан был снят с поста губернатора Мазендерана и отправлен в Тегеран. Показательно для характера восстания, что Фаррох-хан Гаффари вел переговоры о прекращении восстания в доме одного из крестьян⁴.

Тот же Сепехр сообщает, что в 1837 г. в исфаханском округе Ленджан произошло восстание крестьян. Оно было вызвано тем, что вали — правитель Исфахана — Хосров-хан арестовал одного из старост (кедхода) округа Ленджан, Мохаммед Ибрагима Дариче, и бросил его в тюрьму. Хосров-хан был недоволен Дариче в связи с тем, что, как он считал, тот не принимал решительных мер для сбора налогов с крестьян. В тюрьме Дариче подвергался истязаниям и побоям, в результате которых умер. Известие об этом вызвало возмущение населения. Когда через несколько дней в тюрьму был брошен широко известный в этом районе Ага Шафи Неджефабади, чаша терпения населения переполнилась. Родственники арестованного обратились за защитой к местному имаму джоме Мир Мохаммеду Махди Мактуби. Последний просил Хосров-хана освободить Неджефабади. Но Хосров-хан не только отказался это сделать, но еще больше ужесточил условия заключения Неджефабади. После этого народ восстал. Вооруженные голлы осадили резиденцию Хосров-хана. Началась перестрелка. Когда об этом доложили шаху в день его выступления в поход на Герат, шах приказал направить в

Исфахан для урегулирования конфликта того самого Фаррох-хана Гаффари. Прибыв в Исфахан, Фаррох-хан убедился в том, что примирение восставших с Хосров-ханом немислимо, и сообщил об этом шаху. Шах приказал направить Хосров-хана в Тегеран, а Фаррох-хану заняться взысканием налогов с населения и наведением порядка в городе. Правителем Исфахана был назначен Фазл-Али-хан Карабаги. После прибытия нового правителя в Исфахан Фаррох-хан еще четыре месяца занимался взиманием налогов, а затем выехал в лагерь шаха, расположенный под Гератом. Сепехр сообщает, что после этого «везир государственных имуществ мирза Джевад занимался в районе Исфахана захватами имущества народа и растратой собранных налогов»⁵.

Антиправительственные выступления народа продолжались в разных районах страны и в 40-х годах. О начале 40-х годов Березин писал: «религиозный фанатизм... несколько раз волновал тебризскую чернь в последнее время, но, к счастью, восстание оканчивалось одним криком и камнями»⁶. Другой путешественник по Ирану, писавший под псевдонимом Н. М., находившийся в Иране в 1839/40 г., сообщал, что «недавно шумели в Тавризе, а теперь расшумелись в Ширазе. В первом уже все укрошено, потому что несколько буйных голов свалилось с плеч»⁷.

О размахе антиправительственных выступлений и неуверенности шахских властей в то время в центральном Иране говорит тот факт, что, когда в конце 1255 г. х. (в начале 1840 г.) Мохаммед-шах совершал поездку в Исфахан, то перед его приездом в Кашан в городе было арестовано 50 человек, а перед приездом в Исфахан — 150 человек⁸.

Борьба народных масс против своих угнетателей принимала различные формы. «Незадолго до моего приезда в Персию, — сообщает И. Н. Березин, — славился в Азербайджане разбойник Алигхозал, которого простой народ любил за то, что он не только не трогал бедных, но даже помогал им»⁹. Ясно, что «разбойники», помогавшие бедным, были не обычными любителями легкой наживы, а представителями угнетенных масс, которые вели борьбу против своих угнетателей. Иногда эта борьба принимала форму террористических актов против отдельных представителей правящей верхушки. Се-

пехр, например, сообщает, что в 1257 г. х. (1841/42) жители Керенда убили хакима (губернатора) Керманшаха Хаджи-хана Шекки¹⁰. Во время массовых антифеодальных выступлений дело обычно начиналось с выступлений городской бедноты и ремесленников, к которым затем присоединялись крестьяне окружающих деревень.

К концу 40-х годов XIX в. народные движения и восстания, направленные против феодального строя, начали распространяться по всему Ирану. В книге Сепехра, посвященной истории Каджаров, а также в других иранских источниках и записках путешественников имеются многочисленные свидетельства вспышек антифеодальных выступлений и восстаний.

Мирза Джани Кашани рассказывает, например, о выступлении против шахских властей в 1847 г. в Зенджане, вызванном притеснениями зенджанцев губернатором Ашраф-ханом. Непосредственным поводом для выступления зенджанцев послужил такой случай. Ашраф-хану приглянулась одна зенджанская замужняя женщина. Попытки добиться ее взаимности успеха не имели. Тогда Ашраф-хан послал за ней своих слуг, которые схватили и силой привели ее к нему. Муж женщины обратился за помощью к зенджанцам. В городе поднялось возмущение. Толпа ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты напала на дом губернатора и разгромила его. Сам Ашраф-хан был захвачен восставшими. Так как он «не имел бороды и был миловиден на лицо», над ним надругались и избили палками. Затем его раздели донага, вымазали лицо сажей, надели на голову бумажный колпак и посадили верхом на осла лицом к хвосту. В таком виде его возили по городу, плевали в лицо и в конце концов изгнали из Зенджана. О том, как власти расправились с зенджанцами за это выступление против зенджанского губернатора, мирза Джани ничего не пишет¹¹.

По сведениям иранских источников, в 1847 г. в Исфахане происходили волнения луты. Особенно часто антифеодальные волнения и восстания вспыхивали после смерти Мохаммед-шаха в сентябре 1848 г. Как сообщает Сепехр, после того как стало известно о смерти шаха, волнения распространились по всей стране¹². В Буруджерде восстал народ, возмущенный притеснениями гу-

бернатора Джамшид-хана Маки. Джамшид-хан в это время находился в Бахтиарии, которая в то время подчинялась Боруджерду. Жители Бахтиарии, узнав о смерти Мохаммед-шаха, тоже выступили против Джамшид-хана и напали на него. Последний был вынужден спасаться бегством. Переодетый дервишем, верхом на первой попавшейся лошади он добрался до Тегерана, где укрылся в саду сардара Мохаммед Хасан-хана¹³.

Тогда же восстало население Керманшаха, правителем которого в то время был мирпандж Мохеб Али-хан Макинский. Восставшие напали на Мохеб Али-хана, захватили его имущество и многих людей и изгнали хана из города. Волнения происходили также в Курдистане¹⁴.

В Ширазе сообщение о смерти Мохаммед-шаха стало известно в сентябре 1848 г. После этого против правителя Фарса Хосейн-хана Незам эд-Доуле также вспыхнуло восстание. Оно было вызвано злоупотреблениями Хосейн-хана и продолжалось длительное время. В восстании участвовали несколько тысяч человек, представлявших различные слои населения. Во время восстания было убито и ранено несколько сот человек с обеих сторон. Восставшие осадили резиденцию Хосейн-хана. Восстание прекратилось только после того, как из Тегерана прибыл для его подавления заместитель ишикагаси Ахмед-хан Наваи. Он установил связь с представителями социальной верхушки среди восставших и уговорил их прекратить восстание. Хосейн-хан был снят с поста правителя Фарса и отправлен в Тегеран¹⁵.

В конце 1848 г. в Иезде после смерти Мохаммед-шаха также произошло выступление городской бедноты и ремесленников — «черни», как пишет Сепехр. В это время губернатор Пезда Хосейн Али-хан Мойир оль-Мама-лек был в Тегеране, он встречался с новым шахом, а заместителем губернатора оставался Дуст Али-хан. Восставшие захватили ворота и башни городской стены, а солдаты, охранявшие их, были обезоружены. Дом Дуст Али-хана был окружен восставшими, а затем и весь город перешел в их руки. В каждом городском квартале были назначены амиры, которые следили за порядком. В квартале Казер, например, амиром был назначен Мохаммед — сын сторожа — охранника караван-сарая. Мохаммед до этого занимался продажей свечей. У одного

из богатых купцов Пезда восставшие конфисковали золото, и Мохаммед, как сообщает Сепехр, делил это конфискованное золото среди своих соратников. Он приказал также не грабить, а охранять имущество других жителей города. За это он пользовался поддержкой народа и вскоре установил свою власть и над другими кварталами города. Пездские богачи добровольно отдавали ему часть своих доходов, которые Мохаммед делил среди своих сторонников. Город полностью находился во власти Мохаммеда. После того как Насер-эд-Дин-шах утвердился в Тегеране, в Пезд был назначен новый губернатор. Прибыв в Пезд, последний убедился, что без согласия Мохаммеда он ничего не может поделать. В связи с этим он вынужден был назначить Мохаммеда главой своих стражников. Все дела управления Пездом по-прежнему решались только с согласия Мохаммеда. Так продолжалось в течение шести месяцев, после чего губернатор был отозван и вместо него прислан другой. Только после прибытия нового правителя с фактической властью Мохаммеда было покончено. Мохаммед сел в бест в доме хаджи Мохаммед Керим-хана¹⁶. О дальнейшей его судьбе нам ничего не известно.

В то время среди народа стала все больше распространяться весть о возможном скором появлении двенадцатого имама Махди, который скрылся около тысячи лет назад и должен вновь появиться в этом мире, когда земля будет переполнена несправедливостью и притеснениями, для того, чтобы освободить народ от гнета и злоупотреблений правителей и установить справедливые порядки.

Примером того, насколько популярна была среди темных народных масс Ирана наивная вера в скорое пришествие Махди, являются волнения, которые произошли в Тебризе приблизительно в описываемое время (точной даты придворный летописец Сепехр не приводит). Поводом для них послужил, казалось бы, совершенно незначительный случай. В центре Тебриза находилась площадь, носившая название «Сахиб эз-Земан»¹⁷. На площади стояла небольшая мусульманская святыня. Место это пользовалось большим уважением населения, особенно социальных низов. По преданию, здесь один из благочестивых мусульман-шиитов «видел» когда-то во время намаза самого Махди. Однажды на

этой площади появилась корова, которую мясник хотел зарезать, и скрылась в часовне. Пытавшийся вывести ее оттуда мясник по каким-то причинам умер, возможно получив ушибы от возбужденного животного. Среди народа это событие было истолковано как предзнаменование важных событий. Решили, что оно означает скорое пришествие Махди. К часовне в Тебриз из окрестных деревень и городов стали стекаться громадные толпы народа для поклонения святыне. В Тебризе началось большое возбуждение. Власти стали готовиться к подавлению народного восстания, которое, как им казалось, должно было не сегодня завтра вспыхнуть. И только в результате принятия чрезвычайных мер волнение не переросло в открытое восстание¹⁸.

Таким образом, возбуждение и выступления крестьян и городских социальных низов росли все больше и больше. Однако они были стихийными и разрозненными, не имели общих целей и требований. Шахские власти сравнительно легко подавляли их. Для превращения их в более или менее организованную и успешную борьбу против угнетателей нужны были люди, которые объединили бы недовольных и идейно вооружили массы на борьбу. Эта роль в середине XIX в. в Иране выпала на долю секты бабидов, называемых так по имени ее основателя сейида Али-Мохаммеда (Баба)¹⁹.

Религиозные секты в Иране до середины XIX в. нередко являлись идеологическим отражением недовольства широких народных масс. Например, во главе движения Маздака в конце V и начале VI в. стояла секта маздакистов. И в последующем, в средние века, в различных мусульманских сектах (хариджитов в VIII—IX вв., хуруфитов в XV в. и др.) отражалось народное недовольство. При этом идеология многих шиитских сект была связана с идеей скорого пришествия двенадцатого имама Махди, который должен избавить народ от несправедливостей и притеснений.

Религиозное сектантство, как выражение народного недовольства, было характерно не только для Ирана и других стран Востока в средние века, но и для европейского средневековья. Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии» писал, что «ересь... являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев»²⁰.

В начале XIX в. шейх Ахмед Ахсан, или Лахсан, как его называют мирза Джани и некоторые другие авторы, родившийся в 1752 г. на Бахрейне, выступил с проповедями, отличавшимися от догматов официального шиизма. Лейтмотивом его проповедей была идея о скором пришествии имама Махди. Несколько лет он проповедовал в Кербеле и Неджефе, а затем приехал в Иран по приглашению Фатх-Али-шаха, стремившегося подорвать чрезмерное влияние высшего шиитского духовенства. В Иране он выступал с проповедями в Тегеране, Керманшахе, Пезде и других городах. Во время своего последнего паломничества в 1826 г. в Мекку шейх Ахмед умер, назначив своим преемником сейида Казема Решти²¹, торговца по происхождению.

Сейид Казем слушал проповеди шейха Ахмеда в Пезде и стал его последователем. Возглавив секту шейхитов — так стали называться последователи шейха Ахмеда, сейид Казем продолжал шейхитскую пропаганду в Иране. И сам он, и его ученики подвергались гонениям за свои проповеди со стороны официального, шиитского духовенства. Мирза Джани, который встречался с сейидом Каземом и сочувствовал шейхитской пропаганде, пишет, что бывали случаи, когда с сейида Казема во время намаза срывали чалму и плевали ему в лицо, а одного из его учеников — Абдул-Халика не пускали в мечеть в Мешхеде, не давали ему встречаться с людьми, препятствовали посещению бани и т. д.²². Несмотря на эти гонения, сейид Казем сумел привлечь довольно большое число последователей. Одним из его учеников был и будущий основатель секты бабидов сейид Али-Мохаммед, впоследствии провозгласивший себя Бабом.

Отличные учения шейхитов от ортодоксального шиизма в основном сводилось к следующему. Ортодоксальные шииты считают, что после смерти пророка Мухаммеда законными наследниками и преемниками его власти являлись только прямые потомки пророка. Это означает, что главой мусульманской общины, т. е. имамом, мог быть только потомок двоюродного брата пророка Мухаммеда — Али и его жены, дочери пророка — Фатимы. Кроме того, ортодоксальные шииты считают, что имам должен быть не только потомком Али и Фатимы, но и специально назначен предыдущим имамом.

Они считают, что права имама на власть над мусульманами исходят непосредственно от бога и поэтому высшим долгом каждого правоверного мусульманина является признание законного имама и подчинение ему. В соответствии с этим основными принципами правоверных шиитов являются следующие пять постулатов: 1. Вера в бога (Аллаха). 2. Вера в единство бога. 3. Вера в справедливость бога. 4. Вера в пророка. 5. Вера в имама. Шииты также утверждают, что последний человек из рода Мухаммеда, двенадцатый имам Махди, сразу же после смерти своего отца в 260 г. х. и вступления в права имама скрылся. Однако в первый период своего отсутствия имам Махди не был совершенно недоступен для верующих. В этот период, с 260 по 329 г. х., он поддерживал связь с верующими через четырех, последовательно сменявших друг друга посредников. Такой посредник назывался «Баб». Этот период называется шиитами «малым отсутствием» («гейбат-е согра»). Со смертью четвертого и последнего посредника начался второй период отсутствия имама Махди, называемый шиитами «великим отсутствием» («гейбат-е кобра»). Тогда Махди удалится в таинственный город Джабулка, откуда он, по верованиям шиитов, придет на землю ко дню Страшного суда, когда земля будет переполнена притеснениями и несправедливостью, для установления справедливого порядка на земле.

Некоторые шииты считают имамов только «чистыми» или «безгрешными» («ма'сум»), другие наделяют их божественными свойствами и рассматривают как проявление божества. Последнюю идею разделяли и шейхиты.

Основу учения шейхитов составляет вера в Али и последующих одиннадцать имамов. Шейхиты признавали, что двенадцатый имам Махди исчез из этого смертного мира в 260 г. х. и появится только ко дню Страшного суда, чтобы установить справедливость на земле, после того как она будет переполнена притеснениями. Но шейхиты также считали, и в этом отличие их догм от догм ортодоксальных шиитов, что поскольку люди постоянно нуждаются в руководстве, в котором Аллах по своей милости не может им отказать, то среди верующих мусульман всегда должен быть некто, находящийся чудесным образом в связи со скрытым имамом, который мог бы служить посредником между имамом и его на-

родом. Это лицо шейхиты называют «совершенным шиитом» («шиэ йе камель»). Шейхиты считали, что человеческое тело состоит из частиц четырех материальных элементов и духовных частиц «девяти небес». Вместе со смертью, по их мнению, безвозвратно погибает большая часть человека, состоящая из четырех материальных элементов. Остаются только наиболее совершенные частицы «девяти небес». Только эти духовные частицы и сохраняются при возвращении святого с неба на землю, т. е., по мнению шейхитов, возвращается только его дух. По верованиям же ортодоксальных шиитов, святые могут после своей смерти возвратиться на землю, но в отличие от шейхитов они полагают, что святые появляются на земле вместе со своим материальным телом.

Поэтому шейхиты признают только четыре «столпа», или «основы», веры: 1. Вера в бога. 2. Вера в пророка. 3. Вера в имама. 4. Вера в посредника между имамом и верующими. Из принципов ортодоксальных шиитов они не принимают второй и третий, как лишние. Они считают, что вера в бога и его пророка включает в себя и веру в Коран и во все, что в нем говорится об атрибутах бога. Кроме того, шейхиты добавляют новый принцип — веру в существование посредника — Баба — между имамом Махди и рядовыми мусульманами.

Таким образом, догматические различия между шейхитами и ортодоксальными шиитами сводятся к следующему: шейхиты утверждают, что существует посредник, передающий народу волю имама Махди, и после смерти «святых» (Мухаммеда, Али и других имамов) на землю возвращается только их дух, который может проявиться в избранном человеке. Эти проповеди шейхитов и их догматы, говоря словами Ф. Энгельса, полны «религиозного и суеверного вздора»²³.

В своих проповедях шейхиты обосновывали возможность и законность появления таких людей, которые, ссылаясь на волю имама, якобы поддерживающего с ними связь, могли бы выступить с провозглашением того, что для рядовых верующих было бы недопустимо с точки зрения ислама. Иначе говоря, шейхиты готовили почву для критики существовавшего строя и провозглашения новых порядков. Именно за это высшее шиитское духовенство и преследовало шейхитов. Шейх Ахмед Ахсан и сейид Казем Решти проповедовали этот абстракт-

Сейид Али-Мохаммед Баб

ный «религиозный и суеверный вздор», но не критиковали существовавшие в Иране порядки. Это сделал вышедший из их среды сейид Али-Мохаммед, объявивший себя сначала Бабом, а затем и имамом Махди.

Сейид Али-Мохаммед родился в г. Ширазе 1 мохарама 1236 г. х. (9 октября 1820 г.) в семье торговца галантерейными товарами сейида Мохаммеда-Резы²⁴. В детстве он лишился отца и воспитывался в доме своего дяди по матери сейида Али. Систематического образования сейид Али-Мохаммед не получал. Мйрза Джани и все придворные иранские историки утверждают, что, хорошо владея родным персидским языком,

арабского языка он как следует не знал и писал на нем с ошибками²⁵. Николя, много лет проживший в Иране в качестве переводчика восточных языков при французской дипломатической миссии в Тегеране, а затем в качестве французского консула в Тегеране, считает, что Баб хорошо знал арабский язык, иначе он не смог бы писать многочисленные сочинения на арабском языке. При этом Николя ссылается на мнение турецкого посла в Тегеране Шамс эд-Дин Бея, который сам в совершенстве владел арабским языком. С этим утверждением, по словам Николя, солидаризировался также профессор арабского языка в Школе живых восточных языков в Париже М. Худо. По мнению Николя, сейид Али-Мохаммед выучил арабский язык во время своего пребывания в Кербеле. Что же касается встречающихся в его арабском языке ошибок, то возможно, что некоторые из них сознательно допущены сейидом Али-Мохаммедом, так как Коран тоже содержит грамматические ошибки. Он считал, что слова, исходящие от бога, и в Коране, и в писаниях Баба не могут подчиняться установленным людьми правилам. Кроме того, эти ошибки могли появиться при переписке сочинений Баба²⁶.

По достижении совершеннолетия сейид Али-Мохаммед переехал из Шираза в Бушир, где в течение нескольких лет занимался торговлей галантерейными товарами. Еще в юности он испытывал влечение к религиозным проблемам и был известен среди жителей Бушира своим благочестием, подвижничеством, щедростью и великодушием. Он упорно занимался изучением различных аспектов мусульманского вероучения, а также христианства, зороастризма и других религий. Он был знаком с Евангелием, Пятикнижием и некоторыми другими священными книгами.

Все иранские авторы, как придворные, так и бабидские историки, сходятся на том, что он вел подвижнический образ жизни. Придворные историки утверждают, что он часами простаивал на плоской крыше дома с обнаженной головой под палящими лучами знойного буширского солнца. Под действием солнечных лучей, заявляют они, рассудок сейида Али-Мохаммеда помутился и поэтому-де он стал вести свои нелепые проповеди²⁷. Некоторые европейские авторы повторяют эти утверждения вслед за придворными иранскими летописцами.

Р. Вотсон, например, пишет, что Баб часами стоял под палящими лучами солнца с обнаженной головой, для того чтобы доказать жителям Бушира, что его власть распространяется даже на солнце, которое было объектом поклонения древних иранцев²⁸. Автор истории бабизма мирза Джани Кашани, признавая, что сейид Али-Мохаммед вел скромную и даже подвижническую жизнь, категорически отвергает утверждения о том, что он подвергал себя истязаниям, подобным описываемым придворными историками²⁹. Свидетельство мирзы Джани, по нашему мнению, ближе к истине, а утверждения придворных историков являются измышлениями, выдуманными с целью внушить мысль о том, что проповеди Баба являлись бредом сумасшедшего.

После нескольких лет пребывания в Бушире сейид Али-Мохаммед вернулся в Шираз. Из Шираза он, как правоверный шиит, направился в святые для шиитов места — Кербелу и Неджеф. В Кербеле в то время находился глава секты шейхитов сейид Казем Решти, читавший там свои проповеди. Сейид Али-Мохаммед прослушал проповеди сейида Казема и стал его учеником. Это было в последний год жизни сейида Казема, умершего в 1259 г. х. (1843/44). Чувствуя приближение смерти, глава секты шейхитов в своих проповедях объявлял своим ученикам о скором появлении более совершенного посредника между имамом и верующими. Просьбу последователей назвать еще при жизни имя своего преемника сейид Казем отказался выполнять. Он ограничился указанием на то, что это будет молодой человек, родом из Фарса, сейид по происхождению, не получивший образования в обычных школах.

Уже тогда сейид Али-Мохаммед выделялся среди других учеников сейида Казема Решти. По словам леди Шейл, жены английского посланника в Тегеране в середине XIX в., он начал вести свои проповеди уже в Кербеле и арестовывался турецкими властями, но вскоре был освобожден³⁰. Из Кербелы он вернулся в Шираз.

По возвращении в Шираз сейид Али-Мохаммед снова столкнулся с коррупцией, лицемерием и пороками высшего духовенства и правителей Ирана. Проникшись идеями сейида Казема о скором пришествии имама Махди для борьбы с мерзостями, развращенностью и

ложью правителей и высшего духовенства, он пришел к выводу о необходимости внесения изменений в жизнь страны. Все эти выводы, конечно, были облечены в религиозную форму.

В Ширазе в 1844 г. жили соратники сейида Али-Мохаммеда мулла Хосейн Бошруйе, мулла Мохаммед-Али-Барфуруши и некоторые другие его последователи. Они обсуждали волновавшие их вопросы религиозной и общественной жизни. 5 джомади II 1260 г. х. (11/12 июня 1844 г.) сейид Али-Мохаммед объявил себя Бабом — «вратами», через которые погрязшие в пороке люди познают божественную истину. В доказательство истинности своей миссии сейид Али-Мохаммед привел свою способность быстро сочинять «бейты» — изречения, подобные изречениям из Корана, а также показал мулле Хосейну Бошруйе одну из своих первых работ — «Комментарии на суру об Иосифе» («Тафсир-е сура аль-Юсуф»). Мулла Хосейн Бошруйе первым признал сейида Али-Мохаммеда Бабом. В связи с этим впоследствии он получил среди бабидов прозвище «Баб эль-Баб» — «Дверь к вратам»³¹.

Весть о появлении Баба, который поддерживает связь с имамом Махди, быстро распространилась по Ширазу, а затем и по другим городам и областям Ирана. Со всех концов страны стали стекаться ученики покойного сейида Казема и другие люди, чтобы его увидеть. В своих проповедях новоявленный Баб говорил, что земля переполнена несправедливостями и притеснениями улемов и хакимов, что близится время пришествия на землю имама Махди и что он, Баб, послан, чтобы возвестить об этом и открыть людям истину.

Часть шейхитов признала Баба, а другие — нет. Одни из не признавших сейида Али-Мохаммеда Бабом объявили своим главой хаджи Мохаммед Керим-хана Кермани (его последователи до сих пор сохранились в г. Кермане). Другие объявили своим руководителем хаджи мирзу Шафи Тебризи. Но и они продолжали называть себя шейхитами³². Однако две последние ветви шейхизма заметной роли в истории Ирана не играли. Главную роль суждено было играть последователям Баба, получившим название бабидов.

В конце 1844 г. Баб в сопровождении своего дяди и муллы Хосейна Бошруйе, а также будущего вождя ма-

зендеранского восстания бабидов хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши отправился в паломничество в Мекку.

Из Мекки Баб возвратился в Бушир в начале 1845 г. Задержавшись в Бушире, Баб направил в Шираз нескольких своих учеников, для того чтобы они оповестили население города о его скором появлении. Прибыв в Шираз, посланцы Баба выполнили его указания о распространении нового вероучения. Они объявили также, что отныне устанавливается новая «кибла»³³ — дом Баба. Они усердно проповедовали о скором появлении имама Махди и о том, что уже объявился Баб, который вскоре прибудет в Фарс³⁴.

Проповеди посланцев Баба вызвали возмущение улемов и других представителей высшего шиитского духовенства, которые выступили против учеников Баба. В течение нескольких дней между бабидами и высшим шиитским духовенством Шираз велась споры и стычки. Они не привели к желаемым для духовенства результатам. Бабида стояли на своем. Тогда улемы обратились к губернатору Фарса аджудан-баши Хосейн-хану Незам-эд-Доуле с просьбой применить силу против учеников Баба. В начале августа 1845 г. Хосейн-хан приказал бабидским проповедникам явиться для ответов улемам. Ученикам Баба были заданы вопросы: правда ли, что они проповедуют об изменении киблы и утверждают, что Мохаммед-шах не может править страной, а Хосейн-хан Незам эд-Доуле — Ширазом без разрешения Баба? Бабида открыто подтвердили это. Тогда по приказу Хосейн-хана бабидские проповедники были схвачены, биты палками и брошены в тюрьму. На следующий день им прокололи носы, вдели в них бечевку и в течение трех дней водили по городскому базару, издеваясь над ними. Затем им были надрезаны сухожилия на ногах, чтобы они не могли пешком передвигаться по стране. Позднее они были изгнаны из г. Шираз и направились в Пезд, а затем в Керман и Хорасан, всюду проповедуя новое учение³⁵.

Тем временем Хосейн-хан направил в Бушир отряд вооруженных всадников с приказом привести Баба в Шираз, что и было сделано. В Ширазе Баба сначала поместили в доме его дяди сейида Али и подвергли домашнему аресту, запретив ему выходить куда-либо и общаться со своими приверженцами. Популярность

Баба среди ширазцев к тому времени была уже так велика, что на более строгие меры против него Хосейн-хан не решился. Несмотря на запрет, Баб продолжал тайно сноситься со своими последователями. Когда об этом узнали его противники, было организовано нападение на дом сейида Али, где находился Баб. Дом был разгромлен, имущество сейида разграблено, а сам сейид Али избит палками. Баб был помещен в доме градоначальника Абдул Хамид-хана³⁶.

Несмотря на эти репрессивные меры, а может быть и вследствие их, популярность Баба в Ширазе продолжала расти. Слухи о его проповедях распространялись по всему Ирану. Тогда с целью подорвать его популярность Хосейн-хан и высшее духовенство решили провести диспут улемов с Бабом. Этот диспут с участием ширазских улемов, в том числе шейха Абу-Тараба, имама джоме Шираз, состоялся в сентябре 1845 г. Баб непреклонно отстаивал свои убеждения. Диспут закончился тем, что шейх Абу-Тараб ударил Баба палкой по голове³⁷. Сенехр утверждает, что Баба объявили сумасшедшим и били палками по пяткам. Они также заявляют, с вполне понятной целью — подорвать влияние Баба и его проповедей, что Баб будто бы публично, в мечети отрекся от своих взглядов и проклял свое поведение³⁸. Имея в виду твердость и убежденность, с которой Баб всегда, даже перед лицом смерти во время его казни в 1850 г. отстаивал свои взгляды, можно считать, что вряд ли эти утверждения его врагов соответствуют истине. Скорее всего, как об этом пишет Николя, в результате диспута популярность Баба возросла не только в Фарсе, но и в других провинциях Ирана.

Известия о появлении нового проповедника дошли и до шахского двора. Мохаммед-шах и садр азам хаджи мирза Агаси решили направить в Шираз своего доверенного человека — сейида Яхья Дараби с поручением встретиться с Бабом и разобраться в его проповедях. Сейид Яхья Дараби пользовался большим доверием шахского двора и был сотрапезником младшего сына Фатх-Али-шаха Тахмасп мирзы Моайед эд-Доуле. Сейид Яхья прибыл в Шираз и, выполняя поручение шаха, встретился и беседовал с Бабом. В результате этих бесед он принял учение Баба и стал одним из ревностных его учеников. О своем решении принять учение Баба он

известил шаха. Баб поручил сейнду Яхья направиться в Боруджерд, а затем в Тегеран и Йезд для проповеди бабидского учения³⁹. Между тем хаджи мирза Агаси, обеспокоенный беспорядками в Ширазе, вызванными пропагандой Баба и его учеников, послал приказ Хосейн-хану Незам эд-Доуле тайно покончить с Бабом. Незам эд-Доуле вместе с начальником полиции Шираз, получив этот приказ, решили поручить убийство Баба группе уголовников. Была проведена подготовка к осуществлению этого плана и даже намечен день убийства.

Но в это время в городе началась сильная эпидемия холеры и жители Шираза стали разбегаться из города в горы. Одним из первых бежали Хосейн-хан Незам эд-Доуле и начальник полиции Шираз. Баб воспользовался возникшим в городе смятением и в сопровождении своего секретаря сейида Казема Зенджани выехал в Исфахан⁴⁰.

Разрешение на въезд в Исфахан Баб получил на пути в этот город от губернатора Исфахана Манучер-хана, грузина по происхождению, отличавшегося либеральными по тому времени взглядами и интересовавшегося проповедью Баба. Свое согласие на въезд в Исфахан дал даже и имам джоме города мир сейид Мохаммед, в доме которого Баб и остановился. Губернатор Исфахана и имам джоме встречались с Бабом и беседовали с ним о его учении. Мирза Джани пишет, что «люди толпами собирались в Исфахан на поклонение Бабу, задавали ему различные вопросы и многие уверовали в него»⁴¹. Влияние Баба и его учения на исфаханцев стало быстро расти.

Это породило беспокойство исфаханского духовенства. Тогда Манучер-хан предложил исфаханским улемам устроить диспут с Бабом, но те сначала отказались встречаться с «безбожником», которого нужно было, по их мнению, либо изгнать из города, либо казнить. В конце концов богословы Мохаммед Махди, мирза Мохаммед Хасан Нури и мирза сейид Мохаммед согласились встретиться с Бабом, но при условии, что встреча будет происходить под председательством Манучер-хана. После встречи Манучер-хан заявил, что он не видит ничего предосудительного во взглядах Баба, но, чтобы прекратить споры, он пошлет его под охраной в Тегеран.

Город Маку (фото автора, 1946 г.)

Через 40 дней после прибытия в Исфахан Баб выехал в Тегеран. Но из Мурчехорта по приказу Манучер-хана он был тайно возвращен в Исфахан и помещен в доме исфаханского губернатора, где он жил в течение трех месяцев. Несмотря на приказы садр азама хаджи Агаси, которому жаловались исфаханские улемы, Манучер-хан продолжал покровительствовать Бабу. Он часто посещал Баба и слушал его поучения⁴². Эти подробности приводятся здесь для того, чтобы показать, какой большой популярностью в то время пользовались Баб и его учение не только среди широких народных масс, но даже и среди части правящих кругов Ирана.

В феврале 1847 г. Манучер-хан умер и пост губернатора Исфахана занял его племянник Гурген-хан. По приказу мирзы Агаси он срочно выслал Баба из Исфахана. Вот как описывает мирза Джани эту высылку Баба: «При таких обстоятельствах, в козлиных башмаках, без верхних штанов, сели на лошадь⁴³ и, даже не повидавшись с новой женой, взятой в Исфахане, в разгневанном состоянии двинулись в путь»⁴⁴. По пути в Тегеран Баб направил письмо шаху и хаджи Агаси, в котором просил их устроить в Тегеране его диспут с те-

Крепость в Маку (фото автора, 1946 г.)

геранскими улемами. Получив письмо, шах и хаджи Агаси собрались было устроить диспут, но известный муджтехид Абдул-Хосейн, узнав о их намерении, явился к хаджи Агаси и отговорил его от этого. Абдул-Хосейн заявил, что если такой диспут будет устроен, то духовенство будет вынуждено выступить не только против Баба, но и против правительства, что может привести к смутам и, возможно, к религиозной войне⁴⁵. Это предостережение подействовало на хаджи Агаси, и на последней остановке перед Тегераном он получил приказ из столицы — везти Баба в расположенную на крайнем северо-западе Ирана крепость Маку.

К тому времени слухи о проповедях Баба и о гонениях, которым он подвергался, широко распространились по всему Ирану. Повсеместное возбуждение народа было настолько сильным, что власти решили везти Баба в Маку, минуя большие города. Боялись, что появление отправленного в ссылку проповедника вызовет народные волнения и выступления. Однако провезти его тайком не удалось. Его приверженцы употребляли все старания, чтобы добиться свидания со своим учителем⁴⁶. В Казвине Баб и его охрана остановились в нескольких

километрах от города, а затем двинулись, минуя город, дальше.

Подойдя к Зенджану, Баб и его охрана были также остановлены за чертой города. Здесь уже несколько лет вел пропаганду один из принявших учение Баба, будущий руководитель Зенджанского восстания бабидов мулла Мохаммед-Али Зенджани. Он и раньше поддерживал связь с Бабом, а теперь, когда Баба везли мимо Зенджана, вступил со своим учителем в тайную переписку, причем письма доставлялись вложенными в огурец⁴⁷. Зенджанцы, на которых пропаганда Мохаммеда-Али уже оказала действие, узнав о проезде Баба, стали толпами собираться на поклонение новому пророку, намереваясь освободить его из-под стражи. Зенджанский хакам был напуган начавшимся в городе волнением. Он приказал конвою Баба немедленно покинуть окрестности города. Бабу и его страже пришлось провести эту ночь в караван-сараях более чем за 10 км от города⁴⁸.

Воздействие проповедей Баба и пропаганды бабидов не ограничивалось только городами. В деревнях, где останавливался или проезжал конвой с Бабом, оставалось много сочувствующих ему крестьян. Мирза Джани сообщает, например, что в деревне Милян к юго-западу от Тебриза, где Баб останавливался по пути из Тегерана в Маку, почти все жители ее, около 200 человек, стали бабидами⁴⁹. Крестьян и социальные низы городов привлекал к Бабу сам факт преследований, которым он подвергался со стороны их угнетателей, господствующих классов. Эти преследования порождали симпатии к нему среди народных масс. Когда же крестьяне и городская беднота слышали из уст бабидских проповедников, что земля переполнена притеснениями и несправедливостями, что соответствовало реальной действительности, и поэтому настало время пришествия имама Махди, который положит конец этим притеснениям и несправедливостям, что этот преследуемый властями человек является посланцем Махди и именно поэтому его и преследуют, то сочувствие к Бабу и возмущение действиями хакмов и улемов возрастало все больше и больше. Таким образом, перевоз Баба в Маку способствовал еще большему росту его популярности среди иранских крестьян и трудящихся, обездоленных слоев городов и усилил возбуждение народа.

В Маку Баба поместили в крепости, стоявшей на почти отвесном склоне горы. Наблюдение за ним было поручено макинскому губернатору Али-хану, которому хаджи Агаси приказал изолировать ссыльного пророка и не допускать его переписки со своими сторонниками. Но, как пишет мирза Джани, Бабу удалось привлечь на свою сторону губернатора Маку и он пользовался там относительной свободой: принимал всех, кто к нему приезжал, много писал. Здесь он создал большую часть своего основного произведения «Беян» и свободно переписывался со своими сторонниками⁵⁰. Связь Баба с внешним миром и с его учениками не была прервана, и его последователи могли приезжать в Маку и общаться со своим учителем. Молва о прибытии нового пророка в Маку быстро распространилась по северо-западным районам Ирана. К Бабу стекалось много народу как из этих районов, так и из других областей страны.

Народное возбуждение, вызванное появлением Баба вблизи русско-иранской границы, породило беспокойство у царских властей, которые опасались, что волнения могут перекинуться из Ирана в соседние районы Закавказья. Поэтому царский наместник на Кавказе князь Воронцов распорядился принять меры по недопущению распространения этого учения на территории России, населенной мусульманскими народами, и известил 30 ноября 1847 г. об этом Петербург. Сообщение князя Воронцова было доложено Николаю I, который на нем написал: «Я полагал бы совершенно запретить въезд в пределы наши всяким лицам духовного мусульманского звания, кто бы они ни были, даже нашим подданным»⁵¹. Соответствующие указания были даны русскому посланнику в Тегеране князю Долгорукову, который потребовал от шахского правительства перевести Баба из Маку куда-нибудь подальше от русско-иранской границы, в глубь страны⁵².

По приказу хаджи Агаси в начале 1848 г. Баба перевели из Маку в крепость Чехрик, которая находилась в глухом месте, рядом с небольшой деревней того же названия к западу от оз. Урмия. Наблюдение за Бабом было поручено губернатору Урмии Яхье-хану, которому хаджи Агаси дал строжайший приказ не допускать никакой переписки и свиданий Баба с кем бы то ни было. Но и находясь в крепости Чехрик, Баб продолжал все

же поддерживать связь со своими последователями. Автор «Рассказа путешественника» сообщает, что письма, завернутые во что-нибудь непромокаемое, опускались в молоко, которое затем передавалось Бабу. Они доставлялись также в засахаренных орехах, в огурцах и т. д.⁵³.

Паломничество к Бабу не прекращалось и во время его заключения в крепости Чехрик. Мирза Джани пишет, что толпы народа приходили к крепости, чтобы если не поговорить, то хотя бы увидеть Баба⁵⁴. Это сообщение мирзы Джани подтверждается и очевидцами, оказавшимися в то время в районе Чехрика. Е. И. Чириков, русский комиссар—посредник по уточнению ирано-турецкой границы, вблизи которой находилась крепость Чехрик, писал в своем путевом журнале о пребывании Баба в Чехрике. Он «был предметом поклонения персиян, стекавшихся из близких и далеких стран принять его благословение со скал, окружающих крепость и командующих ею в близком расстоянии»⁵⁵. Из воспоминаний М. Мошнина, который был в Чехрике в июне 1850 г., мы узнаем, что Баб даже имел возможность обращаться с проповедями к собравшемуся народу. М. Мошнин сообщает, что «стечение народа было так велико, что двор не мог вместить всех собравшихся и большое число из них оставалось на улице, внимательно вслушиваясь в стихи нового Корана»⁵⁶.

Вскоре после перевода Баба из Маку в Чехрик он был вызван по приказу хаджи Агаси в Тебриз для нового дознания. Допрашивали его при участии высшего духовенства и сановников Тебриза во главе с наследником шахского престола принцем Насер-эд-Дином, которому в то время было 16 лет. На допросе Баб признал, что «еретические» книги, распространяемые в Иране от его имени, действительно являются его сочинениями. На этом заседании Бабу задавали вопросы главным образом по медицине, астрономии, философии и грамматике арабского языка. Допрос вели представители высшего духовенства, особенно активную роль играл воспитатель принца Насер-эд-Дина хаджи мулла Махмуд. Бабу задавали подобные вопросы специально, так как знали, что он не получил какого-либо систематического образования и не имеет познаний в этих вопросах. Таким путем они стремились поставить Баба в неудобное

положение и публично доказать его несостоятельность. На этом допросе Баб открыто заявил, что он является тем имамом Махди, которого ожидают люди. В доказательство истинности своей претензии он приводил свою способность написать множество изречений в духе Корана.

Допрос Баба не принес его организаторам желаемых результатов. Популярность Баба среди простого народа была по-прежнему велика, и правящие круги и высшее духовенство не решались принять в отношении Баба какое-либо определенное решение. Реза Кули-хан пишет по этому поводу: «И так как претензия его была распространена и пользовалась признанием среди простого народа, то в отношении приговора по делу его были в сомнениях»³⁷. На другой день допрос продолжался. В конце его было принято решение наказать Баба только ударами палок, хотя еще до первого допроса было условлено приговорить его к смертной казни, если он не откажется от своего учения. Популярность Баба среди народных масс и симпатии их к нему были так велики, что даже ферраши, которым было приказано побить Баба палками, отказались привести приговор в исполнение. Тогда шейх оль-ислам и хаджи мулла Махмуд приказали своим личным слугам сделать это. После этого Баба был снова отправлен в Чехрик, где он пробыл до середины 1850 г., когда по приказу первого везира нового шаха Насер-эд-Дина — Амир-е Кабира мирзы Таги-хана он был снова привезен в Тебриз и там казнен.

В чем же состояли основные положения проповедей Баба, которые вызывали такой большой интерес и симпатии угнетенных масс и были так ненавистны их феодальным эксплуататорам? Оговоримся, что мы не задаемся целью подробно изложить все учение Баба, его философские основы, догматы и т. д. В проповедях и учении Баба нас прежде всего интересуют те положения, в которых отражались интересы и антифеодальные стремления широких угнетенных народных масс — крестьян, ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты, которые связывали имя Баба и его учеников с народным антифеодальным движением середины XIX в. в Иране.

Наиболее полно взгляды Баба изложены в его основном произведении «Беян» («Откровение»), написанном,

Гробница Шейх-Табарси (фото автора, 1947 г.)

как уже упоминалось, во время его пребывания в крепости Маку в 1847 г. «Беян» был написан в подражание Корану и считался бабидами новой священной книгой, которая должна была заменить Коран. Кроме того, Баб являлся автором ряда других произведений, но самым важным из них является «Беян».

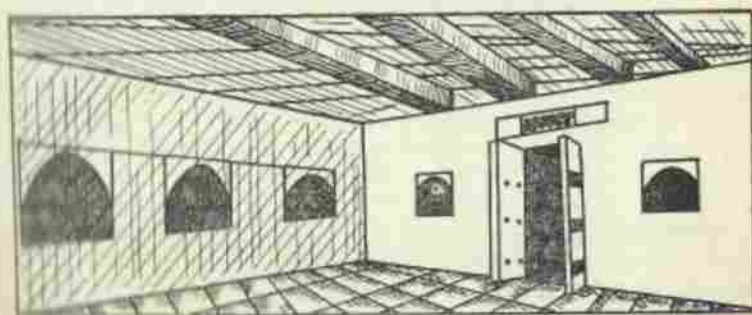
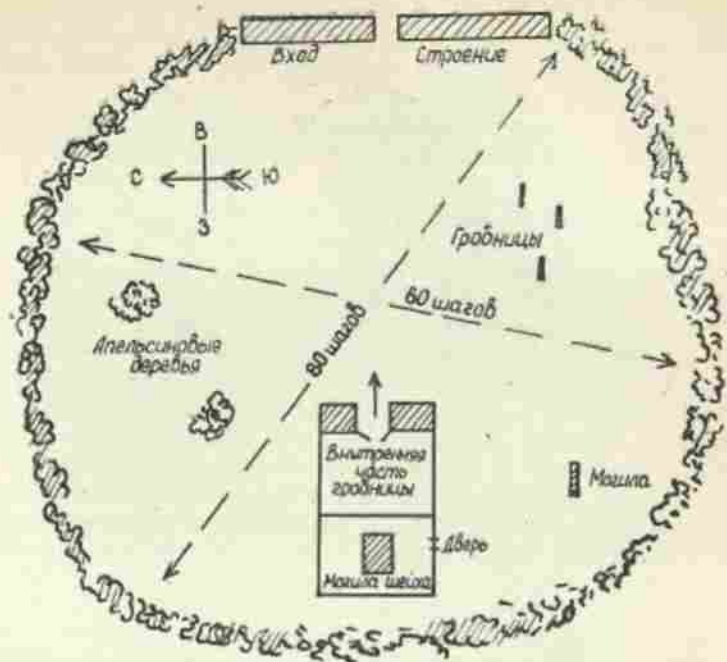
Учение Баба, изложенное в религиозной форме, полно сложной специфической терминологии, иногда трудной для понимания. Если освободить его от этой словесной религиозной формы и терминологии и изложить простым языком, то оно будет выглядеть следующим образом. Баб считал, что в развитии всего мира, а вместе с ним и человеческого общества, прослеживаются последовательно сменяющие друг друга эпохи — «доуры». В начальную, первую эпоху мир и человеческое общество находились на самом низком уровне развития. Каждая последующая эпоха знаменовала собой дальнейшее развитие общества, переход его на более высокую ступень по сравнению с предыдущей эпохой. Эти

эпохи являются этапами развития человечества, которое все время развивается, совершенствуется, идет вперед. Таким образом, в основе взглядов Баба на развитие человечества лежала идея об общественном развитии, о том, что общество меняется, движется вперед превосходящими друг друга кругами, т. е. по спирали.

Поскольку каждая последующая эпоха превосходит предыдущую, то и условия их коренным образом различаются. В каждую эпоху общество имеет свои особые порядки и законы, соответствующие уровню его развития в данное время. Общественные законы и порядки старой эпохи уничтожаются, теряют свою силу с концом старой эпохи и наступлением новой. На смену им приходят новые правила и нормы жизни.

Но сами люди, говорил Баб, не могут самостоятельно, без помощи бога установить для себя новые законы и порядки, которые действительно соответствовали бы новой эпохе и уровню развития страны. Это делается пророком, который является выражением и проявлением божественной воли в ком-либо из людей. Для каждой эпохи был свой пророк, предписания которого стали высшим законом для людей его эпохи. Предписания эти даются людям в виде священной книги, создание которой является непременным условием для каждого пророка. Как каждая эпоха превосходит предыдущую, так и пророк этой эпохи превосходит предшествовавшего ему пророка старой эпохи. Священная книга нового пророка стоит выше старой священной книги, а законы, устанавливаемые новым пророком, превосходят старые законы и отменяют их. Пророком самой ранней эпохи был Моисей, а его священной книгой было Пятикнижие. Иисус был более совершенным пророком по сравнению с Моисеем, и предписания его священной книги — Евангелия превосходили законы Моисея и отменили их. Когда установленный Иисусом и Евангелием порядок и законы устарели, изжили себя, то настала новая эпоха развития человечества. Появился еще более совершенный, чем Иисус, пророк — Мухаммед. Он дал людям новую, свою священную книгу — Коран, который превосходил Евангелие и заменил его. Старые предписания и нормы поведения людей были отменены, а Коран и шариат стали основами нового правопорядка.

С тех пор прошло очень много времени — более ты-

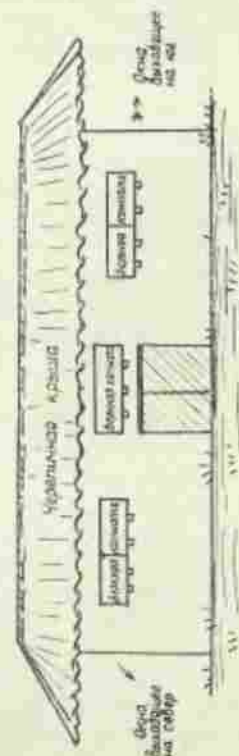
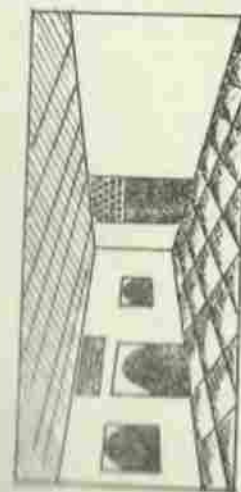
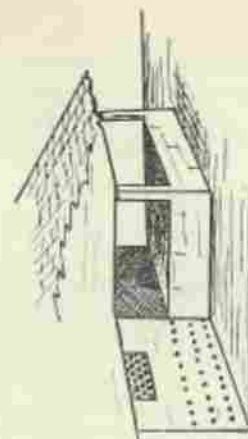
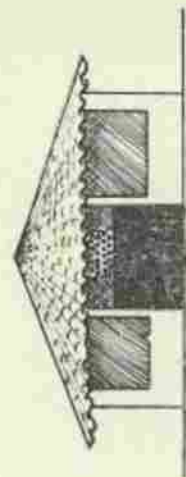

Общий план крепости Шейх-Табарен. Северная и восточная стены внутри гробницы (рис. Э. Броуна)

сячий лет. Человеческое общество в своем развитии далеко ушло вперед. Законы Корана и шариа та также устарели и более не отвечают тем требованиям, которые к ним предъявляются новой эпохой. Действия на их основе теперь являются только соблюдением формы и буквы божественных предписаний, которые не соответствуют их существу. Но власть захватили хакимы и улемы, которые в своем стремлении к личной наживе и удовольствиям соблюдают только форму закона и веры, а не существо их. Это является причиной несправедливостей и притеснений народа, которыми сейчас переполнен Иран. Виновниками этих притеснений и всех общественных бед и несчастий являются хакимы и главным образом улемы, не желающие уступить своего господствующего положения, которое было ими занято прежде в качестве хранителей и исполнителей старых законов⁵⁸.

Сейчас, проповедовал Баб, настало время появления нового пророка. По преданиям шиитов, которые упоминались выше, новый пророк — имам Махди должен появиться на земле и принести справедливость и счастье людям после того, как она будет переполнена притеснениями и несправедливостью. Нынешнее правление хакимов и улемов переполнило Иран несчастиями и бедами, так что время пришествия Махди наступило.

Основываясь на этих положениях, сейид Али-Мохаммед, как говорилось выше, в 1844 г. объявил себя Бабом — дверью, вратами, через которые людям доходят предписания скрытого имама Махди, а в 1847 г. провозгласил себя имамом Махди. Он принес людям новую священную книгу — «Беян», которая отменяет старые, отжившие законы Корана и шариа та и утверждает новые, соответствующие данной эпохе справедливые порядки и законы⁵⁹. Создание «Беяна» Баб считал самым неопровержимым доказательством истинности его пророческой миссии. Ведь Мухаммед, заявлял Баб, также всегда ссылался на Коран, как на доказательство своего пророчества. Дабы убедить мусульман в превосходстве «Беяна» над Кораном, Баб говорил, что божественные предписания при Мухаммеде передавались людям в устной форме, так как Мухаммед был неграмотен и не умел писать; теперь же бог передает свои законы в письменном виде — Баб сам писал свой «Беян» и другие произведения. На возражения своих противников,

Гробница Шейх-Табарей. Южная и западная стены внутри гробницы. Восточные ворота (рис. Э Броуна)

что его мало кто признает пророком, а «Бея» — священной книгой, Баб отвечал, что все прежние пророки также сначала не признавались и преследовались людьми, и только после более или менее длительного периода преследований люди принимали их проповедь за истину.

Так как настоящая эпоха и ее пророк — Баб превосходят все прошлые эпохи и их пророков, то теперь бог уже разговаривает с людьми иначе, чем это было раньше. Если, например, прежние пророки рисовали ад и рай как будущую загробную жизнь с физическими мучениями и наслаждениями, чтобы сделать понятия ада и рая доступными для тогдашнего уровня развития людей, то теперь люди в своем развитии поднялись выше и не нуждаются в таком объяснении ада и рая. И Баб толкует эти понятия по-иному. Ад, по его мнению, это состояние, когда человек человеку делает вред, зло, а рай — когда человек делает человеку добро. Такое толкование ада и рая Бабом встречается почти в каждой главе его «Беяна». Таким образом, понятия ада и рая интерпретируются им в аллегорической форме. В его изложении они получают вполне реальное, земное содержание. Аллегорически Баб истолковывает и другие понятия, которые мусульманское духовенство понимает в прямом смысле. Например, день Страшного суда («яв эль-киямат») понимается им не в буквальном смысле конца мира, а как наступление момента, когда приходит конец только одной эпохе, когда старые порядки и законы отменяются и появляется новый пророк со своей священной книгой, призванной стать основой для новых законов.

Главным положением, на которое опирался Баб в критике существующего строя и в установлении своих законов и правил поведения людей, было требование «не делать человеку вреда и зла, а делать добро». Все свои предписания он основывал именно на этом принципе. Он заявлял, что этот принцип является основным правилом поведения людей.

Этот принцип проистекал у Баба из провозглашения равенства всех людей. Его ученики, которые развили учение Баба, о чем мы будем говорить ниже, требование равенства людей выразили более ясно и понятно.

Баб проповедовал равенство женщин с мужчинами

и необходимость снятия чадры, под которой женщины в Иране скрывали свое лицо и тело. Занятие самой высокой, на его взгляд, профессией — торговлей он разрешал всем, даже рабам⁶⁰. Имущество, которое будет конфисковано у тех, кто не примет бабизма, он предлагал разделить между всеми принявшими бабизм без какого-либо исключения⁶¹. Целый ряд своих предписаний он посвящает защите прав личности, которые попирались в тогдашнем Иране. Баб, например, запрещал оскорблять людей и устанавливал штрафы за оскорбление⁶². Он запрещал входить в дом без разрешения хозяина⁶³ и т. д. Разбой на караванных дорогах приносил большие убытки купцам, и Баб запрещал их, а также пользование оружием в мирное время⁶⁴.

Он считал, что со временем его учение распространится не только по всему Ирану, но и по всему миру. На ближайшее будущее он предлагал установить священное царство, где люди будут жить на основе его законов, только в пяти крупнейших областях Ирана — Иранском Азербайджане, Мазендеране, Ирак-е Аджаме, Фарсе и Хорасане. В этом царстве поселятся только люди, принявшие бабизм. Основным законом станут предписания новой священной книги — «Беяна». В этом царстве будут господствовать справедливость и счастье, люди в своем поведении будут руководствоваться основным правилом «Беяна» — «не делать друг другу зла, а делать только добро».

Все не принявшие «Беяна», под которыми Баб понимал в первую очередь хакимов и улемов, будут изгнаны из священной страны бабидов. Будут изгнаны также все иностранцы, за исключением тех, кто занимается торговлей или каким-либо ремеслом⁶⁵. Имущество тех, кто не признает «Беяна», будет конфисковано и роздано всем бабидам в зависимости от их достоинств. Баб запрещал въезд из священной страны бабидов своим последователям, делая исключение только для тех из них, которые поедут за пределы ее в целях торговли или посещения ближайших соратников нового пророка⁶⁶. Таким путем Баб хотел оградить свое священное царство от влияния внешнего мира.

Торговцам и торговле Баб уделял исключительное внимание. Торговлю он считал наилучшим занятием, и интересы торговли и торговцев стояли у него на первом

месте. Это внимание Баба к торговле и торговцам проявляется и в его подразделении людей на классы. По его мнению, в Иране имелись следующие общественные классы — «сельселе» («разряды»), по его терминологии: 1. Хакимы, 2. Улемы, 3. Торговцы и 4. «Прочие, занимающиеся чем-либо»⁶⁷. В то время как крестьяне и ремесленники объединены им в одну категорию «прочих, занимающихся чем-либо», торговцы выделены в особую группу, несмотря на то, что их количество в Иране было во много раз меньше, чем ремесленников и крестьян, взятых в отдельности. Когда Баб говорил об интересах торговцев и торговли, его требования становятся ясными и конкретными. В гл. 3, части 7 «Беяна» он устанавливал, что должники обязаны уплачивать свои долги⁶⁸. В другой части своей священной книги он объявлял взимание процентов законным делом, лишь бы при установлении размера процента имелось обоюдное согласие⁶⁹. По существу, тем самым он узаконил тот ростовщический уровень процента, который существовал в это время в Иране. Таким путем он стремился не допустить ущемления интересов купечества, которое занималось ростовщичеством. Далее, он запрещал просматривать торговую переписку и вообще чужие письма, т. е. требовал тайны торговой переписки⁷⁰. Он выступал за то, чтобы почта в Иране была организована так же хорошо, как и в европейских странах⁷¹. Баб устанавливал единый денежный эквивалент денежной единицы — золотой мискаль и постоянный курс золота и серебра. Золотой мискаль, по его мнению, должен равняться 10 тыс. динаров, а соотношение между золотом и серебром должно быть 10 : 1⁷².

В этих конкретных требованиях отражались специфические интересы купечества. Но и общие положения Баба, хотя и отвечали чаяниям широких демократических слоев населения, также выдвигались в интересах торговцев. Например, Баб поощрял занятия производительным трудом, в том числе различными ремеслами. В изданной в 40-х годах XX в. одним из последователей Баба работе, посвященной изложению его доктрины, утверждается, что Баб призывал к развитию промышленности по примеру европейцев⁷³. Запрещались занятия бесполезные, к которым относились изучение логики, философии, мусульманского права, мертвых языков и

грамматики, которую он разрешал изучать только в таком объеме, который был необходим для понимания «Беяна»⁷⁴. Таким образом, Баб налагал запрет на те науки, в которых он был недостаточно силен, для вообще не разбирался.

Баб запрещал покупать и продавать людей, т. е. работорговлю, убийство и ссылки людей, побои и т. д. Налагался запрет на употребление спиртных напитков и курение опиума⁷⁵. Он считал необходимым изменить систему воспитания детей, запретить жестокие телесные наказания палочными ударами при обучении в школах, воспитывать их убеждением, словами⁷⁶.

Бедные и престарелые должны содержаться за счет общественной казны, которая создается из отчислений от конфискованного имущества не принявших бабизм, а также из имущества, переданного по наследству. Кроме того, устанавливался налог на собственность. Каждый владеющий собственностью должен был вносить в пользу Баба или его наследников по 500 динаров с золотого мискаля и по 50 динаров — с серебряного, т. е. в размере 5% стоимости имущества⁷⁷. Всеми общественными делами и казной должен был весть «Дом справедливости» («Бейт аль-Адль»), нечто вроде правительства.

Право наследования имущества Баб распространял на детей, жену, отца, мать, братьев, сестер и учителя. Доля каждой категории наследников точно устанавливалась Бабом, причем самую большую долю получали дети, а самую маленькую — учитель⁷⁸.

В предписаниях Баба о браке говорится, что брак должен совершаться по обоюдному согласию, а не насильно. Он возможен при достижении 11 лет мальчиками и 10 лет девочками. Развод допускается через определенное время. К жене следует относиться хорошо⁷⁹.

Интересно, что в учении Баба, во всех его установлениях и предписаниях большое значение имеет «священное» число 19. Цифра 19 определяла число месяцев в году и число дней в месяце бабидского календаря. Число членов «Бейт аль-Адль», так же как и число ближайших учеников Баба, составляет 19. В денежной единице — мискале содержится 19 воходов. Этой же цифрой определялся размер наказаний за нарушение правил, установленных Бабом. Священная книга «Беяна», по его

замыслу, должна была состоять из 19 частей, а каждая часть из 19 глав и т. д.⁸⁰

Выше мы кратко изложили основные положения учения Баба, ознакомление с которыми объясняет, почему имя Баба стало знаменем самых крупных антифеодальных выступлений в середине XIX в.

В учении Баба было мало нового и оригинального по сравнению с учениями тех сект, которые являлись предшественниками бабидов. Теория развития мира последовательными, превосходящими друг друга по уровню развития эпохами и появление в каждую из этих эпох пророка, являющегося воплощением бога на земле, а также аллегорическое толкование ада, рая, дня Страшного суда и некоторых других положений до Баба проповедовались сектой исмаилитов, из недр которой вышла секта шейхитов. Когда он провозглашал наступление времени пришествия нового пророка — Махди, а себя Бабом, то тем самым он только повторял идеи шейхитов о скором наступлении времени появления Махди. В самом факте провозглашения себя Бабом тоже не было ничего нового. Мы уже упоминали, что, по шиитским преданиям, во время «малого отсутствия» двенадцатого имама Махди, на земле существовали сменявшие друг друга четыре посредника между ним и людьми, каждый из которых также назывался Бабом. Бывали в истории Ирана и соседних с ним стран и другие случаи, когда проповедники называли себя «Баб». Например, при халифе ар-Ради (X в.) за это был казнен Абу-Джафар-Мохаммед ибн Али аш-Шалмагани, известный также под именем «Ибн Абу-Асахир». Цифра 19 в качестве священного числа уже фигурировала раньше, возможно не впервые, у известного суфийского проповедника шейха Мухья эд-Дин ибн аль-Араби в XII в.⁸¹

Таким образом, многие составные части учения Баба заимствованы им или были до него у шейхитов, исмаилитов, суфиев и других мусульманских сект. Но несмотря на некоторую наивность учения Баба и на изобилие различных суеверных вздорных идей, характерных для эпохи средневековья, если его освободить от средневековой шелухи, оно предстало бы в виде довольно цельной системы, в которой в религиозной форме выражались интересы и стремления широких, угнетенных феодалами народных масс — крестьянства, ремесленни-

ков и беднейшей части населения городов, а также купечества.

В своей проповеди о том, что мир переполнен несправедливостями и притеснениями, Баб выражал протест народных масс Ирана против феодального строя и иностранного капитала, проникновение которого привело к усилению эксплуатации крестьян, ремесленников и других трудящихся слоев населения. Указывая на хакимов и улемов как на виновников этих несправедливостей и притеснений, он выражал ненависть народа к своим угнетателям — феодалам и высшему духовенству, которое освящало и охраняло в судах шариата феодальные порядки. Провозглашая отмену Корана и шариата, равенство людей и свой принцип «не делать друг другу зла», объявляя об организации священного царства бабидов, где будет царить счастье, а люди будут относиться друг к другу по-братски, царства, откуда будут изгнаны все не принявшие бабизм, в том числе и иностранцы, причем имущество их будет конфисковано и разделено между всеми принявшими «Беян», Баб отразил мечты крестьян, городской бедноты, ремесленников и луты о том будущем счастливом царстве, где все люди будут равны, где не будет угнетения и угнетателей, которые будут изгнаны из священной страны бабидов, и где не будет разоряющего ремесла и домашнюю промышленность крестьян иностранного капитала и его влияния.

Правда, протесты и мечты трудящихся были выражены в религиозной форме. Но в этом не было ничего удивительного в такой стране, как Иран, где остатки средневековья все еще были очень живучи. А для средневековья всегда был характерен тот факт, что все массовые антифеодальные движения облекались в религиозную форму. Ф. Энгельс, анализируя причины религиозной формы идеологии крестьянской войны в Германии в XVI в., писал: «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала

церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»⁸².

Эти слова Ф. Энгельса вполне применимы к Ирану середины XIX в., где Коран освящал господство феодального строя, где все нормы и правила поведения людей в общественной и семейной жизни диктовались от его имени и где сила и влияние духовенства были еще более сильны, чем в Германии начала XVI в. Поэтому неизбежно все народные выступления в Иране, направленные против основ феодального строя, должны были принимать форму выступлений против догматов официального шиизма. Но под этой религиозной оболочкой в форме еретической, с точки зрения высшего шиитского духовенства, пропаганды руководителя бабидской секты скрывались вполне реальные классовые интересы, направленные против существовавшего тогда феодального строя, и призыв к его свержению.

В ниспровержении основ феодального строя прежде всего и больше всего были заинтересованы наиболее угнетенные им крестьяне и трудящиеся городов. Но учение Баба являлось отражением устремлений не только крестьян, городской бедноты и ремесленников. Сам Баб был торговцем, и интересы купечества занимали в его учении важное место, хотя они не совпадали с интересами широких масс трудящихся, а иногда и были прямо противоположны их интересам.

Важно отметить, что, в то время как интересы крестьян и городских социальных низов таили свое отражение в учении Баба только в форме общих положений и деклараций, программных конкретных положений, отражавших эти требования, у него не было, тогда как запросы торговцев у Баба выражены очень ясно и конкретно. При этом часто его положения презывают права широких народных масс, которые декларируются в общей форме. Так, например, провозглашая формальное

равенство людей, Баб фактически отказывался от него, заявляя, что ценность людей перед богом не одинакова и поэтому конфискованное у не принявших бабизм имущество будет делиться между бабидами соразмерно их достоинству, а не поровну⁸³. Та же мысль о фактическом неравенстве среди принявших бабизм встречается и в других частях и главах «Баяна»⁸⁴. Различные льготы для торговцев в будущем священной царстве бабидов, узаконение ростовщических процентов, требование обязательной уплаты долгов и другие положения учения Баба, которые приводились выше, говорят сами за себя.

Таким образом, в своей программе конкретных требований Баб стремился прежде всего обеспечить интересы купечества. Те из учеников Баба, особенно хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, которые стояли ближе к крестьянству и городской бедноте, а затем оказались во главе восстаний этих слоев населения, впоследствии внесли значительные изменения в учение Баба. Требования торговцев, не совпадавшие с интересами широких народных масс, были отброшены или, во всяком случае, оставлены в тени. Стремления же крестьян, городской бедноты и ремесленников были выражены в более полной и ясной форме. Но об этом будет более подробно сказано ниже.

Обратимся теперь к событиям, связанным с пропагандой Баба и его учеников. Выше уже упоминалось, что, когда сейид Али-Мохаммед в 1844 г. объявил себя Бабом, вокруг него собралась группа его последователей-учеников. Они образовали своеобразную организацию проповедников нового учения, которая называлась «Вахед» («Единство»). Баб назвал своих ближайших учеников — членов «Единства» «хуруф-е хайн» («вечными буквами»); это название закрепилось за ними впоследствии среди бабидов и в бабидской литературе. Всего в «Единстве», включая и самого Баба, было 19 «вечных букв». Первым по важности и авторитету был сам Баб. Важнейшими после него были: хаджи Мохаммед-Али Барфуруши — вождь бабидского восстания в Мазендеране, в своем развитии учения Баба более последовательно отразивший стремления социальных низов — крестьян и городской бедноты, а также муллы Хосейн Бошруйе («Баб эль-Баб»). В состав «Единства» входили также будущий преемник Баба — мирза Яхья,

получивший впоследствии наименование «Собхе-Азаль» («Утро вечности»); бабидская проповедница Заррине Тадж, более известная по своему прозвищу — Куррат эль-Айн («Прохлада очей»); руководитель Зенджанского восстания бабидов мулла Мохаммед-Али Зенджани; сийид Яхья Дараби, посланный Мохаммед-шахом из Тегерана в Шираз в 1845 г. для изучения учения Баба, перешедший на сторону последнего и возглавивший затем первое Нейризское восстание бабидов, и др. В общем эта организация объединяла наиболее видных проповедников бабизма. Большинство из них впоследствии или погибли в борьбе с шахскими войсками при подавлении бабидских восстаний, или были казнены после подавления восстаний.

Выше упоминалось о том, что перед отправлением Баба в паломничество в Мекку его ближайшие ученики разошлись по разным областям Ирана проповедовать учение нового пророка. Наиболее характерной для проповеди бабизма в период с 1844 по 1848 г. была деятельность одного из самых замечательных учеников Баба — мoulлы Хосейна Бошруйе. Хосейн Бошруйе родился в небольшом хорасанском городке Бошруе. В юности он занимался богословием, законоведением, грамматикой и другими традиционными науками. Но духовная карьера улема не прельщала его. Наоборот, он стал их врагом — бабидом. Придворный историк Сепехр объясняет причину увлечения его бабизмом тем, что он будто бы не имел успеха в науках и не приобрел этим путем богатства⁸⁵. На самом деле объяснение поведения мoulлы Хосейна и других бабидов из среды духовенства надо, видимо, искать в тех общественных условиях, которые создались в Иране в середине XIX в. Обострение противоречий в феодальном обществе, усиление эксплуатации крестьянства, рост недовольства среди трудящихся слоев города — все это не могло не отразиться на настроениях части духовенства, особенно низшего. Оно было единственно грамотной прослойкой населения, постоянно общавшейся в гуще широких народных масс, и его положение иногда не намного отличалось от положения мелких торговцев, ремесленников или даже крестьян. Именно в этих обстоятельствах кроется причина того, что многие представители низшего духовенства, в том числе и мoulла Хосейн, не только охотно воспринимали

учение шейхитов и других сект, направленные против существовавшего тогда строя, и в первую очередь против освящавшего его шиитского духовенства, но даже оказывались во главе вооруженных антифеодальных восстаний.

Выше упоминалось, что мoulла Хосейн был первым, кто в 1844 г. в Ширазе уверовал в божественную миссию Баба. Из Шираза мoulла Хосейн направился через Исфахан, Кашан и Тегеран в Мешхед. В Исфахане он привлек на сторону Баба исфаханского губернатора Манучехр-хана и богослова мoulлу Мохаммеда Тагх Герати. В Кашане ему удалось завербовать купца хаджи мирзу Джани, впоследствии автора истории бабизма — «Кетаб-е нукта-эль-Каф». В Кашане мoulла Хосейн пытался привлечь, но неудачно известного, влиятельного муджтехида хаджи Мохаммеда Нераки. В Тегеране он привлек к новому учению двух братьев Нури — мирзу Яхья (Собхе-Азаль) и мирзу Хосейна Али (Бехаолла). Он даже пытался склонить к бабизму самого шаха и его садр азама хаджи Агаси. К ним у него было письмо Баба, которое мoulла Хосейн и передал по адресу. Но иранские правители приказали ему немедленно убираться из столицы, и мoulла Хосейн выехал из Тегерана в Хорасан⁸⁶.

В Хорасане в это время против шахского правительства выступил губернатор Боджнурда, объединившийся с туркменами. Правитель Хорасана, брат матери шаха Асеф эд-Доуле был в 1847 г. смещен со своего поста, и на его место был назначен принц Хамза-мирза. Против власти шаха также восстал сын Асеф эд-Доуле — Салар, а затем в мае 1848 г. — его брат мирза Мохаммед-хан.

В такой обстановке мoulла Хосейн вел пропаганду бабизма в Мешхеде. Здесь находилась главная шиитская святыня в Иране — гробница имама Резы, где было много шиитских паломников; влияние шиитского духовенства в Мешхеде всегда было велико. Поэтому пропаганда мoulлы Хосейна большого успеха не имела. Ему удалось привлечь на свою сторону только шейха мoulлу Абдул-Халека и нишапурского муджтехида мoulлу Али-Асгара, которые стали проповедовать бабидские идеи в мечетях. Но городские улемы, обеспокоенные проповедями бабидов, обратились с жалобой к правите-

лю Хорасана Хамза-мирзе. По приказу последнего мулла Хосейн был взят под стражу, мулле Абдул-Халеку было приказано не выходить из дому, а нишапурский хуждехид Али-Асгар всенародно отказался от Баба и грокаял его в мечети. Другие приверженцы мoulлы Хосейна были подвергнуты наказанию палками. Правда, мулле Хосейну удалось, воспользовавшись суматохой в лагере сторонников шаха в связи с восстанием Салара, бежать в середине 1848 г. из заключения. Он направился сначала в Нишапур, а затем в Сабзевар и Шахруд, повсюду проповедуя бабидские идеи⁸⁷.

Кроме мoulлы Хосейна другие ученики Баба вели пропаганду в различных областях Ирана. Сейид Яхья Дараби проповедовал в Пезде. В Зенджане учение Баба разъяснял мoulла Мохаммед-Али Зенджани. В Кашане бабизм пропагандировал мирза Джани. Мoulла Мохаммед Садег, преподаватель одной из высших духовных школ в Исфахане, обращенный в бабизм мoulлой Хосейном Бошруйе, агитировал в Исфахане и Ширазе. Мoulла Юсуф Ардебилли по поручению Баба вел пропаганду в Иранском Азербайджане. Готовность, с которой жители селения Милиан встретили Баба и его учение в то время, когда его конвоировали в Маку, в немалой степени объяснялась пропагандой мoulлы Юсуфа. Впоследствии, когда началась осада бабидов шахскими войсками в крепости при Шейх-Табарси, мoulла Юсуф пытался пробиться к осажденным бабидам, но был задержан шахскими войсками. Его продержали под стражей в течение всего времени осады крепости. После сдачи бабидов шахским войскам, мoulлу Юсуфа привезли в Барфуруш, где, как пишет в своих воспоминаниях М. Севрюгин, его расстреляли, привязав к дулу пушки.

В Казвине пропаганду бабизма вела замечательная иранская женщина Куррат эль-Айн. Она была дочерью известного казвинского богослова мoulлы Салеха Баракани. Заррине Тадж (такое было настоящее имя Куррат эль-Айн) с ранней юности выделялась своей красотой, а также тем, что вместо развлечений и игр изучала богословие и шиитскую догматику. Очень рано она была выдана замуж за сына своего дяди, брата ее отца — Мохаммеда-Таги Баракани — имама джоме Казвина. Еще при жизни сейида Казема Рештского она совершила галомничество в Кербелу, слушала его проповеди и

стала его последовательницей. Прозвище Куррат эль-Айн ей дал сам сейид Казем. Она была знакома не только с сейидом Каземом, но и со многими его учениками, в том числе с мoulлой Хосейном Бошруйе.

Когда Куррат эль-Айн узнала о появлении Баба и ознакомились с основными положениями его учения, она приняла новое учение и стала его ревностной проповедницей. Никола пишет, что во время пребывания Баба в Казвине на пути его в Маку она слушала его проповеди⁸⁸. Ее муж, отец и братья пытались добиться ее отречения от бабизма, но она отказалась это сделать и открыто объявила о своей приверженности новому учению.

Во время пребывания в Кербеле она открыто проповедовала бабизм среди мужчин и женщин. Мирза Джани пишет, что во время ее поучений мужчины обычно отделялись от женщин занавеской. В своих проповедях, как сообщает мирза Джани, она говорила, что в ее лице на землю вернулась дочь Мухаммеда — Фатима, а так как людям через ближайших родственников Мухаммеда передавались законы Аллаха, то и теперь через нее — Куррат эль-Айн — Аллах сообщает людям свою волю⁸⁹. Этими утверждениями она стремилась обосновать законность всего того, что противоречило существовавшим в то время обычаям и законам.

Пропаганда Куррат эль-Айн взбудоражила жителей Кербелы. Правитель города донес о ее деятельности багдадскому паше, и проповедницу до получения ответа из Багдада подвергли домашнему аресту. Куррат эль-Айн удалось в сопровождении нескольких последователей бежать из Кербелы, откуда она направилась в Багдад. Там она явилась к старшему муфтию, и между ними возник спор, который окончился тем, что, как пишет мирза Джани, смелую бабидку и ее спутников чуть не растерзали⁹⁰. Им предложили немедленно покинуть территорию страны.

Из Багдада Куррат эль-Айн вернулась в Иран через Керманшах и Исфахан, всюду проповедуя новое учение. Отец ее хаджи Салех, узнавший, что Куррат эль-Айн продолжает проповеди бабизма, послал за ней в Исфахан своих людей, которые силой привезли ее в Казвин. Здесь ее пытались держать взаперти. Но ей удалось установить связь с последователями Баба, и она про-

должала вести бабидскую пропаганду. Она даже пошла на открытый разрыв с мужем, муллой Мохаммедом, который, так же как и его отец — известный во всем Иране муджтехид хаджи Мохаммед-Таги Казвини, выступал против Баба и бабизма. Хаджи Мохаммед-Таги был ярким противником не только бабидов, но и шейхитов. В свое время он имел диспут с руководителем секты шейхитов шейхом Ахмедом Ахсан, который закончился тем, что шейх Ахмед был изгнан из города. Последний год своей жизни хаджи Мохаммед-Таги посвятил главным образом публичному поношению в казвинской мечети бабидов и их учения. Ненависть его к бабидам возросла еще больше, когда с проповедью бабизма выступила жена его сына — Куррат эль-Айн.

В середине 1848 г. хаджи Мохаммед-Таги во время одной из своих проповедей в мечети публично проклял шейха Ахмеда, Баба и их последователей. В ответ на это один из бабидов, мирза Салех Ширази, вооруженный килжалом, пробрался в мечеть, где Мохаммед-Таги молился, и убил его. После этого Куррат эль-Айн стали обвинять в подстрекательстве к убийству муджтехида. Начались повальные аресты всех подозреваемых в приверженности к бабизму. Было арестовано около 70 человек. Пятерых из них казнили в Тегеране и Казвине. Салеху Ширази удалось скрыться, и впоследствии он участвовал в восстании бабидов в Мазендеране.

После убийства муджтехида Мохаммеда-Таги бабидам удалось ночью похитить Куррат эль-Айн и вывезти ее тайно в Тегеран, где она некоторое время находилась в доме мирзы Хосейн-Али Нури (Бехаоллы). Из Тегерана она в сопровождении своих нескольких сторонников выехала по направлению к Хорасану, где приняла участие в собрании бабидов в селении Бедашт.

Другим видным проповедником бабидского учения был хаджи Мохаммед-Али Барфуруши. Он родился в семье состоятельного крестьянина⁹¹. В детстве был слугой одного из высших духовных лиц в Мазендеране — хаджи Мохаммеда-Али Мазендерани⁹². Прислуживая своему хозяину, он обучился грамоте и богословским наукам и впоследствии стал муллой. Живя среди высшего духовенства, он возненавидел его за продажность и лицемерие. Это сделало его весьма восприимчивым к еретическим учениям, выступавшим против официальных

шинитских догматов. Поэтому сначала он стал приверженцем шейхитов, а затем примкнул к бабизму. С самого начала проповедей Баба он принял его учение и совершил вместе с ним паломничество в Мекку. Из Мекки он возвратился в Барфуруш, где принялся ревностно пропагандировать бабизм. На этой почве между ним и главою шиитского духовенства в Барфуруше Саид эль-Улема возникли разногласия, перешедшие затем в ожесточенную борьбу. В конце концов мулла Мохаммед-Али, получивший от бабидов прозвище «Куддус» («бесгрешный», «святой»), был изгнан из Барфуруша и направился в Хорасан.

Подводя итог первому этапу пропаганды бабидов (1844 — первая половина 1848 г.), следует сказать, что и этот период ученики Баба и сам Баб не обращались со своими проповедями непосредственно к угнетенным широким народным массам. На первых порах они думали осуществить свои идеи иным способом — привлечением на свою сторону части высшего духовенства и правящих кругов Ирана. Этим объяснялись их обращения к шаху, к садр азаму — хаджи мирзе Агаси, к правителям отдельных областей Ирана, а также к некоторым представителям высшего духовенства. Но вскоре они убедились, что эти круги не только не хотят принять идеи Баба, но и жестоко преследуют за их пропаганду. Отдельные случаи сочувствия бабизму со стороны представителей правящего класса, которые приводились выше, объяснялись их стремлением использовать бабидов и их учение для уменьшения влияния высшего духовенства и были исключением из общего правила — преследования бабидов.

В то же время бабидские проповедники видели, что, хотя они и не обращаются к широким народным массам города и деревни, их пропаганда встречает сочувствие этих масс и городская беднота и крестьяне стихийно собираются вокруг них и даже защищают их от преследований шахских властей и высшего духовенства. Постепенно часть бабидских проповедников стала понимать, что их действительными союзниками могут быть только эти, уже поддерживающие и защищающие их слои населения. Из среды учеников Баба стали выдвигаться те, которые были теснее связаны с широкими народными массами. В своей пропаганде они отбросили

или оставили в тени те положения учения Баба, которые не соответствовали интересам крестьян и беднейшей части населения городов, и развили демократические стороны учения Баба, не останавливаясь даже перед изменением его.

Этот поворот в бабидской пропаганде особенно ярко выявился на собрании бабидов в сравнительно большой деревне Бедашт к востоку от г. Шахруда. Собрания и проповеди бабидов в Бедаште состоялись в середине 1848 г. Бежавшая из Казвина Куррат эль-Айн, направляясь в Хорасан, встретила около г. Шахруда с хаджи Мохаммедом — Али Барфуруши. Вероятнее всего, эта встреча не была случайной, поскольку бабиды собирались в заранее намеченном пункте. Мирза Джани пишет, что их было свыше 300⁹³. Николя, в частности, сообщает, что перед Бедаштскими собраниями наиболее видные ученики Баба — хаджи Мохаммед-Али Барфуруши и мулла Хосейн Бошруйе обменивались письмами⁹⁴.

Кроме Куррат эль-Айн и хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши в Бедаштских собраниях участвовали: мулла Хосейн Бошруйе; хаджи мулла Исмаил Куми, казненный впоследствии в Тегеране в феврале 1850 г.; мирза Хосейн-Али Нури (Бехаолла), на средства которого большей частью жили собравшиеся в Бедаште бабиды; Реза-хан — сын начальника шахских конюшен Мохаммед-хана Туркмена и много других бабидских проповедников. Автор «Мефтах Баб ва аль-Абваб» пишет, что Куррат эль-Айн и хаджи Мохаммед-Али Барфуруши первыми приехали в Бедашт, разослали в окрестные села своих гонимых для оповещения крестьян и других жителей о том, что имам Махди, которого ожидает население, объявился и вскоре прибудет. Получив такое извещение, народ устремился в Бедашт, где и состоялось собрание бабидов.

Главную роль на этом собрании бабидов играли хаджи Мохаммед-Али Барфуруши и Куррат эль-Айн. Первым на собрании обсуждался вопрос об аресте и заключении Баба. Решено было, как пишет Николя, организовать паломничество в место заключения Баба — Маку, а также организовать похищение Баба мирным путем. Если же власти решат убить Баба, то противодействовать этому силой и увезти Баба в Россию. Затем

обсуждались основы учения бабизма. Было объявлено, что Баб является более совершенным пророком по сравнению с Мухаммедом, так же как Мухаммед был более значительным по сравнению с Иисусом, который, в свою очередь, превосходил Моисея. Было объявлено, что Баб отменил Коран⁹⁵.

Хаджи Мохаммед-Али и Куррат эль-Айн говорили на собраниях в Бедаште, что люди не всегда жили в такой обстановке несправедливости и притеснений, в какой они живут в настоящее время. Первоначальное, естественное состояние людей заключалось в том, что они находились в вечном раю и пользовались всеми благами мира. Все блага для того богом и сотворены, чтобы люди пользовались ими и были счастливы. Но затем не соблюдающие законы божии улемы и хакимы силой отняли у людей то, чем они пользовались, и разрушили их счастье. С приходом Махди вечное счастливое царство снова будет установлено на земле⁹⁶. Сейчас наступило время пришествия на землю нового пророка — Махди. Старые законы и порядки — Коран и шариат утратили свою силу. Настало время междоцарствия — «фетрат», когда старые порядки и законы отмерли, а новые еще не введены. Поэтому люди теперь свободны от выполнения всех обязанностей, от уплаты налогов и податей своим господам. Больше того, хаджи Мохаммед-Али Барфуруши объявил, а его единомышленники часто впоследствии повторяли, что в царстве Махди, которое уже наступает, «все люди, бывшие до сих пор высокими и важными, станут низкими, а люди низкие станут высокими»⁹⁷.

Таким образом, хаджи Мохаммед-Али Барфуруши и Куррат эль-Айн не ограничивались только формальным провозглашением равенства людей, как это делал Баб. Они пропагандировали радикальное изменение их общественного положения в будущем царстве.

Далее бабиды объявили об отмене частной собственности, утверждая, что она является узурпацией чужих прав. Концентрация собственности в руках немногих и лишение ее остальных является причиной и основой возмущений и распада общества. Богатства не созданы для одного человека, который может монопольно ими пользоваться, а других лишать этого. Все имущество и богатство должны быть общей собственностью. Все люди

должны иметь право пользоваться именными богатствами. Нищете и бедности следует положить конец. Между бедными и богатыми надо установить равенство. Никто не может препятствовать другим пользоваться благами мира. По мнению хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши, право владеть всем, что есть на земле, принадлежит только богу и его пророку, которого он посылает людям⁹⁸.

На этом основании объявлялось, что в царстве Махди будет общность имущества. Люди будут пользоваться всеми благами на равных условиях. Мирза Джани, излагая содержание проповедей в Бедаште, пишет: «Люди пойдут по базарам и, читая молитвы, возьмут из лавок все, что хотят». Сравнивая будущие порядки с настоящими, он продолжает: «А сейчас, если кто-нибудь так сделает, то, согласно шариаху Мухаммеда, ему нужно отрубить руку»⁹⁹.

По мнению хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши, мирзы Джани и вообще всех бабидов, согласных с проповедовавшимися в Бедаште идеями, счастливое царство будет совершенно отличным от того, что есть сейчас на земле. Теперешнее общество они называли «сарай ма-каддари» («загрязненным домом») и «хане-йе арийат маламале аз хази ва андух» («временным жилищем, переполненным горестями и печалью») ¹⁰⁰. Чтобы достичь будущего счастливого царства, люди должны пройти через большие опасности и испытания. Прежде всего они должны оставить все помыслы об удовольствиях в нынешнем мире. Людей, стремящихся к земным наслаждениям, мирза Джани называл эгонстами. Истинные борцы за новое учение и новую жизнь должны отказаться от всего земного, вести суровую, подвижническую жизнь и быть всегда готовыми умереть за свои идеи. Позднее, во время восстаний, бабидские вожди говорили своим последователям, что счастливое царство Махди ждет их после смерти в загробном мире¹⁰¹.

Провозглашая в Бедаште равенство всех людей в будущем счастливом царстве, бабиды провозглашали и равенство женщин. Они говорили, что каждая женщина может выбирать мужа по своему усмотрению, так же как и каждый мужчина может выбирать себе жену на таких же основаниях. Обосновывалось это ссылкой на волю бога. Поскольку, пишет мирза Джани, все мужчи-

ны являются слугами бога, а все женщины — его служанками, то он «дарит их тому, кому хочет, и отнимает от того, от кого хочет». Куррат эль-Айн объявила, что раз наступило время «фетрат» — междоусобицы, Коран и шариах потеряли свою силу и появилась новая священная книга, устанавливающая новые законы и общественные порядки, то отпало и запрещение женщинам появляться в обществе без покрывала. Она сбросила покрывало и появилась перед слушателями во время проповедей с открытым лицом. Но предрассудки даже среди руководителей бабидов были настолько сильны, что этот поступок вызвал смещение среди слушателей. Многие из них, в том числе и хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, считали это богохульством и резко протестовали против него. Но в конце концов протестующие уступили и было признано, что устами Куррат эль-Айн глаголет бог¹⁰². Сепехр и Реза Кули-хан утверждают, что Куррат эль-Айн проповедовала в Бедаште общность жен и вообще вела себя развратно¹⁰³. Вслед за ними это повторяют и многие другие иранские и европейские авторы. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности. Скорее всего, это утверждение является ложью классовых врагов бабидов в ответ на проповедь равноправия женщин и клеветой на Куррат эль-Айн, которая осмелилась выступить против мусульманских обычаев и порвала в связи с этим со своим мужем.

Проповеди учеников Баба в Бедаште не были приняты всеми присутствовавшими на собраниях бабидами. Значительная часть их не согласилась с ними и разошлась с руководителями собраний. Особенно неприемлемой показалась эта пропаганда тем сочувствовавшим учению Баба и присутствовавшим на собраниях лицам, которые по своему общественному положению стояли близко к господствующему классу или сами были выходцами из его рядов. Среди присутствовавших в Бедаште были, например, сын начальника шахских конюшен Реза-хан и сын начальника шахских скороходов мирза Сулейман-Кули. Мирза Джани сообщает, что Реза-хан не согласился с идеями, пропагандировавшимися хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, и разногласия между ними дошли до рукопашной схватки. Мохаммед-Али во время спора ударил Реза-хана по голове, и тот покинул собрание и направился в Тегеран¹⁰⁴. Уехали из Бедашта и

Другие участники собраний, отказавшиеся принять провозглашенные здесь идеи.

Таким образом, на собраниях бабидов в Бедаште часть учеников Баба по главе с хаджи Мохаммедом-Али Барфуруши и Куррат эль-Айн пошла значительно дальше учения Баба. Заботы последнего об интересах торговцев были отброшены. Мирза Джани, судя по его книге, разделявший идеи, проповедовавшиеся в Бедаште, уже не выделял торговцев в особую группу, имевшую перед другими слоями преимущества, как это делал Баб. У него торговцы стояли в одном ряду с ремесленниками и крестьянами¹⁰⁵. Утверждение, что в будущем царстве Махди «все низкие в настоящее время будут высокими» и наоборот, объявление отмены налогов, податей и всех других обязанностей перед феодалами, отмена частной собственности, провозглашение общности имущества — все эти требования являлись более ясным и решительным, чем в учении Баба, выражением стремления крестьянства и беднейшей части населения городов разрушить мир угнетения, а также отражением их мечтаний о таком «счастливом царстве», где не будет угнетения и несправедливости и люди будут жить, пользуясь всеми благами поровну. Характерно, что и местом для пропаганды этих идей был избран не какой-нибудь город, а сравнительно большая деревня Бедашт, на границе Мазендерана и Хорасана, в которой было 140 дворов.

Чтобы несоответствие идей, пропагандировавшихся в Бедаште, учению Баба не смущало людей, в глазах которых Баб был посредником между ними и имамом Махди, хаджи Мохаммед-Али Барфуруши объявил, что он сам является ожидаемым Махди¹⁰⁶. Поэтому его проповедь есть более высокое проявление божественной воли по сравнению с учением Баба, являвшегося только «дверью» к нему, и теперь люди должны выполнять его, а не Баба предписания.

Проповеди Мохаммеда-Али Барфуруши, Куррат эль-Айн и других участников Бедашских собраний быстро распространились среди окрестных деревень. Многие крестьяне стекались в Бедашт послушать людей, которые провозгласили близкий конец царства гнета и наступление времени, когда все будут счастливы и равны. Это напугало ханов и улемов Шахруда, которые послали в Бедашт отряд, разогнавший проповедников.

Таким образом, Бедашские собрания ознаменовали новый этап в пропаганде последователей Баба. Суть этого этапа состояла в том, что из среды учеников Баба выделилась группа во главе с хаджи Мохаммедом-Али Барфуруши, идеи и проповеди которой являлись в большей мере отражением интересов и стремлений крестьян и городской бедноты, чем это было в проповедях Баба. С тех пор они начали вести свою пропаганду главным образом среди этих слоев населения, а не среди правящих кругов, как было раньше. А крестьяне и беднейшие слои городов, со своей стороны, со времени Бедашских собраний стали более активно собираться вокруг них и решительнее поддерживать их выступления против существовавшего тогда строя.

АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ В МАЗЕНДЕРАНЕ

После окончания бабидских собраний в Бедаште их руководители разъехались по разным концам Ирана для пропаганды своих идей. Хаджи Мохаммед-Али Барфуруши направился в Мазендеран, Куррат эль-Айн — в Казвин по дороге через Нур, молла Хосейн Бошруйе выехал в свой родной Хорасан.

В Мешехе пропаганда Хосейна Бошруйе успеха не имела. Хосейн Бошруйе получил письмо от хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши с приглашением приехать в Мазендеран. В конце лета 1848 г. он направился туда. Повсюду на своем пути он и его спутники вели пропаганду в деревнях, таких, как Арджаманд и Ханходи, и на базарах городов. В небольшом городе Мейоме, на пути из Сабзевара в Шахруд, к мулле Хосейну присоединился ученик покойного шейха Ахмеда Ахсан — мулла Зейн аль-Абедин с 30 другими сторонниками нового учения¹. Местные власти и улемы пытались силой разогнать группу Хосейна Бошруйе и арестовать ее руководителя. Но соратники муллы Хосейна вступили с нападавшими на них в схватку и, потеряв несколько человек убитыми, оставили Мейоме и направились в Шахруд. По дороге в Шахруд и в самом городе к мулле Хосейну присоединилось много последователей, так что по выходе из города его группа насчитывала уже около 230 человек. В конце сентября 1848 г., когда группа муллы Хосейна находилась в деревне Арим Савадкхского района, пришло известие из Тегерана о смерти Мохаммед-шаха. Такое событие и раньше всегда служило сигналом к выступлениям против шахского правительства. Считалось, что в обстановке растерянности и раздоров и междоусобной борьбы за власть в различных группировках правящих кругов появляется возможность для выступлений против шахских властей.

Так думали и руководители нового учения. Мулла

Хосейн, получив известие о смерти шаха, обратился с проповедью к своим последователям. Он объявил им, что близится время, когда проповедуемые им и его сторонниками идеи осуществятся на деле. Но поскольку предстоит жестокая борьба с противниками, которую могут вынести только наиболее стойкие и убежденные в своей правоте люди, забывшие ради своих идей и целей жен, детей, имущество и все мирские блага, то пусть колеблющиеся и слабые еще до начала борьбы покинут ряды сторонников нового учения. Большинство бабидов — около 200 человек согласились пойти за муллой Хосейном до конца, и только 30 человек оставили его и разошлись по своим домам². Затем бабиды двинулись в Барфуруш, куда их приглашал хаджи Мохаммед-Али Барфуруши.

Городские власти и духовенство Барфуруша во главе с Санд-оль-улема и без того уже были напуганы проповедями хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши. Слухи, которые до них дошли о мулле Хосейне и его группе, явно свидетельствовали, что дело идет к открытому восстанию. Поэтому власти решили не допускать группу муллы Хосейна в город и выслали навстречу ей вооруженный отряд, который попытался не пропустить бабидов, вооружившихся по пути в Барфуруш. Произошло столкновение, в результате которого бабиды, потеряв убитыми трех своих товарищей, с боем вступили в Барфуруш. Они обосновались на базаре и стали активно готовиться к борьбе. Бабиды вели работу по вовлечению в свою группу местных жителей. Число их росло с каждым днем. Через несколько дней бабидов было уже около 700 человек³.

Для городских властей и духовенства стало ясно, что местными силами им не справиться с бабидами и что если дела будут оставаться в таком положении, то не сегодня завтра бабиды захватят власть в городе. Санд-оль-улема обратился за помощью к губернатору Мазендерана принцу Ханляр-мирзе. Но тому в связи со смертью Мохаммед-шаха было не до бабидов. Он собрался в Тегеран, чтобы выяснить свое положение при новом шахе. Тогда Санд-оль-улема обратился к командующему шахскими войсками в Мазендеране Аббас Кули-хану сардару Лариджани с просьбой немедленно прислать в Барфуруш военное подкрепление. Аббас Ку-

ли-хан выслал отряд стрелков численностью 300 человек под командованием Мохаммед-бека. Между этим отрядом и бабидами на базаре начались схватки. Лучшие вооруженные отряды стали теснить бабидов, которые потеряли убитыми несколько десятков человек. Тогда бабиды оставили базарную площадь и заняли караван-сарай на площади Майдан-е сабз. Здесь они укрепились более основательно, и попытки войск выбить их из караван-сарая оказались безрезультатными. Бабиды не только отбивали атаки войск, но и сами делали вылазки, нанося большой урон противнику.

Мохаммед-бек, пытаясь устрашить бабидов и сочувствовавших им барфурушцев и крестьян окрестных деревень, с чрезвычайной жестокостью расправлялся с попавшими ему в руки бабидами. Например, один из них, захваченный войсками, был брошен живым в колодезь и зарыт⁴. Но эти расправы еще больше ожесточали бабидов, и борьба продолжалась.

Наконец в Барфуруш прибыл сам Аббас-Кули-хан Лариджани. Убедившись, что силой покончить с бабидами будет очень трудно, он решил договориться с ними миром и предложил мулле Хосейну выйти из караван-сарая и оставить Барфуруш. Бабиды согласились на это при условии, что им будет обеспечен безопасный выход из города. Аббас-Кули-хан согласился и назначил для сопровождения бабидов отряд стрелков. Бабиды вышли из Барфуруша. Отряд стрелков сопровождал их до Алиабада, небольшого городка к юго-востоку от Барфуруша.

Самые непримиримые противники бабидов в Барфуруше — Саид-оль-улема, местные феодалы и богачи — были недовольны таким исходом дела. Бабиды не были уничтожены. Они ушли из Барфуруша непобежденными, и не было никакой гарантии, что они не вернутся и не возобновят свои проповеди о необходимости раздела имущества всех не принявших их учения, об отмене всех налогов и повинностей и т. д. Губернатор Мазендерана Ханляр-мирза и наиболее видные мазендеранские ханы были в Тегеране на коронации нового шаха Насер-э-Дина. Самым влиятельным лицом в городе оказался Саид-оль-улема. По его указанию был создан конный отряд для преследования и разгрома бабидов. Во главе его был поставлен некий Хосров-бек из Каде-Кале, ко-

торый до этого занимался грабежом окрестных жителей⁵. Этот наемный сброд следовал по пятам за бабидами до Алиабада, не смея напасть на них. Из Алиабада дорога, по которой двигались бабиды, пролегла через лес. К югу от нее находилась обнесенная оградой гробница шейха Табарси. По преданиям, здесь был похоронен шейх, считавшийся среди народа святым. Недалеко от гробницы шейха Табарси бабиды устроили привал. Здесь-то Хосров-бек и решил напасть на них. Сначала он явился к мулле Хосейну и стал вымогать у него выкуп, обещая взамен оставить бабидов в покое. Мулла Хосейн дал ему 100 туманов. Тогда Хосров-бек потребовал, чтобы мулла Хосейн отдал ему свою лошадь и саблю. Мулла Хосейн отказался сделать это. В ответ на это Хосров-бек обрушился с ругательствами на новую религию и на Баба. Мулла Хосейн и его сторонники пустили в ход оружие. Хосров-бек и несколько человек из его отряда были убиты. Отряд, оставшийся без руководителя, был вынужден отступить. Но, получив подкрепление, он возвратился и внезапно напал на бабидов. Это нападение застало бабидов врасплох, лесная дорога была очень узка, и они, не будучи в состоянии развернуть свои силы для отпора врагу, отступили к гробнице Шейх-Табарси. Здесь, укрывшись за оградой, они отбили атаки противника⁶.

Гробница Шейх-Табарси была расположена приблизительно в 25 км от Барфуруша. Местность здесь была низменная, поросшая густыми труднопроходимыми лесами. Автор настоящей работы побывал в Шейх-Табарси летом 1945 г., когда стоял сухой сезон. Но и тогда дорога в Шейх-Табарси была плохая. Бабиды же заняли Шейх-Табарси в октябре, когда шли непрерывные дожди. Болота и ручьи были переполнены водой, и дорога стала почти непроходимой. Э. Броун, посетивший Шейх-Табарси тоже осенью, в сентябре 1888 г., пишет, что более худшего пути он не встречал никогда⁷. Учитывая, что Шейх-Табарси расположена в труднодоступном месте, бабиды рассчитывали, что здесь они будут недоступны для своих противников. Поэтому они и решили обосноваться в этом месте на продолжительное время и отсюда развернуть пропаганду своего учения в окрестных деревнях.

Слух о занятии бабидами Шейх-Табарси быстро рас-

ли-хан выслал отряд стрелков численностью 300 человек под командованием Мохаммед-бека. Между этим отрядом и бабидами на базаре начались схватки. Лучшие вооруженные отряды стали теснить бабидов, которые потеряли убитыми несколько десятков человек. Тогда бабиды оставили базарную площадь и заняли караван-сарай на площади Майдан-е сабз. Здесь они укрепились более основательно, и попытки войск выбить их из караван-сарая оказались безрезультатными. Бабиды не только отбивали атаки войск, но и сами делали вылазки, нанося большой урон противнику.

Мохаммед-бек, пытаясь устроить бабидов и сочувствовавших им барфурушцев и крестьян окрестных деревень, с чрезвычайной жестокостью расправлялся с попавшими ему в руки бабидами. Например, один из них, захваченный войсками, был брошен живым в колодезь и зарыт⁴. Но эти расправы еще больше ожесточали бабидов, и борьба продолжалась.

Наконец в Барфуруш прибыл сам Аббас-Кули-хан Лариджани. Убедившись, что силой покончить с бабидами будет очень трудно, он решил договориться с ними миром и предложил мулле Хосейну выйти из караван-сарая и оставить Барфуруш. Бабиды согласились на это при условии, что им будет обеспечен безопасный выход из города. Аббас-Кули-хан согласился и назначил для сопровождения бабидов отряд стрелков. Бабиды вышли из Барфуруша. Отряд стрелков сопровождал их до Алиабада, небольшого городка к юго-востоку от Барфуруша.

Самые непримиримые противники бабидов в Барфуруше — Саид-оль-улема, местные феодалы и богачи — были недовольны таким исходом дела. Бабиды не были уничтожены. Они ушли из Барфуруша непобежденными, и не было никакой гарантии, что они не вернутся и не возобновят свои проповеди о необходимости раздела имущества всех не принявших их учения, об отмене всех налогов и повинностей и т. д. Губернатор Мазендерана Халияр-мирза и наиболее видные мазендеранские ханы были в Тегеране на коронации нового шаха Насер-эд-Дина. Самым влиятельным лицом в городе оказался Саид-оль-улема. По его указанию был создан конный отряд для преследования и разгрома бабидов. Во главе его был поставлен некий Хосров-бек из Каде-Кале, ко-

торый до этого занимался грабежом окрестных жителей⁵. Этот наемный сброд следовал по пятам за бабидами до Алиабада, не смея напасть на них. Из Алиабада дорога, по которой двигались бабиды, пролегла через лес. К югу от нее находилась обнесенная оградой гробница шейха Табарси. По преданиям, здесь был похоронен шейх, считавшийся среди народа святым. Недалеко от гробницы шейха Табарси бабиды устроили привал. Здесь-то Хосров-бек и решил напасть на них. Сначала он явился к мулле Хосейну и стал вымогать у него взятку, обещая взамен оставить бабидов в покое. Мулла Хосейн дал ему 100 туманов. Тогда Хосров-бек потребовал, чтобы мулла Хосейн отдал ему свою лошадь и саблю. Мулла Хосейн отказался сделать это. В ответ на это Хосров-бек обрушился с ругательствами на новую религию и на Баба. Мулла Хосейн и его сторонники пустили в ход оружие. Хосров-бек и несколько человек из его отряда были убиты. Отряд, оставшийся без руководителя, был вынужден отступить. Но, получив подкрепление, он возвратился и внезапно напал на бабидов. Это нападение застало бабидов врасплох, лесная дорога была очень узка, и они, не будучи в состоянии развернуть свои силы для отпора врагу, отступили к гробнице Шейх-Табарси. Здесь, укрывшись за оградой, они отбили атаки противника⁶.

Гробница Шейх-Табарси была расположена приблизительно в 25 км от Барфуруша. Местность здесь была низменная, поросшая густыми труднопроходимыми лесами. Автор настоящей работы побывал в Шейх-Табарси летом 1945 г., когда стоял сухой сезон. Но и тогда дорога в Шейх-Табарси была плохая. Бабиды же заняли Шейх-Табарси в октябре, когда шли непрерывные дожди. Болота и ручьи были переполнены водой, и дорога стала почти непроходимой. Э. Броун, посетивший Шейх-Табарси тоже осенью, в сентябре 1888 г., пишет, что более худшего пути он не встречал никогда⁷. Учитывая, что Шейх-Табарси расположена в труднодоступном месте, бабиды рассчитывали, что здесь они будут недоступны для своих противников. Поэтому они и решили обосноваться в этом месте на продолжительное время и отсюда развернуть пропаганду своего учения в окрестных деревнях.

Слух о занятии бабидами Шейх-Табарси быстро рас-

пространился по соседним районам и областям. Из различных районов Мазендерана и других провинций Ирана стали прибывать желающие присоединиться к ним. Вскоре в сопровождении группы своих последователей прибыл руководитель Бедашских собраний бабидов хаджи Мохаммед-Али Барфуруши. С его прибытием деятельность бабидов еще более активизировалась. Их пропаганда в окрестных деревнях сочувственно встречалась крестьянами. Многие близлежащие деревни целиком перешли на сторону бабидов. Крестьяне доставляли бабидам лошадей, коров, овец, продовольствие и фураж. В феврале 1849 г., после пятимесячной осады Шейх-Табарси шахскими войсками, у бабидов оставалось еще более 200 лошадей, около 50 дойных коров, 400 овец, большое количество неочищенного риса и другие запасы. В начале осады запасы бабидов были значительно большими⁸.

Мазендеранские крестьяне не только доставляли продовольствие, но и сами покидали свои деревни и присоединялись к бабидам. Жители соседних с Шейх-Табарси деревень Васекис и Шах-Мирза собирались целиком перебраться к бабидам, и только прибытие в эти деревни шахских войск помешало им осуществить это⁹. В короткий срок число бабидов превысило 2 тыс. человек¹⁰. В большинстве это были крестьяне и различные ремесленники: каменщики, оружейники, портные и т. д.

Верховным вождем и руководителем бабидов являлся хаджи Мохаммед-Али Барфуруши — Куддус, приказы которого беспрекословно выполнялись его последователями. Обязанности командующего войсками были возложены на муллу Хосейна Бошруе, отчаянную храбрость и отвагу которого признавали даже иранские придворные историки Сепехр и Реза Кули-хан, относившиеся враждебно к бабидам и возводившие на них и их руководителей различную клевету.

Под руководством каменщика Мохаммед-Багира Хорасани из земли и кирпича была построена большая восьмиугольная крепость с толстыми стенами десятиметровой высоты. На вершине стен и башен были уложены толстые бревна. На каждом углу крепости возвышались кирпичные башни. В стенах и башнях были проделаны бойницы для стрельбы из ружей. Вокруг стен был выкопан глубокий ров, заполненный водой. Кроме того,

крепость была окружена земляным валом. Между крепостными стенами и этим валом были вырыты глубокие ямы-колодцы, на дне которых были установлены остриями вверх колья и заостренные деревянные колья. Сверху ямы были замаскированы хворостом, засыпанным землей. Это было сделано для того, чтобы в случае атаки крепости солдаты падали бы в ямы на острия штыков и кольев. Внутри крепости были выстроены для жилья деревянные дома, крытые тростником¹¹. Были также построены амбары для хранения запасов продовольствия.

О деятельности бабидов в первые месяцы их пребывания в крепости Шейх-Табарси русский посланник в Тегеране Д. Долгорукий в донесении министру иностранных дел графу Нессельроде от 24 января 1849 г. писал, что они «насаждают коммунизм вооруженной силой»¹². Впоследствии представители царской России в Иране — посланник в Тегеране Д. Долгорукий и консул в Тебризе Аничков в своих донесениях неоднократно возвращались к мысли о том, что бабиды пытаются установить коммунизм в Иране. В действительности реальной почвы и общественно-экономических условий для этого в Иране в тот период не было. Слишком отсталой страной был Иран, и речь могла идти только об утопических, по существу, средневековых мечтах угнетенных слоев населения о равенстве и об уничтожении эксплуатации. Бабиды, как об этом свидетельствуют источники, во время своих восстаний в Мазендеране, а также в Зенджане действительно пытались приступить к осуществлению своей мечты об основании нового, счастливого государства, где воцарится всеобщее равенство и справедливость.

Основываясь на сведениях, сообщаемых мирзой Джанни и другими очевидцами и современниками, мы можем установить следующую картину той общественной организации, которую пытались создать восставшие в Мазендеране бабиды.

В крепости Шейх-Табарси они пытались осуществить свои утопические идеи об отмене частной собственности, об общности имущества и об установлении равенства людей. Еще до прибытия в Шейх-Табарси хаджи Мохаммеда Али Барфуруши мулла Хосейн Бошруе заявил своим последователям: «Теперь все имущество является

только собственностью Аллаха, и вы сообща им пользуйтесь, получая одинаковую долю, и с различием между собой покончите»¹³.

В соответствии с этим заявлением все имущество и материальные блага были объявлены всеобщим достоянием. Имущество, продовольствие и другие запасы сложили в общие амбары и распределяли между людьми в зависимости от потребностей. Для заведования отдельными отраслями хозяйства из среды бабидов были назначены специальные люди: интендант — хозяйственник, выдававший бабидам по мере надобности продовольствие, одежду и другие предметы, повар и др. Питались бабиды из общего котла. Мирза Джани пишет об этом: «Выделили повара для варки пищи, на каждого двух человек дали по миске, усаживались в круг по-братски, в крайней степени радости и веселья, наслаждались жизнью, не зная нужды и горя»¹⁴.

Все бабиды были заняты какой-либо работой. Портные шили одежду, оружейники делали оружие — ружья, мечи, дроты, топоры, копья. Каменщики и большая часть крестьян и всех бабидов вообще была занята строительством крепости¹⁵. По Мазендерану и другим областям Ирана распространялись слухи о том, что в Шейх-Табарси бабиды претворяют в жизнь свои проповеди об основании счастливого царства, где нет господ и угнетения, где все работают и делят поровну между собой все имущество и достояние и поэтому не знают ни горя, ни нужды. Бабидские руководители направляли в различные места страны своим единомышленникам письма с призывами прибыть в Мазендеран и принять участие в создании священного царства, о котором проповедовал их учитель Баб¹⁶. В результате этого приток прозелитов в бабидскую крепость увеличивался. Бабиды были так распропагандированы своими руководителями, что готовы были фанатично идти на смерть в борьбе с врагом.

Все это происходило в то время, когда новый шах, молодой Насер-эд-Дин направлялся со своей свитой из Тебриза в Тегеран. 20 октября 1848 г. он прибыл в Тегеран и короновался. Садр азам умершего Мохаммед-шаха хаджи Агаси сразу же после смерти старого шаха бросил все дела и сел в бест. Целый месяц в Иране фактически не существовало центрального правительства.

В делах царил полный застой и беспорядок. После вступления на престол Насер-эд-Дин-шах назначил главнокомандующим иранской армией и своим первым министром мирзу Таги-хана Фарахани, который был решительно не согласен с политикой, проводившейся его предшественником. В связи с назначением мирзы Таги-хана главнокомандующими иранскими вооруженными силами он получил титул «Амир-е незам». До назначения первым везиром мирза Таги-хан был везиром при наследнике престола Насер-эд-Дин-мирзе в Тебризе и после смерти Мохаммед-шаха вместе с Насер-эд-Дином прибыл в Тегеран.

Мирза Таги-хан не был выходцем из рядов феодальной аристократии Ирана. Его отец был сначала поваром, а затем управляющим в доме Каем-Макама — министра Мохаммед-шаха. Мирза Таги в качестве секретаря ездил после убийства А. С. Грибоедова в составе миссии Хосров-мирзы в Петербург для принесения извинений. Только в 1843 г. шах пожаловал ему титул хана. Затем он находился в Турции в качестве иранского представителя на Эрзерумской конференции. В Турции мирза Таги-хан познакомился с танзиматом — реформами, проводившимися в то время турецким правительством. Он пришел к выводу, что для того, чтобы вывести Иран из того бедственного положения, в котором он находился, в стране необходимо также провести реформы.

Крестьянские и городские антифеодальные восстания, вспыхнувшие в середине XIX в. по всему Ирану, и особенно бабидские восстания, представляли весьма серьезную опасность для господства феодалов и шаха, и мирза Таги-хан считал, что их подавление является одной из первоочередных задач. Для этого нужны были более организованные, дееспособные вооруженные силы, чем те, которые имелись в то время в Иране. Поэтому он в первую очередь взялся за реорганизацию иранской армии. Он вел борьбу с недисциплинированностью в воинских частях, с профессиональным невежеством офицеров, с присвоением денег, предназначенных для уплаты солдатам.

Одновременно, с целью несколько уменьшить волнения, все больше усиливавшиеся среди крестьян, он пытался ограничить эксплуатацию крестьян феодалами.

Им был разработан проект, устанавливающий определенные размеры повинностей, которые крестьяне должны были выполнять в пользу феодалов. Эти мероприятия мирза Таги-хан предполагал провести отнюдь не с целью ликвидации феодальной эксплуатации крестьян. Он хотел лишь устранить те чрезмерные притеснения крестьян, которые чаще всего служили толчком к крестьянским восстаниям, угрожавшим существованию всего феодального строя. Эта мера, а также все другие проекты реформ Таги-хана были направлены на укрепление власти центрального правительства, что было необходимо для подавления крестьянских восстаний, а также для отпора усиливавшемуся вмешательству иностранных держав во внутренние дела Ирана. Мирза Таги-хан был решительным противником усиления влияния Англии и царской России в Иране. Он пытался не допустить закабаления Ирана иностранными державами и вернуть ему фактическую самостоятельность во внешних и внутренних делах. Своё отношение к политике иностранных держав он, как сообщал русский посланник в Тегеране Долгорукий в донесении Нессельроде 10 октября 1849 г., выражал таким образом: «Мы не хотим ни того, чтобы Хорасан стал вторым Египтом, ни того, чтобы им дана была возможность вмешиваться в какой-либо мере во внутренние дела Персии»¹⁷. Получив власть в свои руки (а первое время молодой Насер-эд-Дин-шах полностью доверял ему и в знак своего доверия выдал за него свою родную сестру), он начал смещать с государственных постов в шахском правительстве и с постов губернаторов провинций тех иранских сановников, которые были послушными орудиями в руках иностранных дипломатов.

Для подавления антифеодальных восстаний, а также выступлений непокорных феодалов вроде Салара в Хорасане и других, а также для проведения намеченных реформ нужны были деньги, а финансы Ирана оказались в полном расстройстве. Стремясь улучшить финансовое положение, мирза Таги-хан повел решительную борьбу с широко распространенным казнокрадством и взяточничеством. По его приказу было произведено сокращение большого числа чиновников, которые при Мохаммед-шахе, по существу, не выполняли никакой работы. Жалованье оставленным на службе чиновникам

было сокращено вдвое. Большинство многочисленных принцев — сыновей Фатх-Али-шаха и его внуков было лишено доходов, которые они получали непосредственно с провинций и областей, взамен чего им были обещаны пенсии из шахской казны¹⁸.

Мирза Таги-хан начал проводить и другие прогрессивные в тех условиях мероприятия: поощрял развитие внешней и внутренней торговли, пытался создать национальную промышленность, вел борьбу с самоуправством губернаторов и грабежами на торговых дорогах, стремился распространить просвещение, основал высшую школу в Тегеране — Дар оль-фонун, предпринял издание газеты на персидском языке и т. д.

В случае осуществления эта политика могла бы укрепить Иран и способствовала бы его прогрессивному развитию. Впоследствии национальные круги Ирана высоко оценили ее и мирза Таги-хан и его политика стали пользоваться у них большой популярностью. В связи с этим в иранской литературе его называли «великий амир» («Амир-е Кабир»).

Мирза Таги-хан пытался также ограничить влияние высшего духовенства на государственные дела Ирана. Когда глава тебризского духовенства — тебризский шейх оль-ислам — стал вести агитацию против реформ и организовал враждебную мирзе Таги-хану демонстрацию горожан, то последний приказал арестовать его и выслать из города. Мирза Таги-хан лишил также одного из высших духовных лиц Тегерана — имама джоме привилегии предоставлять право беста в его мечети лицам, которые преследовались правительством¹⁹.

Такая политика восстановила против мирзы Таги-хана высшее духовенство и те группы феодальной аристократии, в руках которых находилась власть при Мохаммед-шахе и которые не желали расставаться со своими привилегиями и старыми методами управления. Одна из групп недовольных возглавлялась матерью Насер-эд-Дин-шаха и тегеранским имамом джоме. Их подстрекали и поддерживали англичане, которые старались сорвать реформы мирзы Таги-хана, ибо они могли помешать закабалению Ирана Англией.

В конце концов врагам мирзы Таги-хана удалось восстановить против него молодого Насер-эд-Дин-шаха, внушив ему подозрение, что он хочет свергнуть шаха и

захватить шахский престол и что он проводит реформы только для того, чтобы завоевать популярность среди населения, и особенно в армии. В ноябре 1851 г. мирза Таги-хан был смещен с поста первого везира и главнокомандующего и сослан в Кашан, где в январе 1852 г. по приказу шаха его умутировали.

Деятельность этого выдающегося государственного деятеля Ирана середины XIX в. отражала интересы передовых слоев господствующего класса, которые понимали необходимость изменений в арханческих средневековых порядках, существовавших в Иране. Но эти слои были еще очень слабыми, и поэтому реформы мирзы Таги-хана потерпели провал, а сам он погиб²⁰. Вместо него на пост садр азама был назначен англофил Ага-хан Нури, который отменил или приостановил большинство начинаний мирзы Таги-хана.

Мирза Таги-хан был решительным противником антифеодальных народных восстаний середины XIX в. Поэтому, получив власть в свои руки сразу же после прибытия в Тегеран из Тебриза, он направил в Мазендеран приказ местным ханам — в кратчайший срок покончить с восстанием бабидов собственными силами. Восстание бабидов при Шейх-Табарси было первым крупным массовым антифеодальным восстанием середины XIX в. Правящие круги Ирана еще не представляли, с каким упорством и силой будут сопротивляться восставшие. Они считали, что имеют дело с обычным антиправительственным выступлением, каких в середине XIX в. было немало. Поэтому мирза Таги-хан рассчитывал, что сил местных ханов будет достаточно для подавления восстания при Шейх-Табарси. Но он просчитался.

Руководство подавлением восстания в Мазендеране было возложено на полковника Мустафу-хана, который командовал мазендеранским ополчением. Раньше других в г. Сари (административный центр Мазендерана) прибыл отряд стрелков из Хазаз-Джериба под командованием брата Мустафы-хана — Ага-Абдоллы. В Сари к ним присоединился отряд курдских всадников во главе с мазендеранским везиром Ага-Афгани. Подойдя к Шейх-Табарси, они остановились в деревне Арфа. Ага-Абдолла и Ага-Афгани считали, что бабиды не являются опасными противниками и справиться с ними будет очень легко. Поэтому мазендеранские ханы не приняли

никаких мер предосторожности, кроме посылки нескольких десятков человек к крепости Шейх-Табарси для того, чтобы они вырыли там окопы. Оставшись на ночевку в деревне Арфа, Ага-Абдолла не выставил даже необходимых караулов.

Местное население немедленно известило бабидов о прибытии мазендеранских войск. Ночью мулла Хосейн с небольшим отрядом бабидов внезапно напал на хазарджеридцев, спавших в деревне. Около 130 солдат было убито на месте, остальные в панике бежали. Убит был и сам Ага-Абдолла²¹.

Эта стычка нагнала такой страх на мазендеранских солдат и офицеров, что прибывший для подавления восстания в г. Сари во главе отряда майор Мохаммед Султан Лариджани не решился отправиться к Шейх-Табарси и остался в городе.

Когда весть о разгроме мазендеранских отрядов восставшими дошла до столицы, мирза Таги-хан собрал совещание с присутствовавшими в то время в Тегеране влиятельными мазендеранскими ханами. На совещании было решено направить для подавления восстания регулярные войска. Губернатор Мазендерана был смещен со своего поста. Новым губернатором был назначен дядя молодого шаха Махди-Кули-мирза. Ему было приказано лично заняться подавлением восстания. В помощь ему придали Аббас Кули-хана Лариджани, командовавшего лариджанскими отрядами.

В конце ноября 1848 г. Махди-Кули-мирза во главе двухтысячного отряда регулярных войск выступил из Тегерана в Мазендеран. Одновременно всем мазендеранским ханам был послан приказ собрать вооруженное ополчение и отправиться с ними в Шейх-Табарси²². По дороге к Махди-Кули присоединились конные отряды туркмен и курдов. Не доходя несколько километров до крепости Шейх-Табарси, это воинство остановилось в деревне Васехис.

Атаковать восставших с имевшимися у него войсками Махди-Кули-мирза не решился. Он написал руководителям восставших письмо, в котором спрашивал их, чего они добиваются, и предлагал им сложить оружие и уйти по-хорошему из Мазендерана. Хаджи Мохаммед Али ответил на это, что бабиды решили создать новое, священное царство, согласно учению вновь появив-

шегося пророка. В письме бабидский руководитель обрушивался на шаха, его министров и высшее духовенство. Он называл Насер-эд-Дин-шаха «пустым, ложным шахом», обвинял духовенство в том, что оно намеренно скрывает от народа истину, подразумевая под ней бабидские идеи, и предлагал собрать улемов для диспута с бабидами. Этот диспут, писал он, покажет, кто прав и кто заблуждается. Стремясь выиграть время до прибытия новых подкреплений, Махди-Кули-мирза сообщил руководителям бабидов, что он согласен с их предложением и примет меры к созыву улемов и организации диспута бабидов с ними²³.

Между тем к крепости Шейх-Табарси продолжали прибывать последователи нового пророка. Некоторым из них удалось пробраться в крепость, например сейиду Ахмеду Семнани, Реза-хану и др. Несколько их спутников были схвачены шахскими войсками. Их посадили под стражу в лагере Махди-Кули-мирзы. Среди бабидов, пытавшихся присоединиться к восставшим, был, в частности, автор «Истории бабизма» мирза Джани Кашани, а также Бехаолла и Собхе-Азаль. Они были задержаны шахскими солдатами в 10 км от крепости и приведены в лагерь шахских войск, откуда их отправили в г. Амоль. Там их продержали под арестом несколько месяцев, но затем они откупились и были выпущены на свободу²⁴.

Когда хаджи Мохаммед-Али Барфуруши и мулла Хосейн Бошруйе узнали, что многие их соратники схвачены и находятся в заключении в лагере шахских войск, они решили произвести ночную вылазку и освободить их. Это было в январе 1849 г. Погода была холодная и сырая, шел снег. Лагерь Махди-Кули-мирзы находился в деревне Васекис, недалеко от городка Алиабада. Солдаты были размещены по крестьянским хижинам, а офицеры — в домах алиабадского хана мирзы Саида.

Для проведения ночной вылазки руководители восставших выделили 300 самых смелых воинов, среди которых было около 120 мазендеранцев во главе с Ага-Расулом Бахмизи. Вожди бабидов хаджи Мохаммед-Али Барфуруши и мулла Хосейн лично участвовали в этой операции и руководили ею²⁵. Махди-Кули-мирза ожидал прибытия Аббас Кули-хана Лариджани с отрядом мазендеранцев. Зная это, бабидаы выслали вперед группу

мазендеранцев, которые подошли к деревне и, выдавая себя за передовой отряд лариджанцев, сняли караулы шахских войск, охранявшие лагерь. Затем, ворвавшись в деревню, они сначала освободили своих соратников и сожгли дома алиабадских ханов. Потом они бросились к дому, где находился Махди-Кули-мирза, намереваясь захватить его в плен или убить. Около 25 человек из свиты принца были убиты²⁶. «Сам мазендеранский губернатор, — пишет мирза Джани, — застрелил своего слугу (который, очевидно, встал на сторону нападавших и хотел помочь им захватить своего господина. — М. И.), спрыгнул с крыши дома и, как шакал, бросился в лес и скрылся»²⁷. Два других принца, бывшие в лагере шахских войск, — Султан-Хосейн-мирза, сын Фатх-Али-шаха, и Давуд-мирза, сын Зилли-Солтана, — защищаясь от бабидов, заперлись в мезонине дома. Тогда бабидаы подожгли дом, и оба принца сгорели живыми. Солдаты в панике разбежались по лесу. Весь обоз и вооружение лагеря шахских войск попали в руки бабидов.

Когда наступил рассвет, бабидаы все еще собирали в деревне свои трофеи. Часть солдат — ашрафские и суратские стрелки, преодолев страх, начали обстреливать бабидов. Их атаковал с группой своих последователей хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, который был тяжело ранен. Пуля попала ему в рот и раздробила челюсть. Мохаммед-Али проболел около трех месяцев. Он был не в состоянии есть что-либо твердое и питался только бульоном и чаем²⁸. После ранения своего вождя бабидаы вернулись в крепость, захватив много оружия и припасов. Во время этой ночной вылазки они потеряли всего несколько человек убитыми и ранеными. Страх, наведенный ими на шахские войска, был так велик, что, когда на обратном пути в крепость им повстречалась группа собравшихся после ночного боя солдат численностью около 600 человек, последние в панике разбежались перед вдвое меньшим числом бабидов. Махди-Кули-мирза всю ночь прятался в лесу. Утром ему повстречался какой-то крестьянин, который довез его до деревеньки Кад-е Кале. В этой деревне Махди-Кули-мирза от страха, что бабидаы могут его найти и здесь, забрался в коровий хлев и просидел там целый день. На следующий день он уехал в Сари, где снова занялся набором войск²⁹.

Весть о разгроме бабидами войск Махди-Кули-миры вызвала панический страх среди ханов и высшего духовенства Барфуруша и других городов и районов Мазендерана. В ужасе они спешно покидали города и свои усадьбы и бежали в горы. Многие из бежавших отсиживались в горах всю зиму 1849 г.

В других частях Ирана положение также было критическим для шахского правительства. 24 января 1849 г. русский посланник в Тегеране Долгорукий сообщал Нессельроде о внутреннем положении Ирана: «Куда ни взглянешь, всюду бросаются в глаза революционные устремления»³⁰. Главный город Хорасана — Мешхед был захвачен восставшим против власти шаха сыном Асеф од-Доуле — Салар-ханом. Попытки шахских войск овладеть Мешхедом и захватить Салара окончились неудачей. В Пезде против губернатора, отличавшегося жестокостью, поднялось почти все население города. Губернатор был вынужден запереться в городской крепости. Исфахан также был охвачен восстанием против шахских властей. Здесь против брата матери шаха, назначенного правителем Исфахана мирзой Таги-ханом, восстали «нижние классы общества», как писал Долгорукий, во главе с неким Абдул-Хосейном³¹. В Ширазе, Кермане и некоторых других городах после смерти Мохаммед-шаха также происходили выступления против представителей центрального правительства. Некоторые из этих выступлений были быстро подавлены шахскими войсками. Но в таких городах, как Тебриз, Мешхед, Исфахан, Пезд, антишахские выступления продолжались и в 1849 г.

Число последователей Баба и его учеников росло день ото дня. В феврале 1849 г. мирза Таги-хан говорил русскому посланнику в Тегеране, что, по его мнению, число последователей Баба по всему Ирану к тому времени дошло до 100 тыс. человек, что «они уже появились в южных провинциях, что они имеются в большом количестве в самом Тегеране и что, наконец, их присутствие в (Иранском. — М. И.) Азербайджане также начинает сильно его беспокоить»³². В таких городах, как Зенджан, они открыто готовились к восстанию.

В этих условиях известия о поражении, нанесенном восставшими в Мазендеране войскам Махди-Кули-миры, всполюшили шахский двор. Аббас Кули-хану Ла-

риджани, который медлил с выступлением для подавления восстания при Шейх-Табарси, был направлен вторичный строжайший приказ немедленно выступить против восставших бабидов. Помимо того, правительство предписало Мохаммед-Керим-хану Ашрафи, Мохсен-хану Хазар-Джероби, Халиль-хану Савадкухи и другим мазендеранским ханам присоединиться к Аббас Кули-хану.

Раньше всех к Шейх-Табарси прибыл Аббас Кули-хан. Вслед за ним начали прибывать и другие мазендеранские ханы со своими войсками³³. Они стали лагерем к западу от крепости Шейх-Табарси и приступили к строительству укреплений. Всего в шахском лагере находилось около 7 тыс. солдат. Несколько раз они ночью пытались атаковать крепость, но каждый раз неудачно — бабиды отбивали эти атаки.

В начале февраля 1849 г. бабидские руководители решили произвести новую ночную вылазку. О размещении шахских войск, расположении их караулов и наиболее уязвимых пунктах лагеря они были хорошо осведомлены жителями окрестных деревень, с которыми они продолжали поддерживать связь. Для вылазки был выделен отряд из 400 смелых и опытных в бою бабидов. В ночь на 3 февраля 1849 г. отряд во главе с муллою Хосейном Бошруйе вышел из крепости за три часа до рассвета. Впереди верхом на лошадях ехали мулла Хосейн и другие бабидские руководители. Чтобы не производить шума и подойти к лагерю шахских войск незаметно, копыта лошадей были обвязаны тряпками, а пешие бабиды, несмотря на холод, шли босиком. Бабиды захватили с собой кожаные мешки с нефтью, для того чтобы зажечь, если будет нужно, факелы или поджечь лагерь шахских войск. Только у немногих были ружья, остальные были вооружены самодельными мечами, саблями, копьями, кинжалами.

В атаку бабиды обычно ходили сомкнутым строем. Сначала они давали залп или два, а затем, подойдя ближе к противнику, бросались на него с мечами, копьями и другим холодным оружием. Мирза Джани пишет, что, когда кто-либо из первых рядов бабидов падал мертвым или тяжело раненным, из задних рядов немедленно выходил другой бабид и занимал место выбывшего из строя. По словам Джани, все бабиды сража-

лись с отчаянной храбростью и самоотверженностью, ни- сколько не боялись смерти и каждый готов был отдать свою жизнь, чтобы спасти товарища³⁴. Дрались они, почти никогда не отступая, и солдаты, которых против их желания заставляли сражаться с бабидами, обычно, едва заслышав страшный для них клич бабидов «О, Сахиб аз-земан!», бросали оружие и обращались в бегство.

Во время вылазки в ночь на 3 февраля бабидам удалось проникнуть незамеченными в лагерь шахских войск. Сначала они обрушились на спящих савадкучцев, многих перебили, остальные обратились в паническое бегство. Преследуя бегущих савадкучцев, бабиды напали на отряды из Кад-е Кале, которые также бежали, побросав оружие. Затем бабиды бросились на ашрафцев и суратцев и, преследуя их, вступили в расположение лариджанцев. Были заняты все укрепления, возведенные противником. Хижин и шалашей, сооруженные шахскими войсками, были сожжены. Солдаты в панике стреляли друг в друга. В этом бою противники бабидов потеряли около 400 человек убитыми, среди которых было 35 офицеров, и около тысячи человек ранеными³⁵. Майор Мохаммед-Султан, пытавшийся удержать солдат, был убит. Командующий войсками лариджанский сардар Аббас Кули-хан, Керим-хан Ашрафи, Ага-Мохаммед-хан Лариджани и другие военачальники бежали и скрылись в лесу. Бой длился до рассвета.

Муллы Хосейн, одетый в белую одежду и зеленую чалму, сражался впереди своего отряда. Когда стало рассветать, спрятавшиеся в лесу ханы узнали его и стали стрелять по нему. Несколько пуль попали в грудь и живот муллы Хосейна, он был смертельно ранен³⁶. Увидев это, бабиды отступили в крепость, захватив своего раненого вождя. В крепости мулла Хосейн сразу же умер. Он был похоронен в одной из стен крепости. Кроме него во время ночной вылазки бабиды потеряли 70 человек убитыми. 30 тяжело раненных бабидов умерли через несколько дней.

После смерти муллы Хосейна Бошруйе хаджи Мохаммед-Али Барфуруши назначил командующим защитниками крепости молодого брата убитого — Хасана. Ему была передана чалма и сабля муллы Хосейна, и Хасан стал руководить боевыми действиями осажденных³⁷.

После ухода бабидов в крепость Керим-хан Ашрафи поднялся на разрушенное бабидами укрепление и стал созывать разбежавшихся по лесу солдат. Даже придворный каджарский историк Реза-Кули-хан сообщает, что на его призыв пришли только около 50 лариджанцев и несколько солдат из других районов. Остальные же воспользовались удобным случаем и разбежались по домам³⁸.

Приказав похоронить убитых солдат, Аббас Кули-хан Лариджани и другие незадачливые начальники шахского воинства захватили трупы убитых офицеров и с остатками своих отрядов отправились в Амоль. Головы убитых бабидов по приказу Аббас Кули-хана были посланы вперед с Абдолла-ханом Афгани губернатору Мазендерана в доказательство успехов, будто бы достигнутых в борьбе с бабидами. Но попытка Аббас Кули-хана скрыть таким путем поражение, понесенное от восставших, оказалась безрезультатной. Разбежавшиеся солдаты повсюду разнесли весть о разгроме шахского воинства. К тому же посланный с головами бабидов Абдолла-хан Афгани встретил у моста через р. Карасу Махди-Кули-мирзу, двигавшегося с войсками к Шейх-Табарси, и рассказал ему, что произошло на самом деле в ночь на 3 февраля³⁹. Губернатор Мазендерана собрал военный совет и вернул посланный вперед обоз. Участники совета, напуганные разгромом шахских войск, решили отказаться от дальнейшего движения к Шейх-Табарси. Махди-Кули-мирза остановился в одной из деревень и разослал гонцов по всем районам Мазендерана с требованием присылки нового ополчения.

Махди-Кули-мирза и Аббас Кули-хан Лариджани уже не надеялись справиться с восставшими силами только Мазендерана. Они сообщили свое мнение центральному правительству и просили прислать регулярные войска и артиллерию.

В Мазендеране создавалась критическая обстановка. Местные власти и духовенство были в растерянности. Они опасались, что в области может быть установлена власть бабидов.

В Тегеране под председательством мирзы Таги-хана состоялось новое совещание высших сановников, на котором обсуждались меры, необходимые для подавления восстания бабидов в Шейх-Табарси. Один из участников

совещания, как сообщал русский посланник в Тегеране Долгорукий, — мирза Мохаммед-хан Кулбади высказался против отправки новых войск, считая, что «посылка шахских войск в Мазендеран будет иметь результатом восстание всей провинции в целом, ввиду того что жители ее в этом случае будут действовать заодно с бабидами»⁴⁰. Но мирза Таги-хан все же решил направить в Мазендеран новые войска и артиллерию.

Весть о разгроме бабидами войск Аббас Кули-хана Лариджани снова породила панику среди ханов и улемов Барфуруша, Амоля и других, близлежащих к Шейх-Табарси городов. Глава барфурушского духовенства Саид-оль-улема нанял себе телохранителей, которые не отходили от него ни днем ни ночью. Он написал в Амоль Аббас Кули-хану письмо, требуя, чтобы последний собрал новые отряды и пошел с ними на Шейх-Табарси. За первым письмом было направлено второе такого же содержания. Но Аббас Кули-хан не торопился с выступлением. Тогда Саид-оль-улема обратился к амольским улемам с просьбой воздействовать на лариджанского сардара. Улемы Амоля усилили свой нажим на Аббас Кули-хана, настаивая на его немедленном выступлении против бабидов. В ответ на это Аббас Кули-хан заявил, что если они хотят быстрее покончить с бабидами, то пусть объявят джихад — священную войну и сами выступают против бабидов.

Духовенство провозгласило священную войну. Был собран разный сброд, туллабы (учащиеся духовных училищ), муллы и т. п., и через четыре дня вместе с отрядами Аббас Кули-хана это воинство под звуки труб и барабанов двинулось к Шейх-Табарси⁴¹.

Оно прибыло к бабидской крепости вслед за войсками Махди-Кули-мирзы. Здесь они увидели страшную картину. Вокруг крепости, вдоль всех ее стен стояли кольца с насаженными на них человеческими головами. Это были головы солдат Аббас Кули-хана, убитых бабидами во время ночного боя 3 февраля. На второй день после этого боя хаджи Мохаммед-Али Барфуруши приказал вырыть тела убитых солдат, трубить им головы и расставить их на кольях вокруг крепости для устрашения новых войск, которые, как он был уверен, вскоре должны были прибыть к крепости.

Хаджи Мохаммед-Али не ошибся в своих расчетах.

Несколько сот мертвых голов нагнали страх на прибывшие отряды шахских войск Махди-Кули-мирзы и на воинство из Амоля. К тому же, когда войска и ополченцы приблизились к крепости, бабиды открыли по ним огонь из ружей и пушки, захваченной ими в январе при разгроме войск Махди-Кули-мирзы в деревне Васекис. Затем раскрылись ворота крепости, и отряд бабидов бросился на прибывшие войска⁴². Это было поздно вечером, уже темнело, и солдаты, не поняв, что число бабидов было во много раз меньше прибывших войск, в страхе бежали. Такой панический ужас внушали войскам отряды сектантов. Эту ночь войска провели в деревне за несколько километров от крепости. На следующий день они снова подошли к крепости, окружили ее со всех сторон и начали возводить укрепления⁴³.

Махди-Кули-мирза и Аббас Кули-хан решили начать осаду крепости по всем известным им правилам военного искусства. Связь осажденных бабидов с окрестными деревнями была полностью прервана. Многие крестьяне из этих деревень, подозреваемые в сношениях с бабидами, были схвачены и подвергнуты арестам и пыткам⁴⁴. Днем и ночью войска следили за тем, чтобы из крепости не вышел ни один человек. Для этого были выделены два специальных отряда войск: один — под командой Абдоллы-хана Наван, другой — во главе с Хади-ханом Нури. Остальные воинские части были распределены по определенным участкам вокруг крепости. Им было приказано возводить укрепления. С южной стороны расположились отряды Аббас Кули-хана Лариджани. Под западными стенами находились ашрафские стрелки во главе с Насролла-ханом; под восточными — отряды Мустафа-хана Хазар-Джериби. Савадкухский полк под командованием полковника Али-хана занял позиции с северной стороны крепости⁴⁵.

Войска начали рыть окопы и возводить укрепления. Вокруг крепости были насыпаны высокие земляные валы с башнями, с вершины которых можно было обстреливать бабидские войска, находившиеся внутри крепости. Зажигательными ракетами правительственные войска поджигали деревянные постройки бабидов. Тогда последние увеличили высоту старых земляных валов и возвели новые с таким расчетом, чтобы защититься от обстрела врагов. К этому времени в лагерь Махди-

Кули-мирзы прибыли две пушки и две мортиры, присланные мирзой Таги-ханом из Тегерана. Они были установлены на вершинах укреплений, и артиллеристы начали обстреливать жилища восставших. Бабидам пришлось перебраться из своих хижин в землянки, вырытые с внутренней стороны крепостных стен.

Но, несмотря на это, попытки шахских войск взять приступом бабидскую крепость кончались неудачей. Махди-Кули-мирза пытался вызвать раскол среди осажденных. Он обратился к выходцам из рядов духовенства и ханов, которые были среди бабидов, с предложением оставить крепость, обещая им не только сохранение жизни, но даже вознаграждение⁴⁶. Этот призыв к предательству не подействовал. Вслед за тем по приказу Махди-Кули-мирзы был разыскан и привезен в лагерь шахских войск отец вожди восставших хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши. Его послали в крепость, чтобы он уговорил сына прекратить борьбу и смириться перед шахом. Но и эта попытка ни к чему не привела⁴⁷. Бабиды продолжали стойко держаться.

Прибывшие для священной войны с ними муллы боялись даже приблизиться к крепости и не спали по ночам. В конце концов, опасаясь, что муллы заразят своим страхом и войска, шахские военачальники отправили их обратно в Амоль и другие города, откуда они были⁴⁸.

В середине февраля к Шейх-Табарси прибыли новые подкрепления из Хазар-Джероба во главе с Джафар Кули-ханом Баларустаки и его племянником Тахмасп Кули-ханом. Махди-Кули-мирза направил их на помощь осаждавшим западную часть крепости. С помощью прибывших ашрафские стрелки под командованием Насролла-хана ускорили строительство укреплений. Через несколько дней перед западной стеной крепости было уже почти закончено новое укрепление, превышавшее по высоте все другие. Шахские офицеры подгоняли своих солдат поскорее закончить его, принуждая их работать и по ночам. В одну из ночей в конце февраля солдаты Джафар Кули-хана и Тахмасп Кули-хана окончили работы до рассвета и возвратились в лагерь. Рассерженный главнокомандующий шахскими войсками Махди-Кули-мирза приказал им немедленно вернуться обратно на работу и закончить укрепление. Хазар-джеробцы по-

виновались, но когда они добрались до строящегося укрепления, то вскоре крепко заснули.

Бабида, хорошо осведомленные о том, что происходило в лагере шахских войск, воспользовались удобным случаем. Около 200 защитников крепости, вооруженных ружьями, саблями, копьями и топорами, вышли из крепости и напали на спавших в укреплении хазар-джеробцев. Весь отряд был перебит, и почти законченное укрепление было разрушено. Джафар Кули-хан был тяжело ранен, а Тахмасп Кули-хан убит⁴⁹. Джафар Кули-хан остался жив лишь потому, что, получив ранение, выбросился в ров, куда падали убитые солдаты. Махди-Кули-мирза послал подкрепление хазар-джеробцам, но, когда оно прибыло, бабида уже вернулись в крепость. Джафар Кули-хан был вытаскен из рва и отправлен в г. Сари, но по дороге умер⁵⁰.

Между тем положение осажденных бабидов после смерти муллы Хосейна начало осложняться. Запасы продовольствия и фуража стали подходить к концу. Все коровы и овцы были съедены. Оставшиеся без корма лошади дохли от голода. Осаждавшие крепость шахские войска не допускали каких-либо сношений бабидов с окружающими деревнями. Бабида больше не могли получать продовольствие от крестьян. Они попробовали тайком пробраться через осаждавшие войска, но это им не удалось. Направленные для этой цели из крепости несколько бабидов во главе с муллой Сандом были схвачены и приведены к Махди-Кули-мирзе. С помощью пыток офицеры принца пытались получить от захваченных сведения о положении осажденных, но те не сказали ни слова. Муллу Санда и его соратников заковали в кандалы и отправили в г. Сари, где они были публично казнены на городской площади⁵¹.

Недостаток продовольствия у осажденных сказывался все сильнее. Они стали резать оставшихся в живых лошадей и есть их мясо. Голод вызвал среди бабидов колебания. В одну из ночей из крепости перебежал в лагерь шахских войск мирза Мохаммед-Хосейн Куми с двумя бабидами. Он происходил из богатой семьи и решил заявить шахским военачальникам об отказе от бабизма и о переходе на сторону противников восставших. Он рассчитывал, что обещания Махди-Кули-мирзы сохранить жизнь всем перебежчикам будут выполнены.

В лагере шахских войск он рассказал о смерти муллы Хосейна и о сложном положении, в котором находились осажденные⁵².

Несмотря на исключительно тяжелые условия, восставшие все же продолжали с упорством отбиваться от врага. Запасы пороха стали истощаться. По приказу хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши они стали гасить горящие фитили неприятельских бомб, падавших в крепость и не успевавших разорваться, и извлекали из них порох⁵³.

После получения в Тегеране известия о гибели Джафар Кули-хана и Тахмасп Кули-хана Хазар-Джериби, а также о других неудачах шахских войск мирза Тагн-хан и шахское правительство решили послать в Мазендеран одного из своих лучших военачальников — генерала Сулейман-хана Афшари. Шахское правительство уже начинало сомневаться в возможности покончить с восстанием в Мазендеране при помощи вооруженной силы, и Сулейман-хану было поручено, как писал Долгорукий 28 марта 1849 г., «расследовать и представить персидскому правительству подробный доклад об истинном положении вещей»⁵⁴. Сулейман-хану было приказано попытаться покончить с восстанием мирными средствами. Но попытки прибывшего к Шейх-Табарси Сулейман-хана договориться с бабидами и покончить с восстанием миром также окончились провалом.

Тогда по приказу Сулейман-хана войска стали рыть подкопы под крепостные стены и башни. Была взорвана одна башня. Но бабиды устроили засаду, и, когда войска пошли в атаку через эту полуразрушенную башню, они встретили их огнем и с большими для атакующих потерями отбили и эту атаку. Были убиты Абдолла-хан и много солдат. Ночью башня была почти полностью восстановлена. Войска снова подвели подкоп и взорвали крепостную стену, в которой образовалась большая брешь. Осажденные разместили в укрытиях около этой бреши метких стрелков, которые своим огнем выводили из строя всех приближавшихся к ней⁵⁵.

Но положение бабидов все больше ухудшалось. Лошади были убиты, а мясо их съедено. Голод среди осажденных дошел до такой крайности, что они стали выкапывать убитых в начале осады лошадей и употреблять их в пищу. Они съели почти все листья деревьев,

траву, кожу с седел и т. д.⁵⁶. Их одежда от пребывания в землянках под частыми дождями истлела и превратилась в лохмотья. Физические и моральные силы восставших были на исходе.

В середине апреля 1849 г. из осажденной крепости бежал в лагерь шахских войск Ага-Расул Бахмизи с 30 бабидами. Они были схвачены войсками, отосланы под стражей в Барфуруш, Сари и Амоль и там казнены. Сулейман-хан Афшари и Махди-Кули-мирза считали, что бабиды обессилены и справиться с ними будет теперь легко. Они решили предпринять атаку на крепость одновременно со всех сторон. Был созван военный совет для обсуждения мер, которые обеспечили бы успех дела. Для поднятия духа солдат решили прибегнуть к следующей мере. Войскам было объявлено, что тот, кто первым поднимется со знаменем на крепостную стену и утвердит его там, получит награду в 500 туманов⁵⁷. Второй, поднявшийся со знаменем на крепостную стену, получит 400 туманов, третий — 300 туманов и т. д.

После такой подготовки была предпринята атака на крепость. Бабиды, число которых было во много раз меньше атакующих, защищались с таким упорством и храбростью, что атака захлебнулась. Все знаменосцы были перебиты. Аббас Кули-хан был ранен. Атакующие понесли большие потери⁵⁸.

После этого шахские военачальники решили прибегнуть к хитрости и вероломству. Махди-Кули-мирза написал руководителям бабидов письмо с предложением прекратить сопротивление и обещал сохранить им жизнь и свободу.

Силы бабидов уже истощались. Дезертирство из крепости продолжалось. Сбежал упоминавшийся выше Реза-хан с тремя бабидами. Число защитников крепости уменьшалось с каждым днем. Наконец осталось всего около 250 человек. В этих условиях продолжать борьбу против почти десяти тысячного войска было немыслимо, и хаджи Мохаммед-Али сообщил Махди-Кули-мирзе, что бабиды согласны прекратить борьбу при условии, что им будет предоставлена возможность беспрепятственно покинуть крепость и свободно уйти туда, куда они захотят. Махди-Кули-мирза и Аббас Кули-хан с готовностью согласились на это условие. Скрепив свое согласие на условия, которые требовал хаджи Мохаммед-Али

Барфуруши, подписями, печатами и клятвами на Коране, они отправили свой ответ в крепость.

Для бабидов приготовили специальные палатки на краю шахского лагеря. Для хаджи Мохаммеда-Али выслали лошадь. В начале мая 1849 г. изможденные голодом бабиды вышли из своей крепости, считая, что шахские военачальники выполнят свое обещание и позволят им уйти, куда они захотят.

По выходе из крепости бабиды были окружены войсками. Но они были еще вооружены, и войска побоялись тронуть эту оставшуюся в живых горстку храбрецов, которые около восьми месяцев наводили ужас на ханов и улемов всего Мазендерана и с которыми ничего не могли поделать многотысячные шахские войска. На следующий день Махди-Кули-мирза пригласил хаджи Мохаммеда-Али и других бабидских вождей на обед. Во время обеда бабидские руководители были предательски схвачены, обезоружены и заключены под стражу. Махди-Кули-мирза потребовал, чтобы хаджи Мохаммед-Али послал своим оставшимся в живых последователям приказ сложить оружие. Когда это требование было выполнено, последователи хаджи Мохаммеда-Али сначала отказались поверить, что их вождь действительно хотел их разоружения. Они отказались выполнить этот приказ. И только после того как от имени хаджи Мохаммеда-Али к ним был направлен мулла Юсуф с тем же приказом, бабиды подчинились и сдали оружие.

Тогда по приказу Махди-Кули-мирзы солдаты набросились на безоружных бабидов, поверивших клятве на Коране шахских военачальников, и перебили большинство из них на месте. В живых были оставлены только наиболее видные руководители⁵⁹.

По приказу начальства солдаты разрушили бабидскую крепость. Крепостные башни, стены и рвы были сровнены с землей. Это было сделано для того, чтобы она своим существованием не напоминала о восстании угнетенных феодалами крестьян, ремесленников и других социальных низов против своих угнетателей. Гробница и ограда Шейх-Табарси были восстановлены в том виде, в каком они находились до восстания. Э. Броун, посетивший Шейх-Табарси через 40 лет, не нашел даже и следа бабидской крепости⁶⁰. Автор настоящей работы, побывавший в Шейх-Табарси в 1945 г.,

видел только маленькую часовенку на месте захоронения шейха Табарси. Весь район, где происходили описанные события, уже порос густым мазендеранским лесом. И местные жители — крестьяне показывали автору только неразорвавшиеся ядра и осколки ядер, которыми бомбардировалась бабидская крепость. Остатки этих ядер они до сих пор находят в земле при ее обработке.

Оставленных в живых бабидских руководителей — хаджи Мохаммед-Али Барфуруши, мирзу Мохаммед-Хасана, муллу Мохаммед-Садега Хорасана, хаджи мирзу Хасана Хорасани, хаджи Насера Казвини, Абдул-Азима из Мераге, мирзу Мохаммед-Хосейна Куми и нескольких других заковали в кандалы и отправили в Барфуруш. Здесь их публично казнили на городской площади после жестоких мучений и издевательств. Бабидские руководители стойчески встретили издевательства, пытки и смерть. Среди них, например, был некий Муршид, который раньше встречался с Сулейман-ханом Афшари. Сулейман-хан узнал его и предложил ему отречься от бабизма, обещая сохранить за это жизнь. Но перед лицом смерти Муршид отказался это сделать и был казнен вместе с другими⁶¹.

Двое бабидских руководителей — мирза Нематолла Амоли и мирза Мохаммед-Багер Хорасани, под руководством которого строилась крепость Шейх-Табарси, — были направлены для казни в г. Амоль⁶².

Главного вождя восстания — хаджи Мохаммеда-Али Барфуруши Махди-Кули-мирза намеревался отправить для казни в Тегеран. Но глава барфурушского духовенства Саид оль-улема захотел лично расправиться с ненавистным врагом. За крупную сумму денег (мирза Джани пишет, что одни говорили за 400 туманов, другие — за тысячу) он выкупил хаджи Мохаммеда-Али у Махди-Кули-мирзы и убил его сам. Сначала он отдал бабидского вождя на расправу слушателям местной медресе. Туллабы, наиздевавшись вдоволь над ним, до полусмерти избили хаджи Мохаммеда-Али. Затем Саид оль-улема отрезал ему уши и ударом топора по голове убил его. Тело убитого разрубили на куски и выбросили за город⁶³.

Расправа над бабидами произвела тяжелое впечатление на жителей Мазендерана. Саид оль-улема через

некоторое время чем-то заболел и умер, а дом его, прежде богатый, запустел. И мазендеранцы, как пишет Николя, когда хотели кому-либо причинить зло, говорили: «Чтобы с твоим домом произошло то же, что с домом Саид эль-улема»⁶⁴.

Так закончилось первое крупное антифеодальное восстание, происходившее в середине XIX в. под руководством секты бабидов. Согласно данным иранских придворных историков, во время борьбы восставших с правительственными войсками было убито несколько тысяч человек⁶⁵. После подавления восстания при Шейх-Табарси началась расправа ханов над мазендеранскими крестьянами, которые либо участвовали в восстании, либо помогали бабидам. Экзекуциями и казнями ханы мстили крестьянам, которые пытались освободиться от эксплуатации и эксплуататоров.

Глава V

ВОССТАНИЕ В ЗЕНДЖАНЕ

Восстание бабидов в Мазендеране привлекло еще большее внимание и интерес иранского населения к бабизму. Усилилась ненависть правящих кругов и высшего духовенства к сектантам, поднявшим руку на основы существующего строя. Высшее духовенство в разных концах Ирана в своих фетвах призывало к убийствам бабидов. Но все это только способствовало росту числа последователей Баба¹.

В Тебризе, например, как сообщал русский генеральный консул в этом городе Аничков 28 февраля 1849 г., происходили открытые столкновения между сторонниками бабидов во главе с муллой Мохаммедом и шейх оль-исламом и их противниками, которые возглавлялись муджтехидом мирзой Ахмедом и его сыном имамом джоме Тебриза. Муджтехид мирза Ахмед, имам джоме и другие муллы — их сторонники в своих проповедях в мечетях публично предавали проклятию бабидов. Они хватали и избивали их, запретили посещение бабидами общественных бань, объявляли их еретиками. На этой почве между сторонниками Баба и их противниками происходили столкновения, в которых со стороны противников бабидов участвовало около 400 человек, а со стороны бабидов еще более значительное число. «Теперь, — писал Аничков, — вражда принимает все больше и больше серьезный вид... и грозит всеобщим возмущением»². Всю первую половину 1849 г. до прибытия в Тебриз вновь назначенного правителем этой провинции Хамзы-мирзы³ в Иранском Азербайджане царил анархия и фактическое безвластие, вызванные смертью Мохаммед-шаха.

После подавления восстания в Мазендеране деятельность бабидов в других городах и областях Ирана не только не прекратилась, но стала разворачиваться в еще более широких масштабах. Слава о Бабе распространи-

лась даже за пределами Ирана. В крепость Чехрик, где находился в заключении Баб, приходили паломники из Турции и Индии. Один из таких паломников из Индии, известный как «верующий из Индии», после посещения Баба в Чехрике отправился в Иранский Азербайджан и начал проповедовать бабизм в районе г. Хоя. Вокруг него стали собираться толпы народа. Дело шло к открытому выступлению. Тогда по приказу хойского губернатора «верующего из Индии» и его двух ближайших последователей — шейха Салеха Араби и муллу Хосейна Хорасани схватили и привезли в Хой. Во время допроса их так избили палками, что шейх Салех умер. «Верующему из Индии» обрили голову, посадили на осла и возили по базару, а затем выгнали из города. Из Хоя он отправился в Турцию — в г. Эрзерум и продолжал там проповедовать бабизм⁴.

В столице Ирана — Тегеране к концу 1849 г. пропаганда бабидов также привела к росту числа приверженцев этой секты. 12 февраля 1850 г. Долгорукий сообщал по этому поводу в Петербург Нессельроде: «Тегеран переполняется с каждым днем все больше и больше этими опасными сектантами, которые не признают гражданских установлений и проповедуют раздел имущества тех, которые не присоединяются к их учению... бабиды насчитываются уже тысячами в недрах самой столицы»⁵. Была создана тайная организация, которая, как утверждали противники бабидов, ставила своей целью убить шаха, мирзу Таги-хана и высших духовных лиц в отместку за расправу над бабидами в Мазендеране. Насколько это соответствовало действительности, трудно сказать; известно только, что бабидов в Тегеране было очень много и они готовили в столице какое-то выступление⁶. Однако среди бабидов нашелся предатель, который в начале февраля 1850 г. донес о предполагавшемся выступлении мирзе Таги-хану. По приказу последнего в Тегеране были арестованы 37 человек по обвинению в подготовке восстания и покушения на жизнь шаха. Следствие не дало никаких улик против обвиняемых. Мирза Таги-хан приказал освободить тех заключенных, которые согласятся публично проклясть Баба и отказаться от его учения.

Когда об этом стало известно арестованным, один из руководителей бабидов, хаджи Исмаил Куми, принимав-

ший активное участие в Бедаштских собраниях, призвал своих товарищей по заключению не изменять идеям Баба и показать людям пример стойкости в борьбе за их осуществление. Из 37 арестованных семеро последовали этому приказу и отказались отречься от Баба. Ими оказались хаджи Исмаил Куми, мирза Курбан-Али, сейид Мохаммед-Хосейн Торшизи, дядя Баба — хаджи мирза сейид Али, торговец хаджи мулла Таги Кермани⁷, ремесленник Мохаммед-Хосейн Тебризи и слуга Баба родом из Мараге. Всех семерых казнили на городской площади при большом стечении народа⁸.

В Зенджане пропаганду бабизма вел мулла Мохаммед-Али Зенджани. Еще до начала проповеди Баба мулла Мухаммед-Али был широко известен среди местного населения, в частности среди городской бедноты и крестьянства окрестных деревень, своей честностью и неподкупностью. Он обычно выступал против взяточничества и притеснений со стороны правителей Зенджана и высшего духовенства. В связи с этим он пользовался у широких слоев населения большим уважением и авторитетом.

Весть о появлении нового пророка и его первые сочинения принес ему из Шираза некий Ахмед. Мулла Мохаммед-Али не колеблясь принял учение нового пророка и стал проповедовать его в своей мечети. Он постоянно переписывался с Бабом через специального гонца Искандера Машади⁹. Авторитет и влияние муллы Мохаммеда-Али среди местного населения быстро росли. Когда в 1847 г. Баба провозили мимо Зенджана в Маку, мулла Мохаммед-Али имел уже очень много последователей не только в Зенджане, но и в расположенных вокруг города деревнях. Мирза Джани сообщает, что уже в то время несколько тысяч крестьян из области Хамсе, главным городом которой был Зенджан, были его приверженцами¹⁰.

О создавшемся в Зенджане и области Хамсе положении местные власти сообщили в Тегеран. Садр азам Мохаммед-шаха хаджи мирза Агаси, опасаясь, что проповеди муллы Мохаммеда-Али вызовут народное волнение, прислал в Зенджан конный отряд с приказом схватить проповедника и доставить его в Тегеран. Приказ садр азама был выполнен. Мулла Мохаммед-Али был помещен в доме градоначальника Тегерана.

После смерти Мохаммед-шаха он, воспользовавшись возникшей неурядицей, бежал из Тегерана и появился в Зенджане, где опять принялся проповедовать бабизм.

Провозглашение освобождения от всех налогов и обязанностей, проповедь общности имущества, отмены Корана и шариата и их предписаний, призыв к созданию нового, счастливого царства равенства и справедливости, где будет покончено с притеснениями, угнетением и злоупотреблениями, — эта проповедь муллы Мохаммеда-Али восторженно встречалась крестьянами и беднейшей частью населения Зенджана. Число его сторонников росло с каждым днем. Русский генеральный консул в Тебризе Аничков доносил князю М. С. Воронцову 16 января 1850 г., что учение Баба в Зенджане «распространяется с невероятным успехом, так что около половины города тайно присоединилось к нему»¹¹. Реза-Кули-хан сообщает, что к весне 1850 г. оно исчислялось в 15 тыс. человек¹². По пятницам, когда он отправлялся в мечеть для проповеди, его сопровождала толпа (300—400 человек). Мечеть не могла вместить всех желающих слушать его проповеди, в которых, как говорит в своих воспоминаниях участник событий Абдул-Ахад Зенджани, он обращался главным образом к беднякам¹³. Предписания муллы Мохаммеда-Али выполнялись как законы. Даже люди, не принявшие бабизма, вынуждены были подчиняться им. Абдул-Ахад сообщает, например, что в Зенджане было несколько христиан, торговавших вином. Мулла Мохаммед-Али запретил торговлю вином и послал группу своих последователей с приказом разбить бочки и вылить вино. Бабида сделали это, и виноторговцы не посмели возражать¹⁴.

Муллы Мохаммед-Али и его последователи стали фактически подлинными хозяевами в городе. Когда об этом стало известно в Тегеране, шахское правительство приказало снова арестовать вождя зенджанских бабидов и доставить его в Тегеран. Но назначенный Насер-эд-Дин-шахом губернатор Зенджана — дядя шаха Амир Аслан-хан не осмеливался выполнить этот приказ шаха — так велики были влияние и авторитет муллы Мохаммеда-Али.

Атмосфера в городе была накалена до крайней степени. Не хватало только какого-нибудь предлога для открытого восстания бабидов против шахских властей.

Таким предлогом послужил случай, происшедший весной 1850 г. Один из сторонников муллы Мохаммеда-Али — Абдул-Али поссорился с противником бабидов Абул-Касимом. Абдул-Али арестовали и привели к губернатору Зенджана Амир Аслан-хану. Губернатор приказал посадить его в тюрьму. Сторонники арестованного обратились к мулле Мохаммеду-Али с просьбой добиться освобождения Абдул-Али. Мулла Мохаммед-Али написал губернатору письмо с требованием освободить арестованного. Амир Аслан ответил отказом. Тогда бабиды напали на тюрьму, выломали двери и освободили Абдул-Али и всех остальных заключенных.

На следующий день Амир Аслан-хан собрал на совет видных зенджанских ханов и улемов для обсуждения создавшегося положения. На заседании было решено, что муллу Мохаммеда-Али и его ближайших соратников нужно казнить. Но так как зенджанские правители понимали, что своими силами они не смогут справиться с бабидами, то в столицу был направлен гонец с просьбой прислать войска¹⁵. Зенджанские улемы одновременно провозгласили муллу Мохаммеда-Али и его последователей сретиками и объявили им священную войну — джихад. В следующую пятницу, когда бабиды собрались в мечеть на проповедь своего учителя, их противники организовали нападение на бабидов. Большое количество солдат и подкупленных луты окружили мечеть. Бабида, не ожидая нападения, вышли из мечети навстречу противнику. Произошло первое в Зенджане открытое столкновение между бабидами и их противниками. Во время схватки два сторонника муллы Мохаммеда-Али были убиты, а третий был захвачен солдатами и казнен по приказу Амир Аслан-хана.

В мае 1850 г. бабиды начали открытую борьбу с шахскими властями. К этой борьбе они готовились заранее — порох и свинец запасался ими в течение нескольких месяцев. Один из помощников Мохаммеда-Али — Дин-Мохаммед явился во главе вооруженной группы бабидов в мастерскую Машади Керима, который занимался изготовлением пороха, и захватил все его запасы¹⁶.

Затем бабиды, возглавляемые Мир-Селахом, захватили городскую крепость, называвшуюся «Али Мардан-хан». Город разделился на две части. Большую, восточ-

ную часть Зенджана с Тегеранскими, Рештскими и Хамаданскими воротами заняли бабиды. Меньшая, западная часть с Тебризскими воротами осталась под контролем их противников. Ханы и богачи Зенджана бежали из части города, занятой бабидами, бросив свои дома и имущество. На улицах были выстроены баррикады. Общение между двумя частями города почти совершенно прекратилось¹⁷.

В начале восстания бабидов в городе было около 3 тыс. человек. Они собрались в занятую ими часть города целыми семьями, с женами и детьми. Бабидские женщины строили укрепления и сражались на баррикадах во время восстания наравне с мужчинами.

Мирза Джани сообщает, что восставшие бабиды в большинстве состояли из крестьян, городской бедноты и ремесленников¹⁸. В восстании на стороне бабидов участвовало также много мелких торговцев и представителей низшего духовенства. Руководящую роль играли представители ремесленников, торговцев и духовенства. Заместителем муллы Мохаммеда-Али был торговец галантерейными товарами хаджи Абдолла. Торговец текстильными товарами машади Сулейман исполнял обязанности везира. Николя пишет, что Сулейман являлся старшиной торговцев¹⁹, а А. Гобино утверждает, что везир муллы Мохаммеда-Али — Сулейман был сапожником²⁰. Помощниками вождя восставших были уже упомянутый Дин-Мохаммед и хаджи Ахмед Зенджани. Главой милиции бабидов был назначен пекарь Абдул-Баги²¹. Видную роль среди восставших играли также пекарь хаджи Абдолла, сапожник Али-Аскер, кузнец Казем Култуки, столяр Бахш-Али, охотник Али-Аскер по прозвищу Би сахаб («Без хозяина») ²² и другие представители ремесленников и городских низов. Бабидский руководитель муллы Мохаммед-Али Зенджани говорил своим последователям, что бабиды основывают новое царство, со справедливыми порядками, где не будет произвола и угнетения, и это царство будет существовать вечно²³. Он заявил также, что все бабиды являются равноправными членами одной семьи. Все имущество, включая одежду и продовольствие, было объявлено общим, и бабиды пользовались им на равных основаниях²⁴.

Таким образом, лозунги, под которыми происходило

восстание бабидов в Зенджане, и идеи зенджанских руководителей восставших были такими же, как и у восставших при Шейх-Табарси в Мазендеране.

Однако следует заметить, что по социальному составу участников зенджанского восстания несколько отличалось от мазендеранского. В Зенджане более активное участие в восстании принимали ремесленники и беднейшие слои городского населения. В Мазендеране же основную массу восставших составляли крестьяне. Это придавало более упорный и, пожалуй, более организованный характер борьбе восставших бабидов с правительственными войсками в Зенджане.

Современный иранский автор работы о бабидском движении и его предшественниках в Иране А. Соруш, не ссылаясь на источники, утверждает, что у зенджанских бабидов были планы после овладения Зенджаном захватить Тегеран, а затем и весь Иран²⁵. Откуда А. Соруш взял это — неизвестно, но, исходя из общих положений учения Баба, оно не представляется совершенно нереальным. Такие планы у бабидских проповедников вполне могли возникнуть.

Установив свою власть в большей половине Зенджана, бабиды энергично готовились к борьбе с шихскими войсками. Ремесленники делали ружья, копья, сабли и другое оружие. Под руководством кузнеца Казема Култуки были даже изготовлены кустарным способом две пушки без колес. Восставшими были созданы большие запасы продовольствия, которое наряду с боеприпасами и оружием хранилось в захваченной бабидами крепости Али-Мардан²⁶.

Некоторое время после начала восстания связь между двумя частями Зенджана не была прервана окончательно. И противники бабидов, и сочувствующие им переходили из одной части города в другую. Воспользовавшись этим положением, шахский губернатор и высшее духовенство Зенджана организовали покушение на жизнь муллы Мохаммеда-Али. Они подкупили за 100 туманов некоего хаджи Дадаша, который раньше был слугой бабидского руководителя, и отправили его в восточную часть города, где находились бабиды. Мулла Мохаммед-Али выступал со своими обычными проповедями по пятницам не в мечети, а во дворе своего дома. Мужчины слушали его во дворе, а женщины — на

плоских крышах близлежащих домов. Хаджи Дадаш накинул на себя чадру и, спрятав под нее пистолет, пришел в пятницу к дому муллы Мохаммеда-Али и сел среди женщин, слушавших проповедь своего учителя. Случайно дуло пистолета высунулось из-под чадры. Это заметила одна из женщин и выхватила пистолет. Поднялся шум, на который сбежались мужчины. С Дадаша сорвали чадру и привели его к мулле Мохаммеду-Али для расправы²⁷. После этого события проходы между двумя частями Зенджана были закрыты совершенно.

В конце мая и начале июня 1850 г. к Зенджану стали прибывать войска, направленные шахским правительством против восставших бабидов: Фирузкухский полк во главе с сардаром Али-ханом, конный отряд области Хамсе под командой Мохаммед Хосейн-хана, мокаддамский конный отряд, возглавляемый Шахбаз-ханом Маратейи, отряд численностью в 200 человек Мохаммед Али-хана Афшарского и 50 артиллеристов с двумя пушками и двумя мортирами под командой Махмуд-хана Хойи²⁸. Общее командование отрядами было возложено на сардара Али-хана.

Сардар Али-хан пытался покончить с восстанием путем мирных переговоров. По договоренности с муллой Мохаммедом-Али сардар направился в занятую бабидами часть города и вел длительные переговоры с руководителями восставших. Николай утверждает, что после пятнадцатых переговоров с муллой Мохаммедом-Али сардар Али-хан принял бабизм и, возвратившись с переговоров, отдал приказ не предпринимать решительных мер против восставших²⁹. Реза-Кули-хан по-иному освещает события. Он пишет, что сардар Али-хан использовал посещение бабидской части города для ознакомления с бабидскими укреплениями и с положением восставших. Он утверждает, что переговоры закончились неудачей и бабиды не согласились сложить оружие. Реза-Кули-хан пишет, что сардар Али-хан отмечал образцовый порядок и дисциплину в бабидском лагере и высокий авторитет вождя. Бабиды могли легко задержать сардара, но, несмотря на то что им было известно вероломство шахских военачальников при подавлении восстания в Мазендеране, они не сделали этого и отпустили Али-хана невредимым³⁰.

Каковы бы ни были причины, по которым сардар

Али-хан возвратился невредимым, бесспорно одно — переговоры не привели к тем результатам, на которые надеялось шахское командование, — бабиды не согласились сложить оружия. Атаки, предпринятые после этого шахскими войсками, были отбиты с большими потерями для атакующих. Мирза Таги-хан распорядился направить в Зенджан 16-й шекакский полк во главе с Мустафа-ханом Каджари. Но и прибытие этого подкрепления не изменило положения. Бабиды продолжали оказывать упорное сопротивление шахским войскам. Затем в борьбе наступил временный перерыв. Бабиды использовали его для дальнейшего укрепления своих позиций.

В 1850 г. Зенджан не был единственным районом, где бабиды вели борьбу против шахского правительства. В начале 1850 г. вспыхнуло восстание в Йезде под руководством вышеупомянутого сеида Яхья Дараби. Но оно было быстро подавлено властями. В июне 1850 г. во главе с тем же сеидом Яхья началось бабидское восстание в Нейризе.

Мирза Таги-хан был наиболее ярким противником бабидов и выступал за самые решительные меры по подавлению восстаний. Когда вспыхнуло восстание в Нейризе, мирза Таги-хан поставил перед шахом вопрос о необходимости казнить главу бабидской секты — Баба. В докладе шаху по этому поводу он писал: «Пока он жив, хотя бы он и находился в заключении, его последователи и приверженцы из духовенства и мирян никогда не успокоятся и будут постоянно поднимать знамя восстания, и я боюсь, что это может со временем превратиться во всеобщую революцию и приведет к свержению теперешней династии. Поэтому, если Вы желаете спокойствия Вашему царству, то ничего не остается другого, кроме того, что Вы должны дать мне согласие и разрешение вырвать зло с корнем. Вы видите, с какими трудностями для нас, с каким ущербом для государства, страны и народа и с какими жертвами среди офицеров и солдат мы подчиняем в Зенджане группу крестьян и ремесленников, руководимую одним духовным лицом, которое уверовало в претензию, выдвигаемую этим лицом» (Бабом. — М. И.)³¹. Насер-эд-Дин-шах согласился с мнением мирзы Таги-хана, и в Иранский Азербайджан был направлен Сулейман-хан Афшари, принимавший участие в подавлении бабидского

восстания при Шейх-Табарси, которому и поручили осуществить казнь Баба.

Баба привезли из крепости Чехрик в Тебриз вместе с двумя братьями — сейидом Хосейном и сейидом Хасаном, которые находились в заключении в крепости вместе с Бабом. Хосейн был секретарем Баба и записывал его изречения. Незадолго до того как Баб был привезен из Чехрика в Тебриз, в этом городе был арестован еще один бабид — мулла Мохаммед-Али Тебризи, происходивший из семьи богатых тебризских торговцев³².

В соответствии с приказом Насер-эд-Дин-шаха высшее духовенство Тебриза также высказалось за казнь Баба, а также мุลлы Мохаммеда-Али и сейидов Хосейна и Хасана. Муджтехиды Тебриза издали фетву о казни Баба. После объявления Бабу смертного приговора он и его спутники в течение трех дней содержались в тюрьме. Мирза Джани пишет, что перед казнью Баб предложил своим последователям отречься от него и его учения, так как, по его мнению, будет лучше, если они останутся живыми и будут вести пропаганду его учения³³. Очевидно, в связи с этим сейид Хосейн и сейид Хасан публично отреклись от Баба, проклинали его и не были казнены. Впоследствии секретарь Баба сейид Хосейн был переведен в Тегеран и после покушения на жизнь шаха в 1852 г. казнен вместе с другими бабидами, арестованными в связи с этим покушением. Третий бабид — мулла Мохаммед-Али, как пишет Гобино и сообщает русский генеральный консул в Тебризе Аничков, несмотря на все попытки убедить его отказаться от Баба и тем спасти себе жизнь, показал «необычайную твердость характера», отказался отречься от своего учителя и был казнен вместе с Бабом³⁴.

Баба казнили в первых числах июля 1850 г. на городской площади Тебриза, называемой «Сарбазхане-йе кучек», в присутствии большой толпы народа. Для того чтобы не допустить возможных выступлений народа во время казни, на площадь были выведены три полка солдат: четвертый тебризский полк, специальный тебризский полк под командованием Ага-хана Зенджани и полк Бахадуров, состоявший из христиан (видимо, из армян), которым командовал христианин Сам-хан.

Баб и мулла Мохаммед-Али были связаны и подве-

шены на столбах рядом друг с другом. Приказ стрелять по Бабу и его сподвижнику был дан командиру специального тебризского полка. Но командир этого полка, состоявшего из мусульман, отказался выполнить приказ о расстреле Баба, сославшись на то, что он солдат и может выполнять только приказы военного министерства. Это был предлог. В действительности мусульмане не хотели, видимо, боялись стрелять в Баба — настолько велика была его популярность среди мусульманских масс. Тогда расстрел Баба был поручен полку, состоявшему из солдат-христиан. Когда пороховой дым после первого залпа рассеялся, то оказалось, что было покончено только с муллой Мохаммедом-Али, который, умирая, повернулся в сторону Баба и спросил: «Доволен ли ты мной?». В Баба же пули не попали. Были перебиты только веревки, которыми он был подвешен к столбу, и Баб, упав на землю, бежал в одно из соседних помещений солдатской казармы. Даже солдаты-христиане не хотели стрелять в Баба, который не получил после первого залпа ни одной царапины. По приказу Сам-хана солдаты разыскали Баба и снова подвесили веревками на столбе. Вторым залпом Баб был убит — в его тело попали десятки пуль. Присутствовавшая при этом толпа народа убедилась, что Баб мертв, а не скрылся или улетел на небо, как это думали многие после того, как Баб исчез после первого залпа. Они считали, что Баб скрылся, как двенадцатый имам Махди. Обстоятельства расстрела Баба подтверждаются и сведениями, приводимыми врагами Баба — придворными иранскими историками³⁵.

Сепехр, Реза-Кули-хан и другие иранские придворные летописцы, а вслед за ними Гобино и некоторые другие европейские авторы утверждают, что тело Баба было выброшено в городской ров, где оно стало добычей собак и хищных животных.

Французский исследователь истории Баба и бабизма Николь, относившийся с большим уважением к Бабу и его учению, приводит другую версию. Ссылаясь на сведения, полученные им на Кипре от преемника Баба Собхе-Азала, он пишет, что бабиды, действуя через своих сторонников, по договоренности с тебризским калантаром (градоначальником) взяли тело Баба и тайно захоронили его в Шах-Абдул-Азиме под Тегераном. В те-

чение 30 лет эта тайна строго сохранялась. Но затем бе-ханти — другое течение, считавшее себя тоже последователями Баба и бабизма, но сильно изменившие его, и возглавлявшееся соперником Собхе-Азала — его братом Бехаоллой, узнали о месте захоронения Баба и выкрали гроб с телом. Бехаолла, с которым Никола также встречался и разговаривал по этому поводу, опровергал эти сведения Собхе-Азала. Бехаолла заявил Николу, что труп Баба был получен им и захоронен на кладбище около гробницы Махсум у Казвинских ворот в Тегеране. Там он пролежал 29 лет, а потом в связи с тем, что гробница Махсум разрушалась и требовала ремонта, беханти будто бы тайно перенесли гроб с телом Баба к мечети Машалла около Чашм-е Али недалеко от Шах-Абдул-Азима и захоронили его там. Оттуда через 17 лет останки Баба были перевезены в Сен-Жан д'Арк в Палестине у подножия гор Кармель около Хайфы³⁶. Трудно сказать, какая из приведенных версий о том, что стало с телом Баба после его казни, верна. В любом случае шахское правительство и высшее духовенство Ирана в начале июля 1850 г. расправилось с руководителем секты бабидов, рассчитывая таким путем положить конец антифеодальным народным восстаниям середины XIX в.

О том, какую серьезную опасность для правящей в Иране династии Каджаров представляли Баб и его последователи, говорят свидетельства очевидцев. Англичанин Роберт Биннинг, путешествовавший по Ирану в 1850 г., вскоре после казни Баба, пишет, например, что «если бы Бабу удалось бежать и потом через некоторое время появиться вновь, то шах вряд ли усидел бы на троне спокойно, так как половина народа встала бы за Баба»³⁷.

Но надежды правящих кругов Ирана покончить с антифеодальным движением в стране оказались тщетными. Восстание бабидов в Зенджане продолжалось еще в течение полугода, а борьба в Нейризе — в течение двух лет. Хотя казнь Баба в Тегризе и не вызвала каких-либо народных волнений, она не внесла расстройств и в ряды зенджанских бабидов. Они продолжали с успехом защищаться от нападений шахских войск и даже заставили их прекратить атаки. Известия об этом привели в смятение тегеранский двор. Было решено при-

нять еще более решительные меры для подавления восстания в Зенджане.

В конце июля главнокомандующим всеми шахскими войсками в Зенджане был назначен бывший командующий войсками в Иранском Азербайджане бригадный генерал Мохаммед-хан. Он прибыл в Зенджан вместе с гвардейским шекакским полком, которым он командовал в то время. В Зенджан был также направлен артиллерийский отряд с шестью пушками и двумя мортирами³⁸. Кроме того, там было сконцентрировано много других воинских частей: гвардейский полк Насерийе во главе с Мохаммедом-Ага Гилянским, кавалерия Хамсе, которой командовал Садр од-Доуле, афшарский конный отряд во главе с Мохаммед Али-ханом, мокаддамская кавалерия во главе с майором Наби-беком, фирузкухский полк под командованием сейида Али-хана и другие части³⁹.

После прибытия в Зенджан Мохаммед-хан сразу же послал в атаку на бабидов гвардейский шекакский полк и другие воинские части. Эта атака также была отбита бабидами с большим уроном для шахских войск. Баби-ды тоже понесли серьезные потери. Среди убитых при отражении этой атаки были такие видные деятели восставших, как охотник Нур-Али, старшина плотников Бахш-Али, Фатхолла-бек, Фараджолла-бек и много рядовых бабидов⁴⁰. После этой неудачной атаки Мохаммед-хан попробовал уговорить их сложить оружие без борьбы, но эта попытка не увенчалась успехом.

Убедившись, что ни прямые атаки, ни уговоры успеха не имели, Мохаммед-хан решил начать длительную осаду укрепившихся в городе бабидов. В начавшейся осаде шахские командиры применили все известные им осадные приемы, но не могли сломить сопротивление осажденных и овладеть восточной частью города. Войска подводили подземные ходы под укрепления и дома видных бабидских руководителей, закладывали под них порох и взрывали. Сначала эти взрывы приносили бабидам много материального ущерба и жертв. Но через некоторое время они научились бороться и против подземных взрывов. Прикладывая уши к земле, бабиды определяли, где роется подземный ход, и начинали рыть встречный туннель. Когда эти подземные ходы встречались, бабиды устраивали засады, захватывали в плен

шахских саперов, а порох вытаскивали, пополняя им свои запасы⁴¹.

Чтобы защитить своих солдат от бабидских пуль во время атаки, по приказу Мохаммед-хана были построены повозки с щитами, которые не пробивались ружейными пулями. В ответ восставшие пустили в ход свои самодельные пушки и стали разбивать повозки⁴².

Многие солдаты сочувствовали бабидам и неохотно сражались с ними. Стремясь натравить солдат на повставших и поощрить их рвение в бою, губернатор Зенджана Амир Аслан-хан платил за каждую принесенную ему голову бабида по 5 кран⁴³. С попадавшими в плен бабидами расправлялись очень жестоко. Мужчин после пыток казнили, а женщин и детей после насилий и издевательств продавали в рабство⁴⁴.

Среди бабидов было очень много женщин и детей — свыше 500. Женщины принимали участие в боях наравне со своими отцами, мужьями и братьями и сражались с отчаянной храбростью.

Шахские артиллеристы, стреляя из мортир бомбами, наносили бабидам большой урон. Некоторые бомбы падали на укрепления и улицы города, не взрываясь. В таких случаях женщины хватали бомбы с горящими фитилями и гасили их в воде⁴⁵.

Среди сражавшихся бабидов была одна девушка, по имени Зейнаб, которой за ее отчаянную храбрость товарищи дали имя мифического иранского героя — Рустама. Она носила мужскую одежду и не хуже мужчин владела ружьем и саблей. Мулла Мохаммед-Али назначил ее командиром отряда бабидов и поручил ей защиту одного укрепления⁴⁶. Всего у бабидов было около 50 укреплений. Каждое из них защищалось специально выделенным для этого отрядом.

Меры, принятые Мохаммед-ханом по осаде бабидов, хотя и не смогли сломить сопротивление бабидов, но все же ухудшили их положение. Несколько укреплений было взорвано и взято шахскими войсками. Восставшим пришлось отступить и закрепиться в новых кварталах Зенджана.

Мирза Джани пишет, что в начале сентября 1850 г. мулла Мохаммед-Али, убежденный в правоте дела, за которое сражались бабиды, обратился с письмом к мирзе Таги-хану. Он предлагал для прекращения кровопро-

лития собрать самых видных улемов Ирана и провести в присутствии шаха и мирзы Таги-хана диспут с бабидскими вождями, чтобы установить, кто прав и кто виноват⁴⁷. Бабидский вождь наивно надеялся, что бабидам удастся убедить шаха и его первого везира в своей правоте. У восставших под руководством бабидов широких народных масс Ирана в то время еще не была изжита вера в шаха и его справедливость. В ответ на это обращение мирза Таги-хан потребовал немедленной и безусловной сдачи восставших.

Тогда мулла Мохаммед-Али обратился к турецкому посланнику в Иране Самю Эффенди и к английскому посланнику полковнику Шейлу, призывая их быть судьями в споре бабидов с правящими кругами Ирана. Но и эти обращения также не принесли никакой пользы восставшим⁴⁸.

В середине сентября 1850 г. из Тегерана выехал главный адъютант шаха — аджудан-баши Азиз-хан, посланный шахом для встречи с русским наследником престола Александром, которая должна была состояться в Ереване. Шах приказал ему покончить с восстанием бабидов в Зенджане любыми средствами. Прибыв в Зенджан, он собрал всех шахских военачальников и устроил им разнос. Затем он написал Мохаммеду-Али письмо с предложением сложить оружие, а самому Мохаммеду-Али советовал явиться в Тегеран, где он обещал ему прощение шаха и мирзы Таги-хана. Бабидский руководитель отверг это предложение.

15 сентября Азиз-хан приказал шахским войскам идти на приступ бабидских укреплений. Вот как описывает эту атаку шахских войск очевидец — служащий русской миссии в Тегеране, сопровождавший Азиз-хана: «Пушки гремели со всех сторон, но солдаты шаха еще не достигли окопов, как десять сарбазов были убиты, а другие повернули обратно. Азиз-хан приказал снова идти на приступ, но, убедившись, что дело окончательно приняло скверный оборот, он сел на лошадь и уехал, приказав шахским войскам завладеть Зенджаном в течение двух дней. После отъезда аджудан-баши сарбазы боялись продолжать наступление»⁴⁹.

Шахские войска снова прекратили атаки. Солдаты не хотели сражаться против бабидов не только из страха, но и из-за сочувствия к ним. Среди солдат и офице-

ров было много членов секты али-иллахи, которые, как и бабиды, верили в скорое пришествие двенадцатого имама. Джафар Кули-хан, мир сейид Хосейн-хан Фирузкухи и некоторые другие офицеры открыто саботировали борьбу с бабидами. Сочувствовал восставшим бабидам и оказывал им тайную поддержку даже один из шахских генералов — Казем-хан. В этих условиях не было ничего удивительного в том, что, как сообщал Долгорукий 6 октября в министерство иностранных дел в Петербург, «деморализация среди войск... достигла крайних пределов. Здесь нисколько не думают ни о силе религиозных убеждений, ни о предосторожностях, которые требуются в настоящем положении Персии при разрешении вопросов, редко разрешающихся на поле битвы»⁵⁰. Это допесение Долгорукого ясно свидетельствует, что даже царские представители в Тегеране понимали, что невозможно бороться с бабидами теми средствами, к которым прибегало шахское правительство.

О сочувствии и даже тайной помощи восставшим бабидам со стороны генерала Казем-хана, сейида Хосейн-хана Фирузкухи и других офицеров донесли мирзе Таги-хану в Тегеран. Разгневанный Амир-е Кабир приказал сместить всех сочувствующих бабидам офицеров. Казем-хан был вызван в Тегеран и казнен⁵¹. Наказаны были сейид Хосейн-хан Фирузкухи и другие офицеры. На многих офицеров шахских войск были наложены дисциплинарные взыскания. Сардара Али-хана сместили с занимаемого им поста. На его место в качестве помощника командующего войсками, осаждавшими Зенджан, прислали полковника Фаррох-хана Тебризи, который до этого был везиром губернатора Керманшаха. Одновременно в Зенджан были направлены новые подкрепления: четвертый тебризский полк, гяррусский и зерендский полки.

Фаррох был младшим братом известного бабида хаджи Сулейман-хана. Стремясь отвести от себя подозрение в том, что он, так же как и его брат, сочувствует бабидам, Фаррох-хан энергично принялся за организацию борьбы с восставшими. Его рвение усилилось после получения от Таги-хана письма, в котором последний обещал ему повышение в чине и награды в случае, если он сумеет быстро подавить восстание. Бабиды решили избавиться от слишком ретивого врага, заманив его в

занятую ими часть города. Во второй половине октября от бабидов перебежали в лагерь шахских войск несколько человек во главе с бывшим на стороне восставших Али-Кули-ханом и кербелан Шабаном. Они заявили, что раскаялись, сожалеют о своем участии в борьбе против шахского правительства и решили искупить свою вину и заслужить милость шаха. Кроме того, они сказали, что если Фаррох-хан хочет захватить муллу Мохаммеда-Али живым или прикончить его, то они знают путь, по которому можно пробраться с отрядом к его дому. Фаррох-хан поверил перебежчикам, особенно потому, что среди них был Али-Кули-хан. Он приказал выделить отряд для захвата муллы Мохаммеда-Али. В отряд набралось около ста человек — солдат, которым была обещана большая награда, и местных, зенджанских ханов. Ночью отряд во главе с Фаррох-ханом выступил по пути, указанному перебежчиками. Осажденные бабиды дали возможность отряду пройти в глубь своих укреплений, а затем окружили и внезапно напали на него. Большое число добровольцев из отряда Фаррох-хана были перебиты на месте. Фаррох-хан вместе с десятью зенджанскими ханами и офицерами шахских войск были захвачены живыми, а затем казнены⁵². Голова Фаррох-хана была выкинута бабидами в расположение шахских войск, а тело командующий войсками Мохаммед-хан обменял на десятерых бабидских детей, захваченных шахскими войсками⁵³. Сепехр сообщает, что восставшими были также захвачены и казнены Исмаил Большой и Исмаил Малый, которые раньше были с бабидами, а потом перебежали к их противникам⁵⁴.

Восставшие были осаждены в течение шести месяцев. Шахское правительство присылало в Зенджан новые подкрепления. Сражения становились все ожесточеннее. Шахские войска, превосходившие по своей численности восставших в несколько десятков раз, начали теснить бабидов, занимая укрепление за укреплением. К концу октября 1850 г. они овладели тремя четвертями города. У осажденных начал ощущаться недостаток продовольствия. Колебания в их рядах стали усиливаться. Еще в первые месяцы осады около ста бабидов оставили борьбу и разошлись по домам. Многие бабиды были убиты во время сражений и бомбардировок. Когда оса-

да затянулась и дела восставших стали ухудшаться, число бабидов стало сокращаться в результате участвовавших случаев бегства менее стойких бойцов. Следует отметить, что перебежчиками из рядов бабидов были в первую очередь выходцы из господствующих классов и богатых слоев населения. Численность шахских войск, сконцентрированных против бабидов, к концу осады достигла 30 тыс. человек.

Шахскому командованию удалось подкупить ага Фатх-Али и кербелан Хайдара, которым было поручено руководить обороной крепости Али-Мардан-Хан. Но мулле Мохаммеду-Али удалось своевременно раскрыть предательство, и оба предателя были сняты с важных постов по обороне крепости⁵⁵.

В ноябре 1850 г. в Зенджан были направлены новые воинские части и среди них артиллерийский отряд под командой майора Баба-бека с двумя восемнадцатифунтовыми и четырьмя двенадцатифунтовыми пушками. После длительной бомбардировки в декабре была начата атака одновременно со всех сторон. Гярусскому полку удалось овладеть крепостью Али-Мардан-Хан. Все хранившиеся там запасы бабидов были разграблены. Шахские войска захватили также укрепленный бабидами караван-сарай и несколько других укреплений⁵⁶.

Но окончательно разгромить бабидов войскам все же не удалось и на этот раз. Восставшие еще удерживали один квартал города, в центре которого находился дом муллы Мохаммеда-Али. Ночью после занятия войсками крепости Али-Мардан-Хан и укрепленного караван-сарая от бабидов бежали в лагерь шахских войск торговец-бакалейщик Хайдар, охотник Фатх-Али, один из кузнецов, изготавливавший пушки, и несколько других защитников укреплений. Все они были взяты под стражу и по приказу командующего шахскими войсками Мохаммед-хана и губернатора Зенджана Амир Аслан-хана казнены. Гобино пишет, что бакалейщик Хайдар, охотник Фатх-Али, Неджеф-Кули — сын кузнеца Казема, сделавшего для бабидов две пушки, и другие бабиды, о которых идет речь, не перебежали в лагерь шахских войск, а с боем пробившись через Казвинские ворота и скрывшись в окрестностях Зенджана. Затем они соединились в горах Тарема, откуда направились в се-

ление Дизадж. Но там их схватили и доставили в Зенджан, где после пыток они были казнены⁵⁷.

Когда дом муллы Мохаммеда-Али был окружен войсками со всех сторон, там было, по сообщению русского генконсула в Тебризе от 11 декабря 1850 г., около «70 мужчин и столько же женщин, которые отразили нападение всего войска. Теперь в подкрепление последнего, состоящего все-таки из нескольких тысяч, командировали еще один полк из Мараги»⁵⁸. Таким образом, около 150 оставшихся в живых бабидов — мужчин и женщин в течение некоторого времени успешно отбивали атаки многотысячного шахского воинства, и власти вынуждены были направить ему в помощь еще один полк. Мулла Мохаммед-Али с оставшимися в живых бабидами пытался пробиться через осаждавшие бабидов войска, но безуспешно. В схватке многие бабиды были убиты, в том числе один из руководителей восставших, заместитель муллы Мохаммеда-Али пезар хаджи Абдолла, гребенщик хаджи Ахмед и др. Сам мулла Мохаммед-Али был тяжело ранен. Через три дня после ранения он умер и был похоронен во дворе своего дома⁵⁹. После смерти муллы Мохаммеда-Али осталось около ста бабидов. Пять дней они еще отбивали атаки шахских войск. Затем оставшиеся в живых бабидские руководители Дин-Мохаммед, Машади Сулейман и Казем Култуки написали Амир Аслан-хану письмо, в котором соглашались прекратить борьбу при условии, если им разрешат свободно оставить город. Так же как и в Мазендеране, Амир Аслан-хан и шахские военачальники решили прибегнуть к обману. Они поклялись на Коране в том, что выполнят условия бабидов, но затем не сдержали своего обещания. Сложивших оружие бабидов схватили и привели на городскую площадь. Большинство бабидов были здесь же перебиты. Три бабидских вождя — Сулейман, хаджи Казем и сейид Гамазан были привязаны к жерлам пушек и расстреляны из них. Видные деятели восставших — костоправ хаджи Мохсен, мирза Реза и хаджи Мохаммед-Али были отправлены в Тегеран, где по приказу мирзы Таги-хана были казнены путем вскрытия вен. А. Гобино пишет, что пред казнью осужденные бабиды заявили, что виновные в их смерти будут жестоко наказаны богом. Они будто бы предсказали, что Амир Кабир погибнет той же смертью, к ко-

торой он их приговорил, т. е. путем вскрытия вен, что и произошло на самом деле в январе 1852 г.⁶⁰ Тело мутлы Мохаммеда-Али было вырыто из могилы, к нему была привязана веревка, и затем его таскали по улицам города и базара. После этого его выбросили в городской ров.⁶¹

С Зенджанским восстанием бабидов было покончено в конце декабря 1850 г. Кровавые расправы, которыми ханы и улемы мстили восставшим против них бабидам — зенджанским ремесленникам, беднякам города и окрестных деревень, не смогли задуть до конца движение протеста, которым народные массы отвечали на усиление экономического и политического гнета в связи с проникновением иностранного капитала. В начале 1851 г. бабидские сектанты оживили свою деятельность в Зенджане и стали готовить новое выступление против шахских властей. «Можно подумать, — сообщал русский посланник в Тегеране Долгорукий 20 февраля 1851 г., — что недостаточно напуганные резней в Зенджане бабиды снова готовятся восстать против власти, которая, будучи неспособна к милосердию, не останавливается ни перед какими средствами для их истребления. Многие из их числа были казнены»⁶². Но бабиды были обескровлены поражением восстания в Зенджане в 1850 г., и шахские власти путем арестов, казней и других репрессий быстро подавили начинавшееся было движение.

Глава VI

ВОССТАНИЯ БАБИДОВ В НЕЙРИЗЕ. ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ НАСЕР-ЭД-ДИН-ШАХА

В центре и на юге Ирана последователи Баба также вели пропаганду бабидских идей. Наиболее видным из учеников Баба в этой части страны был уже упоминавшийся в главе о пропаганде секты бабидов сейид Яхья Дараби. Как говорилось, в начале проповедей Баба сын известного в Иране улема сейида Джафара Дараби, близкий к придворным каджарским кругам сейид Яхья, был направлен шахом в Шираз для ознакомления с учением Баба и выяснения обстановки, сложившейся там в связи с проповедями руководителя этой секты. Сейид Яхья принял учение Баба и стал одним из ревностных последователей и пропагандистов бабизма.

Вернувшись из Шираза, сейид Яхья сначала вел свои проповеди в Тегеране, но здесь они успеха не имели. Тогда он перенес свою деятельность в г. Пезд, где, как говорилось выше, в течение длительного времени происходили народные волнения.

В начале 1850 г. сейид Яхья был в Пезде и проповедовал бабизм в мечетях, на базаре, на улицах города. Сначала он вел пропаганду с опаской и только среди тех, кто был известен своими симпатиями к этому учению. Но когда вокруг него собралось большое число приверженцев из городской бедноты и базарного люда, он стал выступать открыто и более смело. Число его сторонников быстро увеличивалось, и они стали готовиться к выступлению против шахских властей.

Губернатор Пезда Ага-хан в феврале 1850 г. послал вооруженный отряд своих людей с приказом арестовать сейида Яхью. Но приверженцы последнего не позволили арестовать своего вождя. Началось открытое восстание бабидов в Пезде.

Губернатор Пезда Ага-хан заперся с отрядом солдат в городской крепости, но бабиды атаковали ее и пере-

били много солдат. Губернатору пришлось бежать из крепости и из города. Тогда Пездское духовенство объявило бабидам священную войну. Были запрошены подкрепления шахского правительства. Кроме того, в Пезде сторонникам правительства и духовенства удалось создать отряд, который превосходил бабидов и по численности, и по вооружению. Силы оказались неравными. Плохо вооруженные бабиды не имели ни боеприпасов, ни продовольствия. Через несколько дней они были разбиты противниками¹. Сейид Яхья с группой последователей бежал из Пезда в Фарс. Многие бабиды попали в руки врага и были казнены. В Пезде, так же как и в Зенджане, шахские командиры расстреливали захваченных бабидов из пушек, привозя их к жертвам орудий². В частности, таким образом был убит захваченный слуга сейида Яхьи — Хасан³.

Из Пезда сейид Яхья со своими последователями направился в г. Нейриз, расположенный в провинции Фарс. По пути он останавливался в небольших городах и деревнях с проповедями бабизма. Число последователей его увеличивалось после каждой остановки. Когда он вышел из небольшого городка Феса, с ним уже было около 500 человек⁴.

Нейризом и прилегающим к нему округом в то время правил некий Зейн эль-Абедин-хан, отличавшийся чрезвычайной жестокостью, самоуправством и притеснениями населения. Еще до прибытия в город сейида Яхьи среди жителей города и округа поднялась волна возмущения против притеснений Зейн эль-Абедин-хана, и население было готово к восстанию.

В июне 1850 г. сейид Яхья со своими последователями прибыл в Нейриз и остановился в квартале Ченар-е сухте, жители которого были заранее предупреждены письмом сейида Яхьи о его предстоящем прибытии. Сразу же после приезда в Нейриз он начал проповедовать бабидское учение в мечети. Через два дня к нему присоединилось большое число жителей Нейриза. Николай пишет, что приверженцами сейида Яхьи объявили себя около ста туллабов из квартала Ченар-е сухте во главе с их руководителем хаджи шейхом Абдул-Али, который был тестем сейида Яхьи. Кроме того, к бабидам примкнули другие нейризцы, в том числе ахунд мулла Абдул-Хосейн, ахунд мулла Багер, пишнамаз квартала

Ченар-е сухте мулла Али Катеб, другой мулла Али вместе с четырьмя братьями, жители квартала Базар во главе со своими старостами и старейшинами, жители квартала Садат [сейидов], машади мирза Хосейн, называемый Кутбом, со всеми членами своей семьи, племянник губернатора мирза Абул-Касем, хаджи Мохаммед Таги Эйюб и его зять мирза Хосейн и многие другие⁵. Естественно, что Николай называет только наиболее именитых горожан Нейриза, примкнувших к сейиду Яхье.

Попытка губернатора Зейн эль-Абедин-хана изгнать бабидов из города закончилась неудачей. Убедившись, что местными силами ему не справиться с бабидами, он написал в Шираз временному правителю Фарса Насер-оль-Мольку письмо с изложением создавшегося положения и с просьбой прислать на помощь войска. Бабиды заняли старую крепость рядом с городом и стали укрепляться там. В одну из ночей они произвели вылазку в город, намереваясь захватить губернатора и его помощников. Во время ночной стычки были убиты срат губернатора Али-Аскер и несколько других нейризских ханов. Три сына губернатора были захвачены в плен бабидами. Самому Зейн эль-Абедин-хану удалось спастись бегством. После этого к сейиду Яхье стало стекаться еще больше народу. Сепехр пишет, что общее число способных носить оружие людей, собравшихся к нему, составило около 2 тыс.⁶

После удачной ночной вылазки, когда был убит Али-Аскер-хан, сейид Яхья принял меры по укреплению позиций бабидов. В частности, по его приказу был вырыт большой абамбар — хранилище для воды. В лагере бабидов были произведены назначения на различные посты. Верховным командующим войсками бабидов был назначен Ага Гулам-Реза Пезди, который прибыл вместе с сейидом Яхьей из Пезда. Кербелан мирза Мохаммед был назначен хранителем ворот (ответственным за оборону ворот); шейх Юсуф был назначен казначеем; сын Шамс эд-Дина — кербелан Мохаммед — командующим внешними укреплениями; мирза Ахмед — командующим башней мельницы Хабар, расположенной поблизости; бакалейщик машади Таги — начальником тюрьмы; Шейх — палачом; хаджи Мохаммед-Таги — счетоводом. Были произведены назначения и в самом горо-

де Нейризе. Например, был назначен военный комендант мечети джоме.

Было установлено, что каждый присоединявшийся к бабидам должен пожертвовать на общее дело все свое имущество. Таким образом, имущество всех бабидов объявлялось общим достоянием. Все, кто относился без должного уважения к установленным бабидами порядкам и к новой религии, подвергались аресту, приводились в занятую бабидами крепость и наказывались там палачом⁷.

Между тем в Фарс был назначен новый правитель, Фируз-мирза. Получив письмо, направленное его предшественнику губернатором Нейриза Зейн эль-Абедин-ханом, Фируз-мирза приказал послать для подавления восстания в Нейризе командующего хамаданскими войсками Мехр Али-хана Шоджа оль-Молька и Мустафа Кули-хана Каракозлу, который командовал силахурскими воинскими частями. Кроме того, Зейн эль-Абедин-хану было приказано набрать ополчение в окружающих Нейриз районах и присоединиться с ним к воинским частям, посылаемым из Шираза. Вместе с этими войсками в Нейриз были посланы две пушки.

Прибыв к Нейризу, войска расположились перед занятой бабидами крепостью и начали обстреливать ее из пушек, не предпринимая каких-либо других активных действий. Сейид Яхья решил произвести ночную вылазку в лагерь шахских войск. Было отобрано 300 бабидских воинов, и через шесть дней ночью этот отряд атаковал шахский лагерь. Но эта ночная вылазка бабидов оказалась неудачной. Бабида были плохо вооружены. Сепехр сообщает, что у них было только холодное оружие — мечи и деревянные дубины. Кроме того, напасть на войска врасплох им не удалось, и хотя сторонники шаха потеряли около 300 человек, бабида также понесли большие потери — половину своего отряда — около 150 человек. Среди убитых бабидов были кондитер хаджи Хосейн, каменщик Аскер, красильщик Зейн эль-Абедин, сукновал Асадолла, кузнец Мохаммед, сапожники Шамс эд-Дин и Багер и много духовных лиц. Кроме того, были случаи дезертирства среди бабидов⁸.

На следующий день сейид Яхья обратился за помощью к крестьянам соседних булюков (районов)⁹. Получив подкрепление, бабида сделали еще одну попытку

внезапного нападения на лагерь шахских войск. Но и она была отбита с большими для них потерями.

Первые же неудачи внесли в ряды восставших колебания. Участники восстания стали постепенно покидать сейида Яхью. Командиры шахских войск, увидев это и не надеясь на храбрость своих солдат, обратились к уже испытанному в Мазендеране методу — к обману. Они написали сейиду Яхье письмо с предложением прекратить борьбу и выйти из крепости и с обещанием сохранить ему жизнь. Это обещание было скреплено клятвой на Коране. Сейид Яхья, видевший, что ряды его последователей редеют, в сопровождении пяти человек, среди которых был красильщик ахунд мулла Али и хаджи сейид Абед, оказавшийся предателем, вышли из крепости и направились в лагерь шахских войск. Перед выходом из крепости Сейид Яхья предложил своим последователям, оставшимся в крепости, держаться стойко до получения от него письменных указаний.

Несколько дней Зейн эль-Абедин-хан, Мустафа Кули-хан и другие шахские военачальники не трогали сейида Яхью и относились к нему с показным уважением. Они предложили ему написать оставшимся в крепости бабидам письмо с извещением, что между ним — сейидом Яхьей — и шахским командованием заключен мир и его сторонники могут прекратить сопротивление, сложить оружие и разойтись по домам. Такое письмо сейид Яхья написал. Но одновременно он написал другое, секретное письмо засевшим в крепости, в котором предлагал им не обращать внимания на первое письмо и произвести предстоящей ночью нападение на лагерь шахских войск. Оба письма он передал предателю хаджи сейиду Абеду, который показал второе письмо Зейн эль-Абедин-хану. Последний приказал сейиду Абеду передать бабидам только первое письмо, утаив второе. Предатель Абед так и сделал. Бабида, хотя и удивились предложению сейида Яхьи сложить оружие, которое противоречило устным наказам его перед уходом из крепости, но, зная почерк сейида Яхьи, не сомневались, что оно подлинное, и считали, что такова воля их вождя. Наступившей ночью они стали покидать крепость. Но, выйдя из крепости, они были встречены огнем войск. С трудом прорвали они ряды войск и заняли в городе мечеть Джоме¹⁰.

На следующий день бабиды были схвачены войсками, дома их были разграблены, многие сожжены. Сами бабиды были закованы в железные ошейники и ручные кандалы и приведены в лагерь шахских войск. Через два дня большинство из них было казнено в Нейризе. Сейида Яхью убили родственники погибших в борьбе с бабидами, в частности сыновья брата Зейн эль-Абедин-хана, Аскер-хана, убитого бабидами в начале восстания. Они отрубили ему голову, содрали с нее кожу, набили соломой и отправили в Шираз. Тридцати двух бабидов — мужчин, женщин и детей — шахское командование и ханы решили отправить в Шираз принцу Фируз-мирзе Носрат эд-Доуле. Когда, пишет Николай, эти пленники, связанные как мешки, на верблюдах в окружении солдат с пиками, на остриях которых были насажены головы казненных бабидов, были доставлены под звуки барабанов и музыки в Шираз, жители города, пораженные жестокостью, не могли смотреть на этот гнусный спектакль и разошлись по домам. Почти все мужчины-пленники были казнены после пыток и издевательств в Ширазе. Три человека — мулла Мохаммед, хаджи Касем и Хосейн были отправлены в Тегеран, где они затем были казнены после покушения на жизнь шаха в августе 1852 г. Женщины-бабидки были брошены в тюрьму¹¹.

Часть захваченных бабидов была оставлена в Нейризе. Они подверглись различным пыткам и мучениям. Их распинали четырьмя гвоздями на стенах и столбах, жгли раскаленным железом, лишали воды и пищи, прокалывали им носы, продевали в проколы веревки и водили по улицам и базару, как медведей, плевали в лицо. Хаджи Мохаммеда-Таги прозвищу Эйюб бросили в ледяную воду. Две женщины-бабидки были брошены в колодец¹².

Губернатор Нейриза Зейн эль-Абедин-хан в течение длительного времени чинил в Нейризе и окружающих его деревнях кровавую расправу над населением, большинство которого сочувствовало бабидам. Жестокие расправы продолжались с 1850 по 1852 г. Многие жители Нейриза и окрестных деревень бежали в окрестные горы. Целыми семьями они покидали Нейриз и окружающие его деревни и уходили в горы, укрепляясь там. Иногда они делали вылазки в город. Во время одной из вылазок они напали на принадлежавший Зейн эль-Абе-

дин-хану завод по производству вина на горе Бала-Тарун, убили и ранили нескольких человек.

В течение этих лет наиболее видным из руководителей бабидов был некий Али, которого его последователи называли сардаром Али. Сторонники бабидов были и в окружении губернатора Нейриза, в частности бабидам помогал его каменщик Касем. С помощью Касема во время одной из ночных вылазок в Нейриз в 1852 г. бабиды устроили засаду в бане, где мылся ненавистный бабидам Зейн эль-Абедин-хан, и убили его¹³.

Кроме вооруженных отрядов, организованных местными ханами, против бабидов, засевших в горах, были направлены воинские части с артиллерией. Но долгое время с восставшими ничего не могли поделать. Бабиды, и мужчины и женщины, защищались с удивительной храбростью, отбивая все атаки противника. Спускаясь с гор, они производили внезапные нападения на войска, перебивали артиллеристов и выводили орудия из строя. Иногда им удавалось даже захватывать пушки и доставлять их в свои горные укрепления. В таких случаях восставшие везли орудия, пока это возможно, на лошадях, а когда их нужно было поднимать по крутым склонам гор, снимали с лафетов и сами тащили их на веревках. Добравшись до своих укреплений, они устанавливали пушки на деревянные лафеты и начинали обстреливать шахские войска и ханские отряды¹⁴.

Второе Нейризское восстание продолжалось более двух лет. Во второй половине 1852 г. правителем Фарса был назначенный вместо Фируз-мирзы другой принц — Тахмасп-мирза Моайед эд-Доуле. Сепехр пишет, что сразу же после прибытия в Шираз он стал принимать активные меры для подавления Нейризского восстания. Сепехр утверждает, что число бабидов, укрепившихся в горах, окружающих Нейриз, достигало 500. Бабиды, пишет он, доставили в горы свои семьи, имущество, скот и активно запасались в окрестных деревнях продовольствием, фуражом, а также оружием и снаряжением¹⁵. В действительности число восставших бабидов было намного большим. Николай, основывавший свои данные на сведениях, полученных от местных жителей, пишет, что после подавления второго Нейризского восстания войска захватили только женщин-бабидок более 600¹⁶.

Новый правитель Фарса, Тахмасп-мирза, после

убийства Зейн эль-Абедин-хана назначил губернатором Нейриза мирзу Наима и приказал ему немедленно выступить для подавления бабидского восстания в Нейризе. Мирза Наим, прибыв в Нейриз, сначала прикинулся желающим рассмотреть жалобы нейризцев на притеснения и репрессии Зейн эль-Абедин-хана. Под этим предлогом он пригласил к себе 150 бабидов и арестовал их. Затем он выехал в Шираз, очевидно за подкреплениями, поручив выполнять обязанности губернатора своему дяде мирзе Баба. Во время отъезда мирзы Наима в Шираз жители района Кутре прекратили уплату налогов и открыто отказались выполнять приказы мирзы Баба. Между ними и направленными против них солдатами и кавалеристами начались вооруженные столкновения, которые происходили в окружающих город садах¹⁷.

Главные силы бабидов закрепились на труднодоступной вершине горы, находящейся около Нейриза. Там они возвели около сорока укреплений. Назначены были командиры укреплений. Одним из укреплений командовал машади Дервиш, другим — Мир-Исмаил, третьим — Котби, четвертым — мулла Ша-Али и т. д. Всей обороной бабидов командовал упомянутый выше сардар Али. Ахунды шейх Абдали-Кази, мулла Абдул-Хосейн и другие вели проповеди идей бабизма среди восставших. Были выделены знаменосцы, а также специальные лица, на которых была возложена обязанность вдохновлять бабидов в бою. Хозяйственными делами восставших занимались старшие сыновья муллы Абдул-Хосейна и муллы Али-Наги¹⁸.

Тем временем к Нейризу прибыли новые подкрепления шахских войск. Появились мирза Наим с гольпайеганскими солдатами и двумя пушками, кашкайский и фарсский полки с несколькими пушками во главе с полковником Лотф-Али-ханом. Шахские солдаты не имели опыта войны в горах, они были напуганы отчаянным сопротивлением бабидов, и к тому же многие сочувствовали восставшим. Поэтому, не полагаясь на них, Тахмасп-мирза приказал направить к Нейризу отряды воинственных горных племен из Эстехбаната и Дарабджерда, а также ополчение племени инанлу, для которых военные операции в горах были привычным делом. Эти воинские части, прибыв к Нейризу, окружили гору, где укрепились бабиды. Тысячи эстехбанатских стрелков и ополчение

племени инанлу заняли позиции у горы по дороге на Иредж. Мирза Наим с гольпайеганскими сарбазами занял дорогу на Дарб-е шекаф. Другие воинские части, а также тысяча мобилизованных нейризцев под командованием калантара Нейриза мирзы Юсуфа и Мехаммед Реза-хана — брата убитого Зейн эль-Абедин-хана блокировали дорогу на Доуре-йе кулат¹⁹.

Затем войска начали наступление против бабидов. Бои начались неудачно для восставших. Отряды племен инанлу и эстехбанатцы заняли почти 30 укреплений бабидов. Но затем на место боя прибыл сардар Али, и бабиды обратили врага в бегство. Занятые бабидские укрепления были отбиты. Во время ночной вылазки, предпринятой бабидами, они нанесли значительные потери шахским войскам и захватили большие трофеи, в том числе одну пушку, брошенную при отступлении правительственными войсками. Сам губернатор Нейриза мирза Наим едва спасся бегством. Бабиды захватили также изменников — хаджи сейида Абедина и роузехана Хосейна и казнили их. В течение последующего месяца бабиды были хозяевами положения в районе. В одну из ночей восставшие совершили вылазку в нейризский квартал Садат, жители которого в свое время осквернили труп сейида Яхьи. Над совершившими это осквернение людьми была учинена жестокая расправа²⁰.

Когда об этих событиях было сообщено правителю Фарса Тахмасп-мирзе, он приказал ввести в действие против восставших кашкайский полк, воинские части под командованием полковника Лотф-Али-хана, гольпайеганский полк. Была произведена также мобилизация в ряде районов Фарса, прилегающих к Нейризу, — Эстехбанате, Иредже, Пандже, Маадане, Кутре, Бешне, Дехчахе, Мушкане, Дехмурде, Хадже Джемале, Чехаррахии, Карахи. Были также призваны нейризские стрелки и ополчение племени бахарлу под командованием Ахмед-хана, Хан-мирзы и Махсум Али-хана. Всего против восставших бабидов были мобилизованы войска численностью около 12 тыс. человек. Они окружили горы, где укрепились бабиды. Сам мирза Наима вместе с богатыми жителями Нейриза и гольпайеганским полком разбил свой лагерь неподалеку от укреплений бабидов в долине Неджирийе. По его приказу был захвачен источник Ягуги, из которого бабиды снабжались водой²¹.

Сардар Али с отрядом бабидов совершил вылазку, во время которой было перебито много солдат, охранявших источник. Со стороны бабидов был ранен знаменосец кербелая Аскер.

Нападения войск на укрепления бабидов продолжались. Стрелкам из племени бахарлу удалось занять бабидские укрепления хаджи Касема и хаджи Кутбахи. Они также разместили своих стрелков в соседнем лесу. И когда однажды сардар Али с несколькими бабидами выехал для разведки лагеря шахских войск и проезжал мимо этого леса, он и три сопровождавших его бабида были убиты²².

Оставшиеся в живых руководители бабидов машади мирза Хосейн и мирза Ахемед после гибели сардара Али решили обосноваться на Асбаранском укреплении. Положение их ухудшилось, продовольствие кончалось. У них осталось только немного риса, инжира и ослов. Они резали ослов и делили среди мужчин их мясо, а женщинам давали по одной инжирине в день. В их распоряжении остался только один небольшой источник воды, которой бабидам не хватало. Ослы сталидохнуть от недостатка воды. Запасы пороха и других боеприпасов также истощились. Наступала зима 1852 г., становилось холодно, а у бабидов не было теплой одежды²³.

В течение нескольких дней Лотф-Али-хан со своими стрелками, отрядами бахарлу и другие войска, воспользовавшись тяжелым положением восставших, вели артиллерийский обстрел и атаковали позиции бабидов. Но восставшие, несмотря на исключительные трудности, отчаянно защищались. Командование шахскими войсками путем лживых обещаний попыталось склонить бабидов сложить оружие, но безуспешно. Тогда атаки войск возобновились. У бабидов кончились все запасы пороха и пуль²⁴. Большинство оставшихся в живых восставших погибло в последующих рукопашных схватках, а остальные были захвачены в плен. Только женщин-бабидок было захвачено более 600²⁵.

Затем начались еще более страшные расправы, чем при подавлении первого Нейризского восстания в 1850 г. Набил, от имени которого об этих событиях рассказывает в «Тарих-е джадид», собравший эти сведения от непосредственных участников и очевидцев второго Нейризского восстания, сообщает, как расправились шах-

ские военачальники с группой бабидских женщин и детей. Сорок женщин и детей, захваченных войсками, были загнаны в горную пещеру. Вход в нее заложили хворостом, облили нефтью и подожгли. Все женщины и дети задохнулись в пещере. Николя, ссылавшийся на сведения, полученные от очевидцев событий, сообщает, что часть пленных женщин была отправлена под конвоем в Шираз. Впереди толпы пленных, писал он, ехал на лошади губернатор Нейриза мирза Наним, орудующий всадниками с пиками, на остриях которых были головы убитых и казненных бабидов. Пленных подгоняли ударами хлыстов и сабель. Женщин загоняли во рвы, заполненные холодной водой. Многие женщины были обнажены, их били камнями, ногами, палками плевали им в лицо, подвергали различным оскорблениям и издевательствам²⁶.

Многие захваченные войсками мужчины-бабиды были убиты на месте или казнены после всяческих издевательств в Нейризе. Восемьдесят бабидов, связанных по десять, под конвоем солдат были отправлены в Шираз. По дороге некоторые бабиды, например сейид Мир-Мохаммед и другие, умерли от холода и побоев. В Ширазе часть захваченных бабидов, отказавшихся публично проклясть Баба, были казнены. По требованию шаха 73 бабида были направлены в Тегеран. По дороге туда 22 человека умерло, 15 было казнено в Тегеране, 23 скончалось в тюрьме²⁷. Многие женщины и дети бабидов были проданы в рабство. Так расправились шах и феодалы с последним массовым антифеодальным выступлением народных масс, происходившим в середине XIX в. под знаменем бабидских идей и руководимых учениками Баба.

После того как были разгромлены массовые антифеодальные восстания в Мазендеране, Зенджане, Пезде и первое Нейризское восстание, крестьяне, городская беднота и ремесленники центрального и северного Ирана, потерявшие лучшие свои силы, уже не могли продолжать вооруженную борьбу со своими угнетателями — феодалами. Постепенно они отошли от движения, которое стало терять массовый характер. Попытки выступить в Барфуруше весной 1852 г., в Зенджане, в Иранском Азербайджане и других районах этой части Ирана не были поддержаны широкими народными массами и бы-

ли быстро подавлены шахским правительством. Лишившись поддержки крестьян, городской бедноты и ремесленников, бабидские проповедники, состоявшие главным образом из представителей низшего духовенства и торговцев, перешли к террористическим методам борьбы.

В 1852 г. они собрались в большом числе в Тегеране и начали готовить покушение на жизнь шаха. Затем, как пишет Реза-Кули-хан, они будто бы намеревались захватить крепость в Тегеране, казначейство и арсенал²⁸. Бабиды собирались и разрабатывали свои планы в доме хаджи Сулейман-хана, брата убитого бабидами в Зенджане Фаррох-хана. Руководящую роль в подготовке покушения на жизнь шаха играл один из последователей Баба, шейх Али Торшизи²⁹. Для осуществления своего плана бабиды организовали систематическое наблюдение за дворцом Ниаваран, где шах проводил летние месяцы. Они узнали, что 16 августа 1852 г. шах собирается ехать на охоту за куропатками. Около десяти бабидов, переодетых дервишами, спрятав пистолеты под одеждой, укрылись в разных местах около дороги, по которой должен был проезжать шах.

Насер-эд-Дин-шах ехал на охоту немного впереди своей свиты. Иногда при выезде из дворца он позволял приближаться просителям и передавать ему лично петиции и просьбы, на которые он или отвечал здесь же на месте, или передавал своей свите для разрешения в гражданском или духовном суде³⁰.

Троица бабидов — мулле Фатхолле Куми, Садыку Зенджани и мирзе Мохаммеду Нейризи — удалось под видом просителей приблизиться к шаху. Они произвели несколько выстрелов из пистолетов, заряженных крупной дробью, по Насер-эд-Дин-шаху. Одним из выстрелов шах был легко ранен в плечо. Затем один из покушавшихся бросился на шаха и стащил его с лошади, намереваясь прикончить кинжалом. Но в это время подоспели охрана и свита. Садык Зенджани был убит на месте, а мулла Фатхолла Куми и мирза Мохаммед Нейризи схвачены.

Когда весть о покушении на шаха распространилась в Тегеране, там началась паника. Базар и лавки закрылись. Как пишет Вотсон, ожидали, что вспыхнет восстание³¹. Рана шаха была незначительной, и на следующий день по совету нового садр азама мирзы Ага-хана для

успокоения Тегерана был устроен прием столичной аристократии и богачей. Опасались также, что слухи об убийстве шаха бабидами, которые могли распространиться по областям Ирана, вызовут новые восстания против шахских властей. Поэтому садр азам мирза Ага-хан еще в день, когда было совершено покушение, разослал гонцов к губернаторам провинций и правителям областей с извещением о том, что покушение не удалось и шах остался жив.

Арестованные на допросе сознались в том, что они являются бабидами и хотели убить шаха в отместку за казнь Баба и расправы над их сторонниками в Мазендеране, Тегеране, Зенджане, Нейризе и других местах. Аджудан-баши Азиз-хану Хаджиб эд-Доуле, градоначальнику Тегерана Махмуд-хану и полиции было приказано произвести тщательные розыски бабидов в городе. Начались повальные облавы и аресты среди тех, кто подозревался в сочувствии к бабидам.

В доме хаджи Сулейман-хана было арестовано 12 бабидов во главе с хозяином. Арестованы были также организатор покушения мулла шейх Али Торшизи, автор истории бабизма мирза Джани Кашани, Бехаолла — всего несколько десятков человек. В их допросах принимал участие сам садр азам — мирза Ага-хан Нурн. Несколько человек, в том числе мирза Хосейн-Али Бехаолла, мирза Сулейман Кули, мирза Мохаммед Ага Абдолла, мирза Джевад Хорасани и мирза Хосейн Куми, были заключены в тюрьму, и следствие по их делу продолжалось³². Всех остальных приговорили к смертной казни. Большинство из них не имело никакого отношения к покушению на жизнь шаха; они были казнены только потому что у них либо были найдены сочинения Баба, либо они сами сознались в принадлежности к его последователям.

Насер-эд-Дин-шах очень боялся, что если ответственность за казнь бабидов будет лежать только на нем одном, то месть последователей Баба и товарищей казненных обрушится также только на него. Движимый этим чувством страха, он решил привлечь к непосредственному участию в казни бабидов всех придворных, министров и вообще всех влиятельных и власть имущих лиц и переложить таким образом на них ненависть и месть бабидов. Высшее духовенство пришло к нему на помощь

и объявило, что убийство бабидов является святым делом. Затем приговоренные к смертной казни бабиды были распределены между придворными, министрами, представителями высшего духовенства и другими важными лицами, которые должны были сами лично убить осужденных³³. Так началось кровавое состязание представителей правящих кругов Ирана в том, чтобы как можно более жестоко убить бабидов и тем самым доказать свои верноподданнические чувства к шаху.

Организатор покушения на жизнь шаха мутла шейх Али Торшизи был убит мусульманскими богословами — улемами. Сейид Хасан Хорасани был отдан шахзаде — принцам, которые разрубили его на куски. Мутла Зейн эль-Абедин Пезди был убит мостоуфи-эль-мамалеком и другими государственными чиновниками. Мутлу Хосейна Хорасани убили Незам-оль-Мольк, мирза Санд-хан и чиновники министерства иностранных дел Ирана. Э. Броун пишет, что Хосейн Хорасани не имел никаких связей с шейхом Али Торшизи или другими бабидами. Единственным поводом для его казни было сочинение Баба, найденное в его доме³⁴.

Мирза Абд эль-Вахаб Ширази был убит братом садр азама Джафар-Кули-ханом и его сыновьями. Мутле Фатхолле Куми, который во время покушения на жизнь шаха ранил его, перед казнью нанесли несколько ножевых ран и вставили в них горящие свечи. После этих пыток глава шахских феррашей хаджи Али-хан выстрелом в спину смертельно ранил мутлу Фатхоллу, а ферраши прикончили его ножами. Шейх Аббас Тегерани был убит придворными ханами. Мохаммед Багер Неджефабади, участвовавший, по его собственному признанию, в бабидских восстаниях в Мазендеране и Зенджане, был убит личными слугами Насер-эд-Дин-шаха.

Казнь Мохаммед-Таги Ширази была поручена начальнику шахских конюшен Асадолла-хану. По его приказу конюхи сначала прибили гвоздями к ногам Мохаммеда-Таги лошадиные подковы, а потом убили его. Мохаммеда Неджефабади казнили церемониймейстер шахского двора, его помощники и другие придворные. Мирзу Мохаммеда Тебризи, который, по сведениям Сепехра, сражался с шахскими войсками в Мазендеране, Зенджане и Нейризе, убил начальник шахской охраны мирза Мохаммед-хан со своими подчиненными³⁵.

Мохаммед-Таги Неджефабади отдали на расправу артиллерийским офицерам. Они сначала вырвали ему глаза, а затем расстреляли из пушки, привязав предварительно к ее жерлу.

Секретарь Баба сейид Хосейн Пезди, спасшийся во время казни Баба отречением от своего руководителя, был убит Азиз-ханом, генералами, полковниками и другими высшими офицерами армии. Ага Махди Кашани убили ферраши. Мирза Наби Демавенди был доставлен в высшее духовное училище Тегерана, где улемы и тулабы (студенты) разрубили его на куски. Мирзу Рафи Нури растерзали кавалеристы. Мирза Махмуд Казвини был отдан для казни офицерам легкой артиллерии, которые привязали его к фальконету и зарезали кинжалами. Хосейна Мияли закололи штыками солдаты. Мутлу Абдул-Керима Казвини убили артиллеристы, а Лотф-Али Ширази убили шахские скороходы.

Неджефа из Хамсе отдали на растерзание толпе тегеранцев, которые забили его до смерти камнями и палками. Казнь автора «Истории бабизма» хаджи мирзы Джани Кашани поручили главе купеческой гильдии Тегерана Ага Махди и другим тегеранским купцам. Каждый из них нанес мирзе Джани по удару, от которых тот и скончался.

Хасана из Хамсе убил главный шахский повар Насролла-хан. Мохаммед-Багер из Кухпайе был зарублен саблями вождями каджарского племени.

Тело убитого при покушении на шаха Садыка Зенджани по специальному указанию шаха было вырыто из земли, разрублено на куски, которые затем были вывешены на воротах Тегерана. Хаджи Сулейман-хану и Касему Нейризи, который считал себя преемником сейида Яхьи Дараби, так же как и мутле Фатхолле Куми, нанесли много ран, в которые вставили горящие свечи. Это было сделано по приказу заместителя главы феррашей в шахском дворце в Тегеране. Затем в сопровождении кривлявшихся шутов их провели по базарам и улицам Тегерана через весь город. За воротами Шах-Абдул-Азима их тела были распилены на куски, которые ферраши повесили на четырех тегеранских воротах³⁶.

Через несколько дней после покушения на жизнь шаха была казнена и знаменитая бабидская проповедница Куррат эль-Айи. После собрания бабидов в Бедаште

Куррат эль-Айн вернулась в Казвин и через некоторое время была арестована и отправлена в Тегеран, где ее поместили в доме тегеранского калантара (градоначальника) Махмуд-хана. Там она пользовалась относительной свободой, принимала, как пишет Николя, мужчин и женщин и проповедовала им бабидские идеи. Женщинам она внушала мысль, что новая религия дает им свободу и уважение³⁷.

А. Гобино также сообщает, что Махмуд-хан, в доме которого находилась Куррат эль-Айн, относился к своей пленнице весьма благожелательно. Видимо, благодаря его заступничеству перед казнью ее вызвали в шахский дворец Ниаваран и в присутствии принцев, сановников, арестованных бабидов и представителей народа пытались склонить к отречению от бабизма. Перед этим Махмуд-хан предупредил Куррат эль-Айн о предстоящем вызове и уговаривал отказаться от бабизма, говоря, что это спасет ей жизнь. Но она отказалась купить себе жизнь ценой отречения от Баба и его учения³⁸.

Николя утверждает, что Куррат эль-Айн находилась в доме Махмуд-хана до назначения Ага-хана Нури садр азамом. После того как Ага-хан стал садр азамом, он приказал мулле мирзе Мохаммеду Эндермени и хаджи мулле Али Кени встретиться с Куррат эль-Айн и выяснить ее религиозные взгляды. Муллы несколько раз беседовали с Куррат эль-Айн. Она заявила им, что Баб — это обещанный Махди, а на их утверждение, что скрытый имам, по шиитским верованиям, должен появиться из мифических городов Джабулка и Джабулса, она отвечала, что таких городов на самом деле не существует и все это придумано традиционалистами из высшего духовенства, глупыми и невежественными. Муллы-судьи усмотрели в этом вероотступничество и сочли, что Куррат эль-Айн заслуживает смертного приговора. Их решение было утверждено шейхом. Куррат эль-Айн была полузадушена ночью в саду Ильхани, затем сброшена в колодезь и засыпана землей. Николя сообщает, что сад Ильхани в то время находился напротив здания английской миссии и турецкого посольства³⁹.

Сведения эти подтверждаются и материалами, хранящимися в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В письме от 15 числа (месяц и год не указан, но письмо лежит в

папке писем Баумгартена Ф. А. Бакулину за период с 25 марта 1873 г. по 15 декабря 1874 г.) Баумгартен со ссылкой на своего осведомителя-бабиду сообщает следующее о казни Куррат эль-Айн: «Накануне четвертого дня после покушения на жизнь шаха за ней прислали двух орделей (полицейских. — М. И.), которые доставили ее в сад Ильхани, что рядом с садом Лоле-Зорь (Лалезар) за городскими воротами Давлет. Когда ее привели в сад, то хаджи Али хан Хаджибат Доуле, шахский феррашбаши, объявил ей, что или она должна отказаться от новой веры, или подвергнуться казни, если будет упорствовать. Конечно, она не отказалась. Когда палач приблизился к ней, чтобы надеть петлю, тогда она попросила, чтобы к ней не прикасались; сама надела петлю, а палачам предоставила затянуть ее. Когда таким образом удавили ее, тогда труп ее бросили в высокий колодезь, находившийся в саду, и засыпали землей. Баби (бабиды) и теперь посещают это место, втайне делая зиярет (поклонение) могиле прекрасной мученицы»⁴⁰. Так было покончено с замечательной иранской женщиной, поднявшей на борьбу с феодальными порядками за равноправие женщин.

Кроме перечисленных казненных бабидов были убиты десятки других людей по обвинению в принадлежности к секте бабидов.

Автор работы о бабидском движении в Иране «Мефтах Баб эль-Абваб» сообщает, что волнения в Тегеране после покушения бабидов на жизнь Насер-эд-Дин-шаха продолжались в течение двух недель. Он утверждает, что в это время по обвинению в принадлежности к бабидам было убито несколько сот человек, в том числе десятки людей, в действительности не являвшихся бабидами и обвиненных в этом их врагами⁴¹.

Вслед за расправой над бабидами в Тегеране их преследования и казни начались по всему Ирану. После покушения на жизнь шаха в Нейризе, как уже говорилось, в течение нескольких месяцев продолжалось второе Нейризское восстание бабидов, с которым шахским властям и феодалам удалось покончить только почти через полгода после покушения на шаха.

Второе Нейризское восстание бабидов было последним крупным массовым антифеодальным выступлением середины XIX в. Некоторым видным бабидам удалось

избежать арестов и казни. Среди них был и Собхе-Азаль, которого, как утверждает мирза Джани Кашани, Баб незадолго до казни назначил своим преемником⁴². Собхе-Азаль удалось бежать в Багдад. Через несколько месяцев туда прибыл и его брат Бехаолла, высланный шахским правительством из Ирана. Вслед за ними в Багдад прибыли еще несколько бабидов. В 1864 г. иранское правительство потребовало от Турции перевести бабидов в более отдаленное от иранских границ место. В том же году их перевели сначала в Константинополь, а затем в Адрианополь.

В эмиграции между Собхе-Азалем и его старшим братом Бехаоллой началась борьба. Каждый из них считал себя преемником Баба. В рядах последователей Баба, выступавших до его казни и подавления бабидских восстаний общим, единым фронтом, произошел раскол. Сторонники Собхе-Азала стали называться азалитами, а сторонники Бехаоллы — бехантами. Азалиты остались верными учению Баба и не изменили основные положения, которые проповедовались Бабом. Бехаолла и беханты изменили учение Баба. Они отвергали те революционно-демократические принципы, которые были провозглашены на собраниях бабидов в Бедаште летом 1848 г. Бехаолла решительно выступил против революции и революционных, насильственных методов борьбы. В своих посланиях шаху он заявлял, что и он, и его последователи являются покорными подданными шаха и осуждают всякие выступления против шахской власти. Он заверял, что его учение не имеет отношения к политике и ставит своей целью только «очищение и просветление людских душ и сердец» и т. д. Бехаолла утверждал, что беханзм использует только средства мирной пропаганды и ни в коем случае не прибегает к насилию. Беханзм защищал частную собственность и социальное неравенство людей.

Бехаолла выступал также против национальной независимости Ирана. Он заявлял, что человек не должен испытывать патриотические чувства и гордиться тем, что он любит свою родину. Нужно, утверждал он, любить не свою родину, а весь мир. В связи с этим беханты провозглашали необходимость ликвидации национальных границ, введения единого мирового языка, создания мирового правительства. Они проповедовали не-

обходимость соединения религии с наукой и тому подобные идеи.

Таким образом, космополитическая, примиренческая в отношении шахского режима идеология Бехаоллы и бехантов не имела ничего общего с демократическими, антифеодальными требованиями, которые выдвигали Баб и особенно его ученики на Бедашских собраниях, а затем пытались претворить в жизнь во время восстаний в Мазендеране, Зенджане и Нейризе.

Беханзм, по существу, порвал с бабизмом и стал выражать интересы иранских торговцев-компрадоров, агентов и посредников иностранного капитала, которым независимость страны, борьба с влиянием иностранных держав и капитала были не нужны, так же как было не нужно и радикальное изменение существующего в Иране феодального общественного строя.

Чтобы подвести под этим изменением учения бабидов базу законности, Бехаолла в 1867 г. объявил, что он является новым пророком, который устанавливает новые порядки и законы. Сторонники Собхе-Азала не признали претензии Бехаоллы, и между азалитами и бехантами разгорелась вражда. В ход были пущены все средства, вплоть до убийств. В 1868 г. турецкое правительство выслало азалитов и бехантов из Адрианополя в разные места: бехантов в Акру, азалитов — в Фамагусту на о-в Кипр. С этим выселением борьба между азалитами и бехантами не закончилась и продолжается до сих пор. Но изложение всех перипетий этой борьбы выходит за рамки нашей темы.

Подведем итог всему сказанному об антифеодалных восстаниях середины XIX в. в Иране. Прежде всего следует выявить причины, которые создали предпосылки для выступлений против феодального строя. В этой связи надо отметить последствия проникновения иностранного, главным образом западноевропейского, капитала в Иран. Оно оказало серьезное влияние на экономику страны, вызвав в конечном итоге обострение кризиса феодального строя.

Главным результатом проникновения иностранного капитала, которое в то время происходило в форме ввоза западноевропейских потребительских товаров фабричного производства, был подрыв иранской домашней промышленности и ремесла, которые не выдерживали конкуренции дешевых иностранных товаров. Домашняя промышленность была важным элементом экономики иранской деревни, где сохранялись еще остатки сельской общины. Подрыв домашней промышленности губительно сказался на экономике иранской деревни и сельской общины. Такое же действие оказывала конкуренция иностранных товаров на городское ремесло. Экономические основы феодального строя Ирана — сельская община и городское ремесло — начали быстрее, чем раньше, разрушаться под воздействием конкуренции иностранных товаров. Это разрушение старых экономических форм производства не восполнялось новыми, более производительными формами. Наряду с домашней промышленностью и ремеслом разрушались и те зачатки капиталистических мануфактур и первых фабрик, которые имелись уже к этому времени в Иране. Создать возможность для существования и развития зачатков новой, более производительной формы производства можно было лишь в случае, если бы шахское правительство защитило его от иностранной конкуренции высокими ввозными пошлинами и создало внутри страны благоприятные условия для развития мануфактур и фабрик. Но этого

шахское правительство не делало. Откупная система, необеспеченность прав собственности и личности, феодальная раздробленность страны, самоуправство правителей и губернаторов провинций и областей, лихоимство и продажность судов, широко распространенное взяточничество и другие внутренние условия, характерные для феодального строя, являлись серьезными препятствиями для развития мануфактур и фабрик.

Что же касается борьбы с конкуренцией иностранного капитала и товаров, то правительство шаха и феодалов не только не стремилось ее ограничить, но своей политикой заключения кабальных торговых и других договоров, установления режима капитуляций для иностранных подданных, выполнения требований иностранных посланников и консулов и другими уступками иностранным представителям укрепляло позиции иностранного капитала в Иране во вред домашней промышленности, ремеслу и мануфактурам своей страны. Иностранные государства уже к середине XIX в. начали закабалить Иран и превращать его в зависимую страну. Шах, его министры и губернаторы стали выполнять роль пособников иностранных держав в этом закабалении.

Результаты проникновения иностранного капитала в Иран сказались неблагоприятно не только на домашней промышленности и ремесле, но также и на сельском хозяйстве, которое было главной отраслью иранской экономики. Усиление роста товарно-денежных отношений, которое было одним из последствий укрепления позиций иностранного капитала, привело к кризису ленного землевладения. Потребности иранских феодальных ханов в деньгах возрастали. Кроме перевода части натуральных феодальных повинностей крестьян в денежную форму, а также продажи ханской доли урожая ханы стали закладывать свои земли ростовщикам, а иногда и продавать их. Шире стали распространяться собственные посевы землевладельцев. Начал расти новый тип феодалов — помещиков, которые владели землей не на основе ленного права, а на основе частной помещичьей собственности на землю. Рост удельного веса этой формы землевладения — арбаби, или мельк, — не означал какого-либо существенного изменения в самой сути феодальных производственных отношений.

Эксплуатация крестьян феодальными землевладельцами оставалась такой же, как и при ленном землевладении, она даже увеличилась. Но владельцы земель арбаби, а также и часть феодальных ханов-ленников, будучи в большой мере связанными с внутренним и внешним рынком, были заинтересованы в проведении таких мер, которые способствовали бы развитию помещичьего хозяйства, — в ликвидации феодальной раздробленности, в укреплении власти центрального правительства, в пресечении бесконтрольного самоуправства и произвола губернаторов, в улучшении путей сообщения и связи, в реорганизации финансовой системы и судопроизводства, в реформах в армии, которая была необходима для подавления крестьянских и городских восстаний и мятежей непокорных феодалов. Их интересы в этом отношении сближались с интересами крупного купечества, которое также было заинтересовано в этих реформах, необходимых для развития более свободного товарооборота. Кроме того, крупное и среднее купечество все чаще стало вкладывать свои свободные капиталы в покупку земель и выдачу ссуд под земли. Таким образом, к середине XIX в. в Иране наряду с ярыми реакционерами — сторонниками сохранения старых общественных и политических порядков в рядах господствующего класса стала формироваться небольшая группа, заинтересованная в проведении некоторых реформ при сохранении основ феодального строя.

Последствием проникновения иностранного капитала и связанных с ним изменений в социально-экономической жизни страны для широких народных масс было ухудшение их положения. Усилилась эксплуатация основного угнетенного класса феодального Ирана — крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения. Возросли размеры феодальных повинностей и налогов. Некоторые натуральные повинности стали взыскиваться в денежной форме. Увеличившаяся потребность в деньгах заставляла крестьян обращаться к ростовщикам. Разорение домашней промышленности в результате конкуренции иностранных товаров явилось тяжелым ударом по крестьянам. Чума, холера и другие эпидемические болезни часто поражали различные области Ирана, а иногда и страну в целом. Пытаясь найти выход из своего крайне тяжелого положения, крестья-

не покидали деревни и бежали в города, где их ждала участь городской бедноты и нищета.

Городские ремесленники в середине XIX в. тоже испытывали разоряющее воздействие конкуренции иностранных товаров.

Отказ европейских торговых фирм предоставлять иранским купцам кредиты после торгового кризиса 1836—1837 гг. и связанное с этим, хотя и временное, но резкое сокращение внешней торговли в конце 30-х годов были дополнительной причиной недовольства купечества феодальными порядками, существовавшими в Иране.

Значительная часть низшего духовенства, связанная с торговцами, ремесленниками, а иногда и с крестьянами, также выражала недовольство произволом и злоупотреблениями высшего духовенства и шахских аластей. Будучи единственной грамотной прослойкой среди широких слоев населения, низшее духовенство, муллы, акунды, сейиды порождали в своей среде таких представителей, которые отражали недовольство и протесты народных масс. Они чаще, чем представители других слоев населения, становились руководителями антифеодальных выступлений широких трудящихся масс.

Таким образом, проникновение иностранного капитала в Иран вызвало обострение кризиса феодальной экономики и рост социальных противоречий. Свидетельством этому были участвовавшие к концу 40-х годов XIX в. стихийные выступления широких слоев населения против произвола и бесчинств шахских правителей и феодальных ханов.

Часть господствующего класса пыталась выйти из создавшегося в стране положения путем укрепления власти центрального правительства, создания регулярной армии и проведения других реформ. Сильная центральная власть нужна была им прежде всего для подавления ширившихся антифеодальных выступлений народных масс — крестьянства, ремесленников, городской бедноты. Такой попыткой и были реформы Амира-Кабира мирзы Таги-хана — реорганизация армии, финансовой системы, борьба с казнокрадством и взяточничеством, сокращение числа чиновников, борьба с чрезвычайно сильным влиянием высшего духовенства и другие мероприятия. Эти реформы отражали интересы феодалов нового типа — помещиков, а также купечества.

ва. Они создавали условия для зарождения буржуазных отношений. Подготовку условий для роста будущей буржуазии в Иране и в других странах Востока в середине XIX в. отмечал Ф. Энгельс. В статье «Движения 1847 г.», написанной в январе 1848 г., он писал: «А все эти блестящие успехи „цивилизации“ в Турции, Египте, Тунисе, Персии и других варварских странах — в чем ином заключаются они, как не в подготовке условий для расцвета будущей буржуазии»¹.

Но проведение этих реформ восстановило против мирзы Таги-хана противников нововведений и сторонников старых порядков — феодальную аристократию и высшее духовенство. Амир-е кабир был самым решительным сторонником и организатором беспощадного подавления народных антифеодальных выступлений, в частности бабидских восстаний. Это соответствовало интересам всего класса феодалов в целом, так как восстания грозили самому существованию феодального строя. Реакционное окружение Насер-эд-Дин-шаха терпело миру Таги-хана до тех пор, пока он вел борьбу с восстаниями. И как только основные антифеодальные выступления середины XIX в. были подавлены, они добились сначала снятия его с поста садр азама, а затем убили его. Сторонники реформ потерпели неудачу.

В случае осуществления эти реформы имели бы для Ирана прогрессивное значение, так как привели бы к укреплению центральной власти правительства, к ликвидации феодальной раздробленности, к созданию условий для развития производительных сил. Правда, это вряд ли привело бы к улучшению положения широких народных масс. Результаты реформ были бы использованы помещиками и купечеством. Для большинства же народа они принесли бы укрепление власти их господ.

Широкие народные массы стремились к радикальному изменению существовавших порядков. Крестьяне, ремесленники, городская беднота, мелкое и среднее купечество были заинтересованы в уничтожении феодального строя и свержении власти ханов. В середине XIX в. уровень социально-экономического развития страны был еще настолько низким, феодальные порядки в экономической и политической жизни были настолько сильны, что интересы торговцев и верхушки ре-

месленников, из среды которых выходила буржуазия, еще не пришли в противоречие с интересами трудящихся слоев населения — крестьян, ремесленников и беднейшей части населения городов. Наоборот, испытывая гнет одного и того же феодального строя, правда в разной степени и в различных формах, имея общего врага — светских и духовных феодалов и защищавших их шахских властей, интересы торговцев, крестьян и ремесленников во многом совпадали.

Возмущения и протесты народных масс феодальным строем принимали формы различных шиитских сект, выступавших против официальной шиитской доктрины и высшего духовенства, которое защищало феодальные порядки. Религиозная оболочка идеологии широких народных масс и то, что она принимала сектантскую форму ереси, были следствием господства в Иране средневековых порядков в экономической и общественной жизни. В этих условиях никакая иная форма идеологии была невозможной. Все народные выступления в эпоху средневековья не только в Иране и в других странах Востока, но и в Европе неизбежно происходили в форме религиозных движений, хотя под этой формой скрывались вполне реальные классовые интересы. В одной из своих последних работ, «К истории первоначального христианства», написанной в середине 1894 г., Ф. Энгельс, говоря о «первых восстаниях угнетенных крестьян и в особенности городских плебеев», пишет: «Эти восстания, как и все массовые движения средних веков, неизбежно выступали под религиозной оболочкой...; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались весьма осязательные мирские интересы». В примечании к этой фразе Ф. Энгельс добавляет: «Так же или почти так же обстоит дело с восстаниями в Персии и в других мусульманских странах. Все эти проходившие под религиозной оболочкой движения вызывались экономическими причинами»².

Недовольство широких слоев народа Ирана в середине XIX в. нашло отражение в учении бабидов, в котором под религиозной оболочкой скрывалось вполне реальное, земное содержание. В нем нашли отражение классовые интересы прежде всего иранского купечества и в общей форме — интересы широких угнетенных слоев населения, крестьян, городских низов, ремесленников.

Баб провозглашал отмену Корана и шарията, организацию священного царства бабидов, откуда будут изгнаны иностранцы и вообще все небабиды, а их имущество будет конфисковано и разделено между всеми бабидами. В общих принципах своего учения Баб отразил стремления крестьян, плебейской части населения городов, ремесленников и мелкого и среднего купечества уничтожить существующий феодальный строй, а также их мечты о будущем царстве, где люди будут равны и счастливы, где не будет феодального гнета и влияния иностранного капитала, разорявшего ремесло и домашнюю промышленность.

Но, отражая в этих общих требованиях интересы широких демократических слоев населения, Баб, будучи по своему социальному происхождению и положению торговцем, в своей программе конкретных требований не сумел отказаться от интересов своего социального слоя и выдвигал на первый план требования торговцев, которые иногда противоречили интересам крестьян и беднейшей части населения городов. Таковыми были требования отказа от полного равенства людей при разделе конфискованного у иностранцев и всех небабидов имущества, узаконение ростовщического уровня процентов, исключения для торговцев в правилах въезда и выезда из священной страны бабидов, установления тайны торговой переписки и др. Учение Баба не было последовательной идеологией эксплуатируемых феодалами крестьян и беднейшей части городского населения.

Баб и его ближайшие последователи не обращались непосредственно к широким угнетенным слоям населения. Движение городских плебеев, крестьян, ремесленников, их стихийные выступления и восстания начали расти и шириться еще до пропаганды бабидов среди них. Бабиды вначале думали осуществить свои идеи путем привлечения на свою сторону господствующих слоев общества — шаха, придворных, губернаторов, отдельных представителей высшего духовенства. И только после того, как они убедились, что их пропаганда среди господствующих слоев вызывает только преследования и гонения властей и высшего духовенства против проповедников бабизма, и после того, как они увидели, что широкие угнетенные народные массы, которые уже вели антифеодальную борьбу, присоединяются к Бабу и

его ученикам и включаются в их борьбу против феодального строя, только после этого бабиды обратились со своей проповедью к народу.

Вместе с этим поворотом в бабидской пропаганде рядов учеников Баба выделились те, которые были теснее связаны с эксплуатируемыми массами народа. Их перестало удовлетворять учение Баба, в котором на первом месте стояли интересы и требования торговцев. Они пошли значительно дальше, отбросив из учения Баба все то, что противоречило интересам эксплуатируемых крестьян и городских плебеев. Возглавили эту группу учеников Баба выходец из крестьянской семьи мулла Мохаммед-Али Барфуруши и принявшая бабизм женщина Куррат эль-Айн.

Наиболее яркое отражение этот поворот в пропаганде бабидов нашел в собраниях бабидов в середине 1848 г. в деревне Бедашт. На этих собраниях мулла Мохаммед-Али и Куррат эль-Айн провозгласили, что частная собственность является конфискацией прав других людей на обладание той или иной вещью, и поэтому она должна быть отменена, а всем имуществом люди должны пользоваться сообща, на равных основаниях. Каждый человек должен получить из этой общей собственности свою долю. Эту идею общности имущества бабиды пытались претворить в жизнь во время антифеодальных восстаний в Мазендеране и Зенджане. Мулла Мохаммед-Али и Куррат эль-Айн в своих проповедях в Бедаште совершенно ясно заявили, что в будущем священном царстве все «высокие», т. е. феодалы, ханы — теперешние господа и правители народа, будут лишены всех своих привилегий и прав и низведены до самого незначительного положения. Так же категорически провозглашалось ими равноправие женщин, которые являлись наиболее бесправной частью иранского общества. Как заявила Куррат эль-Айн, женщины должны сами выбирать себе мужей, с рабским положением женщины в семье и быту должно быть покончено, и они должны пользоваться такими же правами, как и мужчины. В средневековых условиях Ирана, когда женщины были рабынями мужчин, не пользовались никакими правами ни в общественной, ни в семейной жизни, когда существовало освященное Кораном и шариятом многоженство, требование равноправия женщин было чрезвычайно

смелым вызовом существующим порядкам. На Бедашских собраниях бабидов выдвигались и другие демократические требования.

Таким образом, в идеологии антифеодальных восстаний середины XIX в. имелись уже зародыши двух течений — демократического, отражавшего интересы широких эксплуатируемых масс народа — крестьян и городских плебеев, и течения, представлявшего интересы торговцев, к которым в некоторых случаях примыкали отдельные представители помещиков-феодалов. Если первое течение, возглавлявшееся руководителями Бедашских собраний, стремилось к ликвидации основ феодального строя и к уничтожению эксплуатации вообще, то второе во главе с самим Бабом выдвигало на первый план требования торговцев и боролось за ряд реформ существующего строя, а не за уничтожение эксплуатации. Впоследствии, когда социально-экономическое развитие и дифференциация общественных классов в Иране поднялись до более высокого уровня, эти течения превратились в самостоятельные, отличные друг от друга учения: демократическое и либеральное. И в иранской революции 1905—1911 гг., а затем в национально-освободительном движении начала 20-х годов и в последующих народных выступлениях демократическое и либеральное направления ясно и четко оформились и выявились их различия друг от друга. Но в середине XIX в. они еще не оформились в самостоятельные направления. Поэтому в антифеодальных восстаниях сторонники этих двух течений выступали единым фронтом в борьбе против общего врага — феодалов.

Движущими силами бабидских восстаний были крестьяне, плебейская часть населения городов, мелкое и среднее купечество. Крестьяне ввиду низкого уровня их политического и культурного развития не смогли выделить из своей среды руководителей движения. Это было следствием отсталости крестьянства и самого характера его общественного положения не только в Иране, но и в других странах Востока и Запада. В рукописи «Из Парижа в Берн», написанной в конце октября — ноябре 1848 г. и впервые опубликованной в 1898 г., Ф. Энгельс так характеризовал общественное положение и позиции крестьянина: «Изолированное положение крестьянина в глухой деревне с немногочисленным, ме-

няющимся лишь со сменой поколений населением, напряженный однообразный труд, сильнее всякого крепостного права приковывающий его к клочку земли, труд, остающийся неизменным из поколения в поколение, устойчивость и однообразие всех жизненных отношений, ограниченность, при которой семья является для него важнейшим, решающим общественным отношением, — все это суживает кругозор крестьянина до самых тесных пределов, которые вообще возможны в современном обществе. Великие исторические движения проходят мимо него, вовлекая его время от времени в свою орбиту, но при этом он не имеет никакого представления о природе их движущей силы, об их возникновении и цели»³. Эта характеристика Ф. Энгельса может быть применена также к иранскому крестьянину. Последнему в той же мере, как и западноевропейскому, были присущи отсталость, ограниченность кругозора и разобщенность. Все это обусловило невозможность выделения из его среды руководителей антифеодальных восстаний в середине XIX в.

Во главе этих восстаний оказались поднятые на гребне революционной волны представители низшего духовенства, так же как это было во время Крестьянской войны в Германии в начале XVI в.⁴. Все руководители крупных антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране были выходцами из среды низшего духовенства — муллы Мохаммед-Али Барфуруши и муллы Хосейн Бошруе в Мазендеране, муллы Мохаммед-Али Зенджани в Зенджане, сейид Яхья Дараби в Нейризе.

Во всех антифеодальных восстаниях того времени в Иране весьма активное участие принимали городские ремесленники и некоторые торговцы. Так было и во время Крестьянской войны в Германии в XVI в. Но во всех восстаниях в Иране большинство восставших, особенно в начале движения, состояло из крестьян. Хотя открытая вооруженная борьба против шахских властей и ханов происходила только в отдельных пунктах (Шейх-Табарси в Мазендеране, Зенджан, Иезд, Нейриз), но движение крестьян, их отдельные выступления против ханов имели место во всех близлежащих к этим пунктам районах. Помимо непосредственного участия в восстаниях крестьяне оказывали большую помощь восставшим продовольствием, фуражом, скотом и т. д. Без

этой помощи восставшие не смогли бы продержаться в борьбе с превосходящими их в несколько раз шахскими войсками в сельской местности Мазендерана в течение восьми месяцев, в Зенджане в течение полугода, а в Нейризе в течение более двух лет. Феодалы ханы и местные власти, защищавшие интересы ханов, бежали из этих районов, оставляя крестьян хозяевами положения. Ханья возвращались обратно только после прибытия крупных отрядов шахских войск.

Антифеодальные восстания середины XIX в. в Иране были демократическими народными восстаниями, направленными против феодального строя и против усиливавшегося влияния иностранных держав, которые начали превращать Иран в зависимую от них страну. Эти восстания выросли в первую очередь на почве обострения социальных противоречий между основными общественными классами феодального Ирана — крестьянами и феодалами. Крестьяне составляли большинство их участников, но крайней мере на первом этапе. Восстаниям были присущи характерные для всех средневековых крестьянских восстаний черты — локальность, слабая организованность, разобщенность, религиозная форма идеологии и др. Все это позволяет считать эти восстания в основном крестьянскими, хотя наряду с крестьянами в них принимали активное участие и другие общественные слои населения — плебейская часть населения города (городская беднота), ремесленники, мелкие торговцы и низшее духовенство. Борьба приняла настолько широкий, демократический характер, что в нее были вовлечены даже иранские женщины, которые в течение многих веков были отстранены от участия в общественно-политической жизни страны.

Нам кажется уместным обратить внимание на поразительное сходство между антифеодальными восстаниями середины XIX в. в Иране и Крестьянской войной в Германии начала XVI в. Хотя между этими событиями и прошло около трех веков, но общественно-экономические условия Ирана середины XIX в. во многом напоминают условия, в которых находилась Германия в XVI в.

Движущие силы Крестьянской войны в Германии и антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране были в основном одинаковыми. И в том, и в другом слу-

чае ими были крестьяне, плебейская часть городов, ремесленники, торговцы — в Иране и бюргеры — в Германии, низшее духовенство и отдельные представители господствующего класса — некоторые ханы в Иране и выходцы из дворянской среды в Германии. И в Крестьянской войне в Германии и в антифеодальных восстаниях в Иране крестьяне, хотя и составляли большую часть восставших, но в силу общих для этих стран причин не смогли выделить из своей среды руководителей. В обоих случаях роль руководителей народных движений выпала на долю проповедников из низшего духовенства, а также представителей ремесленников и купечества в Иране и городских бюргеров в Германии. Это объяснялось тем, что духовенство было почти единственной грамотной прослойкой, близко стоявшей к широким слоям населения.

Проповеди руководителей народного движения имели форму еретической, сектантской пропаганды. И в Германии XVI в., и в Иране середины XIX в. наиболее революционное крыло народного движения — Томас Мюнцер и другие радикальные проповедники в Германии⁵, мулла Мохаммед-Али Барфуруши и Куррат эль-Айн в Иране — выдвигали одни и те же лозунги отмены частной собственности, введения общности имущества, равенства между членами религиозной общины, отмены налогов, оброков, привилегий и т. п.

Как писал Ф. Энгельс в 1843 г. в статье «Успехи движения за социальные преобразования на континенте», Томас Мюнцер проповедовал, что, «согласно библии, ни один христианин не имеет права удерживать исключительно для себя какую бы то ни было собственность; что общность собственности является единственным надлежащим состоянием для общества христиан; что доброму христианину не дозволено проявлять какую бы то ни было власть и насилие над другими христианами... обладать наследственной властью, но что, наоборот, все люди, как равные перед богом, должны быть равны между собой и на земле»⁶. Если внимательно прочесть это изложение проповедей Томаса Мюнцера и сравнить их с проповедями муллы Мохаммеда-Али Барфуруши и Куррат эль-Айна в Бедаште, то легко убедиться, что в проповедях Мюнцера высказывались те же идеи, что и в проповедях бабидских руководителей.

Требования отмены частной собственности и общности имущества в социально-экономических условиях Ирана середины XIX в., так же как и в условиях Германии XVI в., не могли быть осуществлены даже в случае победы народных восстаний. Поэтому они были утопическими. Но за этими утопическими требованиями скрывалось революционно-демократическое стремление уничтожить феодальную эксплуатацию. Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии» и во многих других работах неоднократно пишет о «крестьянско-плебейской революции», о «союзе крестьян и плебеев», «о плебейских и крестьянских» элементах и т. д.⁷ В случае победы этой революции она могла бы привести к ликвидации феодального общественного строя и к расчистке путей для развития буржуазных отношений. Ф. Энгельс писал о требованиях общности имущества, установлении равенства, упразднении всяких властей и т. п., выдвигаемых левой, радикальной частью проповедников Крестьянской войны в Германии: «Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»⁸.

Объективный смысл и значение антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране также заключались в борьбе против феодализма, за установление нового, буржуазного общества, и в этом состояло их прогрессивное значение. Не случайно эти восстания охватили наиболее развитые в экономическом отношении области Ирана — Иранский Азербайджан (Тебриз, Зенджан), Мазендеран (Шейх-Табарси), западную часть Хорасана (Бедашт), центральный Иран (Ирак-е Ад-жам) и Фарс, а Баб в своем учении сделал их местом для будущего священного царства бабидов. Условия для развития буржуазных отношений в этой части Ирана были более подходящими, чем в других областях страны.

Имелись и другие сходные черты в пропаганде руководителей Крестьянской войны в Германии и антифеодальных восстаний в Иране середины XIX в. Томас Мюнцер проповедовал об основании «тысячелетнего царства»⁹, бабидские проповедники также говорили об основании «вечного» царства, где все люди будут равны и счастливы.

Свои проповеди Томас Мюнцер сначала адресовал князьям, но безуспешно¹⁰. Баб и его ученики также сначала обращались к представителям правящих кругов — шаху, правителям областей и губернаторам, но их обращения не имели успеха и вызвали только гонения на бабидских проповедников.

Можно привести много других общих черт, характерных как для Крестьянской войны в Германии XVI в., так и для антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране.

В гл. II отмечалось, что экономическое проникновение иностранного капитала в Иран ограничилось в первую половину XIX в. главным образом сферой торговли. Западноевропейские капиталисты интересовались Ираном в этот период только как рынком сбыта для своих товаров. Иностранных концессий и займов еще не было в Иране. Западноевропейские товары доводились до иранских потребителей в основном иранскими купцами. Политику вмешательства во внутренние дела Ирана с целью постепенного подчинения и превращения в зависимую страну иностранные державы проводили через центральное шахское правительство, правителей областей и шахских губернаторов. По всем этим причинам до сознания широких народных масс Ирана еще не дошло, что за их бедственное положение большую долю ответственности несут также иностранный капитал и иностранные державы, которые проводили политику в интересах этого капитала. Поэтому во время антифеодальных восстаний середины XIX в. в Иране не было открытых выступлений, направленных непосредственно против иностранных держав, как это было во время иранской революции 1905—1911 гг. и в последующих народных выступлениях.

Восставшие бабиды в Зенджане, как мы видели, обращались к дипломатическим представителям иностранных держав с просьбой о посредничестве. Они еще были настолько наивны, что надеялись получить от них защиту. Но, выступая против стоящих у власти шаха и ханов, превратившихся в проводников политики иностранных держав, участники антифеодальных восстаний тем самым независимо от своих иллюзий выступали и против иностранных держав. Таким образом, антифеодальные восстания середины XIX в. в Иране были субъектив-

но направлены не только против иранских феодалов и шахских властей, но в конечном счете и против проникновения западноевропейского капитала. Поражение этих восстаний и сохранение отсталости Ирана облегчили в дальнейшем превращение страны в полуколонию иностранных держав.

В свою очередь, последние понимали, что эти восстания направлены непосредственно против господства феодалов и шаха. Но поскольку иранский шах и ханы были проводниками их политики, они боялись их свержения и, обеспокоенные ходом восстаний, старались побудить шаха и его правительство принять самые решительные меры для скорейшего подавления народных выступлений. Об этом свидетельствуют публикуемые в Приложениях к настоящей работе донесения царских дипломатов в Иране.

В середине XIX в. по странам Западной Европы прокатилась волна революционных выступлений. Они имели место во Франции, Германии, Италии и других западноевропейских странах. На Востоке середина XIX в. также ознаменовалась рядом крупных народных движений. В Китае происходило народное, в основном крестьянское, движение тайпинов; в Индии — национально-освободительное движение, известное как сипайское восстание.

Антифеодальные восстания в Иране были составной частью этой революционной волны. Интересно отметить, что передовым проповедникам антифеодальных восстаний в Иране было известно о происходивших в то время революционных событиях в Западной Европе. Мирза Джани, например, упоминает о свержении короля во Франции и об установлении там республики как об одном из признаков, который предвещает появление нового пророка в Иране¹¹. Тот факт, что антифеодальные восстания в Иране были составной частью общего революционного подъема, сознавался и официальными дипломатическими представителями европейских держав. Пытаясь оценить эти восстания и их программу, они ставили знак равенства между их идеологией и коммунизмом. Э. Броун, описывая документы английских властей на о-ве Кипр, касающиеся сосланных туда Сохбе-Азаля и его последователей, пишет, что в документе от 8 марта 1880 г. прямо говорится, что бабизм — это

коммунизм¹². Русский посланник в Тегеране Долгорукий сообщал в сентябре 1852 г. министру иностранных дел России Нессельроде о бабидах, что «в отношении политических устремлений их можно сравнить с коммунистами Европы»¹³. А русский генеральный консул в Тебризе Аничков в своем донесении царскому наместнику на Кавказе М. С. Воронцову от 16 января 1850 г. сообщал: «Замечательно, что в правилах, преподаваемых Бабом, скрылось много общего с европейским коммунизмом»¹⁴. Дело дипломатической канцелярии наместника кавказского, в котором подшиты это и другие донесения о восстании бабидов в Зенджане, называется «О беспорядках, производимых в Зенджане образовавшейся там сектою бабинцев (коммунистов)». На самом деле исторической почвы для построения коммунизма в Иране середины XIX в. не было. Между идеалами даже наиболее демократически настроенных руководителей антифеодальных восстаний в Иране во главе с мирзой Мохаммедом-Али Барфуруши и Куррат эль-Айн и идеями коммунизма в Европе была такая же большая разница, какая существовала между уровнями общественно-экономического и политического развития Ирана и передовых капиталистических стран Западной Европы середины XIX в.

В заключение необходимо отметить те причины, которые привели к поражению антифеодальных восстаний в Иране. Одной из основных причин поражения восстаний было отсутствие среди восставших руководящей группы, которая ясно понимала бы реальные цели и задачи движения, могла бы правильно оценить соотношение классовых сил и дать верное направление борьбе. Эту задачу не были в состоянии решить представители низшего духовенства и торговцев, оказавшиеся во главе восстаний. В силу своей классовой природы они не смогли выработать реальной революционно-демократической программы, которая могла бы поднять и сплотить все крестьянство и трудящиеся слои городского населения на длительную борьбу против шахской власти и ханов и всего феодального строя. В Иране в то время не было рабочего класса, который мог бы разрешить эти задачи и повести за собой крестьянство и трудящихся городов. Городские плебей также были не в силах справиться с этой задачей. Антифеодальные восста-

ния были стихийными и слабоорганизованными выступлениями.

Локальный характер восстаний также способствовал их поражению. Они вспыхивали в разное время в разных частях Ирана. Это облегчило шаху и ханам борьбу с восставшими. Иранские феодалы получили возможность подавлять восстания одно за другим. Если бы восстания происходили одновременно, то их подавление было бы для шаха и ханов делом несравненно более трудным, а положение восставших улучшилось бы. Восстания были изолированы друг от друга, и связи между ними и взаимной помощи не существовало. Все эти обстоятельства, а также раздробленность и вызванная ею провинциальная узость движений сильно подрывали возможности и силы восставших. Ни крестьяне, ни городские плебеи были неспособны на объединение движений в масштабе всей страны.

Наконец, пассивная оборонительная тактика восставших также была одной из основных причин, которые привели к их поражению. Если бы в Мазендеране, например, восставшие, воспользовавшись паникой, поднявшейся среди ханов и богачей, и их бегством в горы, перешли бы в наступление на Барфуруш, Сари и другие города области, то несомненно их силы возросли бы и их наступление имело бы успех. Но вместо этого восставшие остались зимовать у гробницы Шейх-Табарси, предоставив шахскому правительству и ханам возможность в течение полугода собирать войска и стягивать их в Мазендеран для подавления восстания. То же самое можно сказать и в отношении восстания бабидов в Зенджане. Почва для наступления восставших как в Мазендаране, так и в Зенджане и прилегающих к ним других областях страны была достаточно благоприятной.

Все указанные выше факторы ослабляли антифеодальное движение в Иране и предопределили его поражение.

Народные антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. были предшественниками той народной борьбы против феодальных отношений и их пережитков, а также против закабаления страны иностранным капиталом, которая широко развернулась в XX в., сначала во время революции 1905—1911 гг., а затем во время на-

ционально-освободительного антиимпериалистического и антифеодального движения в начале 20-х годов. Многие требования, которые выдвигались в середине XIX в. участниками антифеодальных народных восстаний, предвосхищали буржуазно-демократические и антиимпериалистические требования, за осуществление которых широкие народные массы Ирана боролись в течение всех последующих десятилетий XX в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОНЕСЕНИЯ О БАБИДСКОМ ДВИЖЕНИИ РУССКОГО ПОСЛАНИКА В ТЕГЕРАНЕ ДОЛГОРУКОГО В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Документ № 1

Дело № 177, Тегеран, 1848 г., листы 49—50. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 6, 3 февраля 1848 г.

«С некоторого времени Тегеран подвергается действию злобных предсказаний. Сейид, известный в стране под прозвищем „Баб“, который был изгнан из Исфагана, потому что являлся там причиной возмущения, и которого в прошлом году по моему требованию удалили от наших границ, куда сослало его персидское правительство, недавно распространил здесь маленький сборник, в котором он предсказывает близкое вторжение туркмен, в результате которого шах вынужден будет покинуть свою столицу.

«Эти предсказания едва ли действуют успокаивающим образом на народ со столь экспансивным характером, каким является персидский народ. Он уже встревожен событиями, которые, нужно надеяться, не осуществляются, и с тревогой ждет окончания времени года, продолжительность и чрезмерная суровость которого в настоящее время прервала военные действия в Хорасане».

Документ № 2

Дело № 177, Тегеран, 1848 г., лист 360. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 96, 24 декабря 1848 г.

«Я уже несколько раз осведомлял императорское министерство о мусульманском сектанте, которого называют Баб. Этот фанатик, вследствие беспорядков, которые он пытался вызвать в различных провинциях Персии, удаленный по моему требованию от русских границ, находится теперь под суровым надзором в одной деревне неподалеку от Урумие. Он выдлет себя за наиба (заместителя. — М. И.) двенадцатого имама. Его вредные доктрины нашли много приверженцев, и третьего дня получено известие о том, что эти последние атаковали между Сари и Барфурушем жителей Мазандерана и перебили около 100 человек, среди которых находится также и саркарде (военачальник. — М. И.) этой провинции по имени Муштафа хан.

«После нескольких совещаний, состоявшихся между Амиром и наиболее влиятельными вельможами Мазандерана, которые нахо-

дятся в настоящее время в Тегеране, было решено, что против неистовых сектантов будет употреблена военная сила, а принцу Малик-Касиму-мирзе был отпущен приказ удвоить бдительность по отношению к поведению этих новых нарушителей общественного порядка».

Документ № 3

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 32—33. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 9, Тегеран, 24 января 1849 г.

«Мазандеранские дела также приняли чрезвычайно неблагоприятный оборот. Последние известия, полученные из этой части королевства, говорят, что сектанты Баба, в количестве около 2000 человек, восстали против генерал-губернатора провинции Махди-Кули мираза, который был вынужден бежать».

«Два принца: Давуд мираза, сын Зилли-Султана и Хусейн-Султан мираза, сын Фатх-Али шаха, погибли в пламени подожженных их жилищ. Абдулла мираза, сын принца Мульк-Ага, убит. Сардар Аббас-Кули хан Лариджанский, которому персидским правительством было поручено принять меры против этих неистовых сектантов, насаждающих вооруженной силой коммунизм, не расстался со своим племенем, ссылаясь на то, что у него нет ни сил, ни возможности дать им отпор».

«Позиция, которую этот мазандеранский вождь занимал по отношению к императорскому посольству во время его пребывания в Тегеране и о котором я уже имел честь упомянуть в моем донесении от 12 декабря прошлого года, даст может быть вашему превосходительству ключ к объяснению его поведения.

«Словом, куда ни взглянешь, всюду бросаются в глаза революционные устремления.

«Везир губернатора Исфахана — мирза Абдул-Вахаб Гулистан — вынужден был укрыться в бест к имаму-джума, и сейчас совершенно не признается власти брата матери шаха, который, несмотря на его чрезвычайно скандальную репутацию, был послан Амиром в качестве правителя вышеназванной провинции для того, чтобы удовлетворить требования этой принцессы и, возможно, также для того, чтобы избавиться от ее интриг. Около 2000 человек из различных племен и других низших классов общества совершают всякого рода злоупотребления. Их руководителем является некий Абдул-Хусейн, прежний везир миразы Неби хана».

Документ № 4

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 56—58. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 13, 10 февраля 1849 г.

«Новости из Мазандерана гораздо менее утешительны. Сектанты, называемые бабиды, число которых все больше и больше увеличивается в Азербайджане и в самом Тегеране, недавно обратили в бегство племена Савад-Куха и Хазар-Джерига. Они атакуют с саблями в руках, обрекают себя заранее на смерть, как мученики, и их военный идол „О, Сахиб-Земан“, являющийся прозвищем двенадцатого имама Махди, наводит ужас, которого жители Мазандерана».

на не могут преодолеть. Эти сектанты объявили войну одновременно правительству и духовенству. Духовенству потому, что они не считают его способным выполнять предписания Корана, а гражданским властям потому, что они противятся свободному осуществлению духовной власти.

«Утверждают, что Аббас-Кули хан Лариджанский, посланный против них, оповестил их тайком, что не атаковал бы их совсем, но так как он не может не повиноваться шаху, то он сделает вид, что борется с ними. Сардар Лариджанский не сдержал обещания, и, как только бабиды заметили, что он собирается обрушиться на них, они убили несколько сот его людей, среди которых находились также два его племянника, так же как и много других важных лиц из его племени. Вот мотивы ложные и истинные, которые побудили Аббас-Кули хана просить помощи у своего правительства и объявить ему, что он не в состоянии дать отпор этим фанатикам, ставшим отныне озлобленными врагами его племени.

«Губернатор провинции Махди-Кули мирза, со своей стороны, обратил внимание амира на необходимость послать несколько полков в пушек, чтобы усмирить восставших силой оружия. Премьер-министр совещался с мирзой Мухаммедом ханом Кудбади о своевременности подобных мер. Последний возражал, что посылка шахских войск в Мазандеран будет иметь результатом восстание всей провинции в целом ввиду того, что жители ее в этом случае будут действовать заодно с бабидами; но, несмотря на это мнение, амир все-таки решил послать туда пушки и войска».

Документ № 5

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 80—81. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 15, 23 февраля 1849 г.

«Известия из Хорасана не сообщают еще ничего решительного, но уже в течение двух дней говорят о новых успехах Салара в борьбе с шахскими войсками. Впрочем, как бы ни был еще серьезен этот вопрос, он уже не занимает больше в такой мере общество с того времени, как сектанты Баба имеют, по-видимому, тенденцию увеличиваться в числе во всех частях королевства. Амир признался мне, что их число может быть уже исчислено в 100 000 человек, что они уже появились в южных провинциях, что они имеются в большом количестве в самом Тегеране и что, наконец, их присутствие в Азербайджане начинает также сильно его беспокоить. В самом деле, по слухам, что в Зенджане они уже появились в количестве 800 человек и что своим присутствием они угрожают нарушить там общественное спокойствие».

Документ № 6

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 136—137. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 25, 15 марта 1849 г.

«Тревожное положение в связи с волнениями, происходящими в настоящий момент в Астрабадской провинции, требует военной охраны так называемых амбаров, по вплоть до сегодняшнего дня из-

прасно я просил у персидского кабинета соответствующей охраны в защиту от грабежей...»

«В течение нескольких месяцев эмир откладывал рассмотрение моих требований: все мои ноты по этому вопросу остались без ответа. Официальное сообщение, которое я только что получил от Мухаммед-Али хана... оповещает, наконец, меня, что мое требование принято во внимание и что 30 человек уже назначено для охраны наших товарных складов.

«С тревогой ожидают новостей из этого края, так как в настоящее время далеко нет уверенности в том, что шахские войска, посланные против бабидов, имели какой-либо успех в борьбе против этих опасных сектантов».

«Я имею честь приложить ниже очень интересный рапорт, который только что доставлен мне от нашего консула в Астрабаде. Он излагает историю их появления в Мазандеране и подтверждает сведения, которые я уже сам сообщил императорскому министерству, о неудачах, сопровождающих попытки властей этой провинции принудить их к повиновению силой оружия. Утверждают, что Малик-Касим мирза получил тайный приказ казнить вождя этих фанатиков, который находится в заключении в крепости около Урумие. Но губернатор Азербайджана отказался это сделать, боясь вызвать возмущение народа. Нет никакого сомнения, что подобная мера только сделала бы их еще более дерзкими и опасными».

Приложение к документу № 6

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 142—145 к № 25. Копия донесения консула в Астрабаде к г-ну Российскому императорскому полномочному министру при дворе персидском от 26 февраля 1849 г., № 28.

«Осенью прошедшего года прибыла из Хорасана в Мазандеран толпа последователей новообразовавшейся секты, известной под названием „Баби“, основатель которой сейид Али-Мухаммед именующий себя наместником двенадцатого имама, находится ныне в Азербайджане».

«Пробравшись в Мазандеран, они заняли там несколько деревень в окрестностях Барфуруша и начали заманивать в свою секту жителей Мазандерана. Число их с самого начала быстро начало увеличиваться. Глава их — мулла Хусейн Бушрун, соединяющий отважность и предпримчивость с хитростью и распорядительностью, повел дела этой толпы сектантов так успешно, что в скором времени число их возросло до 1500 человек. Имея в руках значительные денежные средства, пользуясь расположением окрестных жителей, баби укрепились в своем местопребывании, обвели свое убежище глубоким рвом и на несколько месяцев запаслись как съестными припасами, так и всем, что нужно на случай осады.

«Губернаторы Мазандерана поняли опасность присутствия этой толпы для спокойствия области и два раза предпринимали попытки проникнуть в убежище баби и уничтожить эту толпу. Первый поход предпринят был Мухаммед-Али ханом, сыном Аббаса хана, управлявшим областью в отсутствие отца, а второй — новым губернатором Мазандеранским, Махди-Кули мирзой. Оба похода кончились бесславно для мазандеранцев.

«Все оклады жалования были уменьшены наполовину; большое число чиновников, которые находились на службе у покойного Мухаммед-шаха, были вычеркнуты из списка слуг нового монарха; надены отказаться от своих денежных доходов взамен пенсий, которые им окончательно установят и будут регулярно выплачивать из фондов короны».

«За именем лучшего они должны были удовольствоваться этим; верят в добросовестность новых обещаний и ожидают только поступления жалования, чтобы они осуществились».

«Амир не отступает перед этим новым затруднением; хорошо известно, что он получает тайком мало-помалу доходы из провинций и что он явно притворяется, что не имеет ни гроша. Вместо наличных денег он раздает бумажные денежные знаки, которых назначенство не оплачивает».

«Таковы, Ваше сиятельство, истинные причины этих постоянных и опасных сетований, которые распространяются в обществе и центром которых является имам-джима в своем положении главы улемов».

«Наиболее видные вельможи Тегерана по этим самым причинам были подстрекателями беспорядков, происходивших этой зимой».

«Для того, чтобы успокоить их, амир подчинился печальной необходимости осыпать их почестями, приобщая их к управлению страной, предоставлять им возможность свободно предаваться интригам и проявлять свою продажность».

«Опираясь на таких людей и их своекорыстное содействие, он, без сомнения, надеется импонировать и остальным недовольным».

«Во всякой другой стране и при менее неблагоприятных обстоятельствах право клеветы амира именем политики не добросовестности было бы неоспоримым; но амир не принадлежит к тем людям, которые умели бы находить иные средства, чем те, которые он употребляет, и упрямство, с которым в условиях крайнего подавленного морального состояния страны он продолжает добиваться осуществления своего плана реформы, основанной на столь вопиющей несправедливости, может также привести его к гибели, как и к незаслуженному успеху».

«Судя по действиям, можно было бы сказать, что он имеет намерение уничтожить порядки, установленные в царствование Мухаммед-шаха, повернуть историю Персии и возродить древние времена, которые он рассматривает как образец мудрости и подлинной народности».

«Без сомнения, в силу этих приписываемых ему намерений широко распространился слух о том, что шах хочет заменить свое название „защитник веры“ именем Фатх-Али шаха и дать имя Аббаса мирзы своему сыну».

«Каким бы странным ни казался этот маскарад, он все же является предметом злых измышлений».

«И в других отношениях политика, проводимая мирзой Таги-ханом, не является более удовлетворительной. Он упорствует в своем нежелании объясниться о ходе хорасанских дел, и его намерение умалчивать не предвещает ничего хорошего. Он несколько не опровергает распространявшихся слухов о понесенном недавно шахскими войсками поражении и между тем занимается посылкой новых войск на театр военных действий. Это отсутствие откровенности

основано главным образом на боязни вмешательства со стороны двух соседних держав. „Мы не хотим, — говорит он, — ни того, чтобы Хорасан стал вторым Египтом, ни того, чтобы им (Англия и Россия. — М. И.) дана была возможность вмешиваться в какой-либо мере во внутренние дела Персии“».

Документ № 11

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., листы 100—105. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 11, 12 февраля 1850 г.

«Умы находятся в чрезвычайно возбужденном состоянии по случаю казни, которая только что имела место на большой площади Тегерана. Я однажды уже высказывал мнение, что способ, которым в прошлом году бабиды были истреблены в Мазандеране войсками шаха под командованием принца Махди-Кули мирзы, не умерит их фанатизма. С того времени правительство узнало, что Тегеран переполняется этими опасными сектантами, которые не признают гражданских установлений и проповедуют раздел имущества тех, которые не присоединяются к их учению. Почувствовав боязнь за общественное спокойствие, министры Персии решили арестовать некоторых из этих сектантов и, получив на допросе, согласно всеобщей персии, их признание в своей вере, они подвергли их смертной казни. Эти лица, числом 7 человек, арестованные наудачу, так как бабиды насчитываются уже тысячами в недрах самой столицы, ни за что не хотели отречься от своей веры и встретили смерть с восторженностью, которую может объяснить только фанатизм, доведенный до крайних пределов. Помощник министра иностранных дел мирза Мухаммед-Али, наоборот, утверждает, что эти люди ни в чем не сознались, но это их молчание было истолковано как достаточное доказательство виновности».

«Можно только сожалеть об ослеплении шахских властей, которые воображают, что подобные меры могут погасить религиозный фанатизм, и о несправедливости, которая руководит их действиями, когда примеры жестокости, которыми они стремятся запугать народ, совершаются без различия над первыми встречными, попавшими им под руки».

«Эти же самые бабиды, подстрекаемые их вождем, неким сейидом Яхьей, который называет себя учеником знаменитого Баба, давшего секте ее название, вместе с иездскими лутти вызывают серьезные беспорядки в этом городе. Они атаковали в цитадели напба сардара Мухаммед-Хасана хана и оказали сопротивление солдатам, из которых 8 человек были убиты, а 26 выведены из строя. Напб Ага хан был вынужден покинуть Иезд и подать в отставку».

«С тех пор как лутти оставили Исфахан, в этом городе снова водворилось обычное спокойствие. Но тот способ, каким власти Персии действуют для восстановления общественного порядка, не дает никакой уверенности в будущем».

«Сын знаменитого муджехида хаджи сейида Мухаммед-Багира-ага сейид Асадулла выехал из Исфахана, увез с собой главных подстрекателей: у него было намерение привезти их в Тегеран и получить для них, если это будет возможно, прощение шаха. Эта попытка была задумана и проводилась с согласия сепадара, тогдаш-

него правителя Исфахана. Но едва они достигли третьей станции, как войска шаха, посланные для их преследования, напали на них и безжалостно перебили всех тех, которые не могли избежать их мести из-за отсутствия хороших верховых животных».

«Те лица, которые, подобно набобам, имели хороших лошадей, укрылись в бест в Куме, другие пустились в Хорасан, так же как и знаменитый дути — мирза Абдул-Хусейн, сопровождаемый группой в 50 человек; части удалось укрыться в мечети шаха в Тегеране, а многие были отведены агентами правительства в тюрьмы столицы».

Документ № 12

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., лист 137. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 16, 2 марта 1850 г.

«Здесь циркулируют различные слухи о враждебных намерениях бабидов, и если эти намерения еще не вылились в явное восстание, как в Мазандеране, то тем не менее правда, что вредные доктрины этих опасных сектантов находят отклик в массах и не перестают беспокоить правительство. В Зенджане, который находится на полпути между Тегераном и Тавризом, число их доходит до 2000 человек и идеи, распространяемые ими в народе, возбуждают всеобщее недовольство».

Документ № 13

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., лист 383. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 48, 10 июня 1850 г.

«Очень хорошо, что секта бабидов является столь противоположной мусульманскому духовенству, обвиняемому ею в том, что оно не выполняет предписаний Корана, потому что безудержный фанатизм этих сектантов приобретает с каждым днем все большее и большее влияние над массами. Недавно они снова явились причиной больших беспорядков в Зенджане, где они перебили много народа, причем войска не смогли устоять против них, и это лишний раз доказало, что суровые меры, применяемые по отношению к этим сектантам, не могут задуть их фанатизма».

Документ № 14

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., листы 434—435. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 53, Мариам-Абад, 3 июля 1850 г.

«Спокойствие столицы заметно укрепилось с тех пор, как ее гражданские власти поставлены под военный надзор и секта бабидов, которая нарушала общественное спокойствие в Ширазе, приведена в состояние бездействия энергичными мерами, принятыми новым губернатором этой провинции, принцем Фирузом мирзой. Лорд Пальмерстон потребовал от своего посла в Тегеране подробных сведений о вероучении этих сектантов, и я, в свою очередь, рассчитываю в скором времени доставить императорскому министерству сочинение, написанное одним из главных бабидов, ознакомиться с которым мне любезно разрешил мирза Таги хан».

«Фируз мирза, разогнав несколько тысяч этих фанатиков и арестовав их вождя, некоего сейида Яхью, вступил также в борьбу с сыном ильхани Шираза, тем могущественным племенным вождем, который своими независимыми действиями внушил справедливое недоверие властям шаха. Лутф-Али хан получил наказание палочными ударами, и нужно надеяться, что эта суровая мера принесет хорошие результаты».

«Что касается подавления беспорядков, причиной которых в Зенджане являются бабиды, то персидское правительство будет вынуждено прибегнуть к вооруженной силе, потому что все попытки примирения, предпринятые до настоящего времени по отношению к ним, не привели ни к каким результатам. Утверждают, что главный вождь этих сектантов — знаменитый Баб, имя которого носит секта и который до сих пор содержится в заключении в Урмине, только что казнен в Тавризе по приказу правительства».

Документ № 15

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., листы 470—471. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 59, Мариам-Абад, 31 июля 1850 г.

«Правительство исчерпало все возможные средства, чтобы побудить бабидов добровольно подчиниться. Мулла Мухаммед-Али, который находится во главе двух или трех сотен этих фанатиков в Зенджане, укрепился в одном из кварталов названного города и навел ужас на его обитателей. Амир наконец был вынужден принять энергичные меры, и бывший беглебеги (военный губернатор. — М. И.) Тавриза, Мухаммед хан, только что отправлен против них с войском в 2000 человек и с четырьмя пушками».

Документ № 16

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., лист 562. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 72, Мариам-Абад, 14 сентября, 1850 г.

«Беспорядки Зенджана все еще не приходят к своему концу. Бабиды, которые сражаются там против шахских войск не на жизнь, а на смерть, еще оказывают сопротивление атакам Мухаммед хана, и можно только удивляться ожесточению, с которым они встречают опасность своего положения. Их вождь мулла Мухаммед-Али обратился к турецкому посланнику Сами-Эффенди, а также и к полковнику Шейлю (английский посланник в Иране. — М. И.) с просьбой об их посредничестве, но мой английский коллега держится того мнения, что было бы очень трудно заставить персидское правительство согласиться на иностранное вмешательство в пользу вышеуказанных сектантов».

Документ № 17

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 575—579. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 75, Тегеран, 23 сентября 1850 г.

«Единственный вопрос, который в настоящее время всецело занимает умы, это — зенджанские дела, потому что, несмотря на потоки крови, пролитые там в борьбе против бабидов, шахские войска еще не смогли усмирить эту горсть фанатиков».

«Поэтому я думаю, что для Вашего превосходительства будет интересно ознакомиться с подробностями, относящимися к земджанским беспорядкам, которые приведены в письме гулам-баши миссии, сопровождавшего Азиза хана, и являются рассказом очевидца».

Приложение к документу № 17

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 575—579. Дополнение к № 75, 1850 г. Выдержка из письма гулам-баши императорской миссии

«В Казвинне сын везира мирзы Муссы в сопровождении некоторого количества кавалерии, нескольких кетхуда и городских властей вышел нам навстречу, и аджудан-баши совершил свой въезд со всеми почестями и знаками внимания, которые подобали его званию. Там чапар (гонимый).— М. И.) амира передал ему приказ покончить во что бы то ни стало с земджанскими делами, не оставляя этих мест до окончательного подавления беспорядков».

«При приближении к Султанне мы были встречены высшими офицерами из войск, расположенных лагерем в Земджане, которые горячо жаловались на губернатора Тавриза Мухаммеда хана, утверждая, что без него с земджанским вопросом было бы уже давно покончено. В пятницу тринадцатого числа мы выехали из Султанне и прибыли в Земджан. Губернатор этого города Амир Аслан хан, беглербег Мухаммед хан и военные начальники вышли навстречу нам; аджудан-баши сделал суровый выговор всем саркаре, говоря им: «И вам не стыдно осаждать в течение пяти месяцев какого-то муллу и не покончить с ним. Я захвачу его завтра»».

«Аджудан-баши написал мулле Мухаммеду письмо, упрекая его за восстание против шаха и предлагая ему пойти в Тегеран, где, как он обещал ему, шах и амир простят его предательство. Он от правил к этому духовному лицу одного ереванца, Неджеф-Кули хана, но мулла Мухаммед-Али отверг его предложения. Азиз хан во второй раз послал к нему того же самого человека с угрозой, что если он не подчинится, то его имущество и жены будут отданы сарбазам. Но мулла Мухаммед-Али возразил: „Я сам являюсь падшахом, делай все, что ты сможешь“».

«В среду аджудан-баши расположился лагерем около г. Земджана и снова потребовал у муллы Мухаммед-Али сдаться. Эти попытки также не имели никакого успеха. Наконец в воскресенье 15-го числа Азиз хан воззвал к храбрости войск, отправился в траншеи и отдал приказ идти на приступ. Пушки гремели со всех сторон, но солдаты шаха еще не достигли окопов, как десять сарбазов были убиты, а другие повернули обратно».

«Азиз хан снова приказал идти на приступ, но убедившись, что дело окончательно приняло скверный оборот, он сел на лошадь и уехал, приказав шахским войскам завладеть Земджаном в течение двух дней. После отъезда аджудан-баши сарбазы боялись продолжать наступление. Три четверти города Земджана находились во власти сарбазов, и одна четверть была в руках муллы Мухаммед-Али; дома в кварталах, занятых сарбазами, были разрушены, а балки распроданы. Только что произведен смотр войскам шаха; со времени их прибытия в Земджан и до настоящего времени убито 500 сарбазов и 200 выведены из строя; нет ни одной палатки, где бы не было раненых. Кроме солдат и жителей Земджана убито мно-

го других лиц; захватили много бабидов; когда они были приведены к аджудан-баши, солдаты перебили их. Аджудан-баши преподносит из каждой станции в подарок мулов, шали, деньги; он получает большой доход».

Документ № 18

Дело № 133, Тегеран, лист 582. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 78, Тегеран, 6 октября 1850 г.

«Я думаю, что сделали бы лучше, если бы занялись немного серьезнее делами Земджана. Уже скоро пять месяцев, как бабиды сражаются против 6000 лучших войск шаха и как Мухаммед-хан, являющийся уже хозяином трех четвертей города, не может овладеть кварталом, где они укрепились и защищаются с храбростью и ожесточением, достойными лучшего применения. Утверждают, что бывший беглербег Тавриза не отличается личной храбростью и что деморализация среди войск, которыми он командует, достигла крайних пределов. Здесь несколько не думаю ни о силе религиозных убеждений, ни о предосторожностях, которые требуются в настоящем положении Персии при разрешении вопросов, редко разрешающихся на поле битвы».

Документ № 19

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 57—58. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 81, Тегеран, 26 октября 1850 г.

«Бабиды все еще сражаются с той же самой ожесточенностью, и, согласно известиям, полученным нами из Земджана, сартиб (полковник.— М. И.) Феррух хан, бывший везир губернатора Керманшаха, прикомандированный к особе беглербега, имевший несчастье попасть им в руки, сожжен живым этими фанатиками, число которых, как утверждают, едва ли в настоящее время насчитывает больше 300 человек. Эти неблагоприятные обстоятельства вынудили министров шаха послать против бабидов два новых полка под начальством сына Азиза-хана, и возможно, что примут решение об отзыве частей, уже находящихся там, в верности которых у них начало появляться сомнение».

Документ № 20

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., лист 99. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 84, Тегеран, 9 ноября 1850 г.

«Только что против бабидов Земджана отправлены еще новые воинские части. На этот раз обвиняют губернатора этого города, брата матери шаха Амир-Аслана-хана, в том, что его неосторожное поведение вызвало сопротивление, которое оказывают сектанты шахской армии».

Документ № 21

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 226—227. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенявину № 93, Тегеран, 26 декабря 1850 г.

«Беспорядки Земджана окончились. После почти шестимесячной осады шахские войска уничтожили очаг восстания. Бабиды, которые

защищались до последней возможности и число которых было, наконец, доведено до 20 человек, укрывшихся в одном погребе, были разорваны на куски. Кроме денежных расходов эта борьба стоила Персии потери около 1500 человек, убитых и выведенных из строя».

Документ № 22

Дело № 129, Тегеран, 1851 г., лист 156. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 12, 20 февраля 1851 г.

«Можно подумать, что, недостаточно напуганные резней в Зенджане, бабиды снова готовятся восстать против власти, которая, будучи неспособна к милосердию, не останавливается ни перед какими средствами для их истребления. Многие из их числа были казнены в городе, и, несмотря на то что в момент казни они открыто отреклись от своих верований, они были безжалостно преданы смерти на большой площади Аркмайдан».

Документ № 23

Дело № 158, Тегеран, 1852 г., листы 501—503. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Сенляну № 55, Мариам-Абад, 11 августа 1852 г.

«Я уже говорил однажды, что религиозные вопросы не разрешаются на поле битвы».

«Как и нужно было ожидать, правительство в ответ на покушение, направленное против шаха, начало арестовывать людей, обвиняемых в принадлежности к секте Баба. Ни резня в Мазандеране, ни избиение в Зенджане не могли умерить пыл этих сектантов, ибо только что сделали неприятное открытие, что в Тегеране скрывается большое количество их и что среди членов этой секты имеются люди всех классов, не исключая даже лиц, наиболее приближенных к трону».

«Правительство считает, что оно имеет точный список соучастников покушения 3 августа. Оно узнало, что четверо из них скрываются в течение почти месяца в дер. Зергенде. Руководитель министерства иностранных дел прислал мне письмо с просьбой разрешить произвести обыск в этой деревне. Я тотчас же предписал гулам-баши миссии присоединиться к агентам персидского правительства для наблюдения за их розысками, и им удалось найти одного из людей, занесенных в список. Этот арест навел на след двух других, которые были схвачены гулами шаха в местности Эвин, расположенной на расстоянии одного фарсаха от Зергенде. Четвертый человек оказывается родственником мирзы, прикомандированного к миссии. Обвиненный в бабизме, он, являясь персидским подданным и не будучи включен в список моих служащих, должен предстать перед властью».

«Два главных обвиняемых, арестованных в Эвине, в ту же ночь были приведены в дер. Зергенде и помещены в доме одного из моих слуг. Гуламы шаха не хотели вести их сразу же в Ниаверан, ссылаясь на то, что по пути на них могут напасть, но я настоял, чтобы они были переправлены немедленно, и дал им в охрану десять сарбазов и одного офицера низшего чина из персидского отряда, несущего охрану русского лагеря».

«С давних пор в Тегеране держали в заключении под наблюдением главы полиции, Махмуда хана, женщину-бабиду. Несмотря на это, она, по-видимому, находила способ ежедневно собирать вокруг себя много членов своей секты. Она была удушена в саду в присутствии аджудан-баши. Четверо других были разрублены надвое. Зажженные свечи были вставлены им в тела, и пока их водили в таком виде по улицам города, эти несчастные бранили шаха и высказывали радость умереть с такой помпой, потому что эта смерть обещивала им мученический венец».

«Кто мог бы оспаривать у правительства шаха, или скорее у самого шаха, право совершать правосудие. Но, не делая никакого различия между истинными соучастниками покушения и тысячами людей, исповедующими бабизм, он еще больше возбуждает фанатизм этих сектантов и, таким образом, подвергает себя очень серьезной опасности».

Документ № 24

Дело № 158, Тегеран, 1852 г., листы 508—509. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Секляну № 56, Мариам-Абад, 12 августа 1852 г.

«Персидское правительство отплатило третьего дня в Санкт-Петербург курьера, известящего о счастливом исходе покушения на жизнь шаха».

«Отправительное зрелище, свидетелями которого мы являемся со времени рокового события, заставило меня явиться к мирзе Аги хану лично и дать ему понять в интересах персидского монарха о необходимости положить этому конец или по крайней мере делать различие между истинными соучастниками преступления и лицами, которые просто исповедуют доктрины Баба. Я несколько не скрыл перед ним опасность, которой подвергается шах, не ограничивая ни в какой мере публичные казни, и что он не должен убивать только на том основании, что он должен предавать смерти когд ему заблагорассудится».

«Садр азам всецело разделяет мое мнение, но и в то же самое время он признался мне, что с большим трудом борется против раздражения шаха и подстрекательства тех лиц, которые внушают шаху желание мстить, а именно матери шаха и хаджи Аам хана, его фераш-баши. Число указанных лиц дошло уже до 9 человек, и намеряются еще распределить среди наиболее важных лиц двора, армии и духовенства различных бабидов, которых они должны будут убить своими руками».

Обо всем этом говорят здесь с веселым видом, желая заставить думать, что вся эта бойня является совершенно обычной и естественной вещью».

Документ № 25

Дело № 158, Тегеран, 1852 г., лист 508. Из депеши посланника в Тегеране Долгорукого Секляну № 66, Тегеран, 17 сентября 1852 г.

«Бабиды, насколько я могу понять из слов имама-джума, отвергают доктрины исмаилизма и оспаривают у монарха страны

право господства, которым он пользуется. Они стремятся основать новую религию, они проповедуют раздел имущества, и в отношении политических устремлений их можно сравнить с коммунистами Европы».

**ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА ГРУЗ.ССР. ТБИЛИСИ. ДОНЕСЕНИЯ
РУССКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ТЕБРИЗЕ
АНИЧКОВА НАМЕСТНИКУ НА КАВКАЗЕ КНЯЗЮ
М. С. ВОРОНЦОВУ**

Документ № 1

*Фонд 11, дело 2004, листы 3—7. Донесение Аничкова от
28 февраля 1849 г. (о беспорядках в Тебризе после смер-
ти Мохаммед шаха).*

«В Тавризе стали происходить ежедневные волнения, порождаемые расприями и взаимною ненавистью лиц главного мусульманского духовенства. Каждое из них имеет свою партию в народе и употребляет своих приверженцев, чтобы унижить или оскорбить противную партию. Ненависть эта давнишняя и основана на соперничестве; но при существовании в Тавризе более сильной гражданской власти, поддерживаемой сколько-нибудь воинскою силою, приверженцы главных мулл не осмеливались производить явных беспорядков. Теперь, когда управление Азербайджаном значительно слабо и средств к усмирению, видимым образом, нет, — они начали позволять себе всевозможные неистовства. Главные враждующие лица суть: с одной стороны, муштегид мирза Ахмед и сын его имам-джуме; а с другой — Ахунд мулла Могаммед и присоединившийся к нему Шейх аль-Исмаил Тавризский. Муллы, принадлежащие к партии первых двух лиц, предают публичному проклятию в мечетях Ахунда муллу Могаммеда и возбуждают к насилиям против жителей, преданных сему последнему. Многие из этих преданных были также схвачены и наказаны самим имамом джумой под предлогом, что они последователи известного фанатика „Баб“. Наконец, та же партия распорядилась о недопущении в публичные бани жителей Тавриза, следующих учению Ахунда муллы Могаммеда, говоря, что они еретики. Это обстоятельство подало повод на днях к сильному беспорядку. Ахунд, узнав об одном из упомянутых недопущений в бани, велел схватить содержателя бань и наказал в своем присутствии, а имам джуме, в свою очередь, осведомясь об отводе этого человека в дом к Ахунду, выслал своих приверженцев, чтобы силой его отнять. Они уже ворвались было частью и в дом к сему духовному, ибо собрался в числе около 400 человек; но партия Ахунда успела также прибегать для его защиты еще в большем числе, чем противники, и рассеяла их. Теперь празда принимает все больше и больше серьезный вид. К каждому из представителей враждебной партии являются публично вооруженные люди и спрашивают позволения „умертвить“ его противника. Позволение это не дается, но положение дел таково, что грозит всеобщим возмущением в городе. Само духовенство не отрицает уже несчастных последствий, кои готовит вражда их, но только старается сложить вину на противников. Некоторые

из враждующих глав духовенства желали заставить меня принять официальное участие в их расприх и приглашали на совещания, но я не мог позволить себе вмешаться в их личные вражды и принять чью-либо сторону, а только советовал каждому из них успокоить умы их приверженцев и стараться не допустить их до беспорядков и убийств, кои очень часто кончаются по необразованности и порочным склонностям массы народа гораздо несчастнее, чем можно было предполагать. По многочисленности здесь императорских подданных, я почел также обязанностью обратиться к Мелик Касиму мирзе (правитель Азербайджана. — М. И.) и военному министру, прося ответить мне, — для сообщения этого ответа моему правительству, — ругаются ли они при совершенном с их стороны неприятии никаких мер против готовящегося общего возмущения за безопасность российских подданных и целостность имущества их? Тот и другой отвечали было мне, указывая на известное всем беззащитное состояние Тавриза, где исчезла всякая тень репрессивной силы. После, однако же, они распорядились о командировании сюда нескольких сот солдат из Хоя. Кроме того, Мелик Касим мирза отправил нарочного в Тегеран, прося содействия своего правительства к укрощению тавризского духовенства».

Документ № 2

*Фонд 11, дело 2004, листы 14—16 об. Донесение Аничкова
от 13 июня 1849 г.*

«В Тавриз прибыл из Тегерана курьер от принца Хамзы мирзы и привез к разным духовным и светским начальствам здешним рагама, в кои он извещает о своем назначении правителем Азербайджана. Эти рагама объявлены повсеместно и завтра будут читаться в мечетях, вследствие чего настоящий правитель Азербайджанский Мелик Касим мирза выехал из Тавриза в загородный дом свой и отказался от всякого вмешательства в дела, что между прочим объявил мне письменно.

Не говоря о беспорядках, которыми грозит подобное безначалие, особенно по причине смерти главного муштегида, имевшего здесь большое влияние на народ, оно поставляет и генеральное консульство в чрезвычайно затруднительное положение. Хамзу мирзу невозможно ждать сюда прежде трех недель или месяца, а до тех пор многочисленные пограничные претензии наши, с каждою почтою вновь прибавляющиеся, и также несделанные претензии нескольких сот Российских подданных, пребывающих в самом Тавризе, должны оставаться без движения. Принимая в соображение, что со стороны шаха или высшего Тегеранского начальства не последовало еще сюда никаких официальных распоряжений о смене Мелика Касим мирзы и что она не объявлена императорскою миссией, а следовательно, и мне продолжает быть неизвестною, я почел долгом объяснить принцу, что не могу принять отказа его удовлетворить наши претензии до тех пор, пока власть Его высочества не передастся другому лицу. Тем не менее очевидно, что мое настояние не может принести действительной пользы нашим делам или отвлечь беспорядка в провинции. С объявлением о его смене принц потерял власть, и его не слушаются, особенно вне города. Не излишне заметить, что эта власть в уездах и без того была постоянно парализована Тегеранскими властями, а в последнее время самими слухами о смене Ме-

лик Касима мирзы. Мугасимы, посылаемые им на границу по нашим делам, давно уже стали возвращаться без успеха — местные власти их прогоняют назад и даже подвергают наказаниям».

Документ № 3

Фонд 11, дело 2223 «О беспорядках, производимых в Зенджане, образовавшейся там сектой бабинцев [коммунистов]», листы 1, 106. Донесение Аничкова князю М. С. Воронцову от 16 января 1850 г.

«На прошедшей неделе здесь схвачено несколько последователей известного Вашему сиятельству „Баба“, публично на базаре привлекавших к нему народ. В Зенджане, говорят, учение этого духовного распространяется с невероятным успехом, так что около половины города тайно присоединилось к нему. Замечательно, что в правилах, преподаваемых Бабом, выросло много общего с европейским коммунизмом. Распространители его учения в Персии проповедуют о правах каждого на участие в богатстве, приобретенном другими, и отвергают брак, или, по крайности, предоставляют женщинам выбирать себе произвольное количество мужей, так же как сам последний брать столько жен, сколько они пожелают.

Сам „Баб“ содержится по-прежнему в крепости „Чегрек“ близ турецкой границы».

Документ № 4

Фонд 11, д. 2223, листы 2, 206. Донесение Аничкова от 15 мая 1850 г.

«Из Зенджана получено известие о произведенных там приверженцами известного фанатика Баба беспорядках, кои повели к значительному кровопролитию. С некоторого времени партия Баба в сем городе так усилилась и сделалась столь опасною, что правительство Персидское намеревается отправить туда часть войска для умирения бунтовщиков».

Документ № 5

Фонд 11, дело 2223, листы 3—4. Донесение Аничкова от 5 июня 1850 г.

«Беспорядки в Зенджане продолжают еще. Приверженцы „Баба“ в числе, как полагают, 4000 человек окопались рвами и укрепились. Правительство успело набрать до тысячи сарбазов и несколько артиллеристов с тремя орудиями, но нападения, кои они сделали обще с жителями города, не принадлежащими к сказанной секте, не окончились в пользу правительства, и теперь ожидают прибытия из Тегерана обещанного войска. Между тем в округе города собрались огромные шайки кочевых племен, которые грабят одинаково как бабинцев, так и их неприятелей, как только они показываются вне города. Прибывший с последнею почтою наш из Тегерана курьер, задержанный на целые сутки в Зенджане, привез известие, что число убитых и раненых в самом городе и от разбоя в окрестностях полагают там от 30 до 40 человек в каждый день».

Документ № 6

Фонд 11, дело 2223, листы 5—6. Донесение Аничкова от 12 июня 1850 г.

«В некоторых пограничных местностях Азербайджана произошли беспорядки. В Соучбулаге застрелен тамошний правитель Будах хан неким Гассан ханом, после чего умерщвлен и сей последний родственниками правителя, а также убито с обеих сторон много сообщников того и другого лиц. В Карадаге правитель сего уезда Аббас-Кули хан хотел схватить с помощью кочевых шахсеев одного из возмущившихся против него сановников, Ферзи хана, но сей последний, собрав значительную конницу, напал на сказанное кочевье ночью, разграбил его и убил самого начальника племени.

Беспорядки Зенджана не прекращены еще и могут даже отразиться на самом Тавризе, ибо правительство приказало теперь привести сюда из крепости Чегрек самого „Баба“ и казнить его публично. Я не оставил при этом случае напомнить военному министру, каким необыкновенным упорством и самоотвержением отличаются все без исключения сообщники „Баба“, и посоветовать ему принять самые обдуманые меры для сохранения спокойствия в городе и обезопасения Императорских подданных. Недавно еще в Тавризе казнили трех бабинцев, но ни один из них при виде угрожающей смерти не захотел отказаться от своего верования. В Тегеране произошло то же самое».

Документ № 7

Фонд 11, дело 2223, листы 7, 706. Донесение Аничкова от 3 июля 1850 г.

«Баб казнен смертию в Тавризе. Той же участи подвергся один из главных приверженцев его, Могаммед Али. Беспорядков при этом не произошло, благодаря обдуманым действиям здешнего начальства. Оба осужденные встретили смерть мужественно, не прося пощады и не обличая ни малейшим словом своих страданий. Особливо Могаммед Али высказал необыкновенную твердость характера. Сколько ни старались спасти его, предлагая отказаться от Баба, он просил только позволения умереть у ног своего учителя и не захотел спасти своей жизни. Оба расстреляны солдатами, которые по не привычке к этого рода казни обратили ее в совершенную пытку. Тела казненных выброшены были потом за городские ворота и съедены собаками. О впечатлении, произведенном казнью Баба в Зенджане, еще неизвестно».

Документ № 8

Фонд 11, дело 2223, листы 8—9. Донесение Аничкова от 10 июля 1850 г.

«По последним известиям из Зенджана, беспорядкам, происходящим в сем городе, не предвидится скорого окончания. На днях осаждающие „бабинцев“ подали мину и взорвали несколько их домов, но следствием этого была вылазка осажденных, кончившаяся несчастливо для шахских солдат; из них убито до 60 человек, а прочие принуждены к отступлению. Предводитель их молла Могаммед Али, по-видимому, отчаявается, однако же, в совершенно успешном окончании произведенного им бунта, потому что начал уверять

правительство, будто бы он не разделяет учения Баба, а вынужден к обороне одними обстоятельствами, ибо, считая его бабинец, жители и солдаты начали против него неприязненные действия, через что и он принужден защищаться. В таком смысле молла Могаммед Али писал и к брату английского консула, прося принять его сторону. К грабёжам, происходящим в окрестностях Зенджана и о коих я уже неоднократно упоминал, присоединились теперь, по показанию гулямов мисси нашей, проезжавших по этой дороге, разбой самих солдат, посланных туда против бабинцев. О казни Баба нигде еще по Тегеранской дороге неизвестно».

Документ № 9

Фонд 11, дело 2223, листы 10, 10об. Донесение Аничкова от 17 июля 1850 г.

«В Зенджане было вновь сделано нападение на бабинцев 14 июня (видимо, июля.— М. И.). Оно отражено еще с большою потерей для осаждающих. Из них ранено 200 человек и 40 убито на месте. Бабинцы овладели четырьмя городскими воротами, сделали земляные насыпи и западни на долгое время провиантом. Предводитель их, мулла Могаммед Али, захватил 12 из значительных обывателей города в плен и держит под стражей. Теперь под Зенджаном собрано 3 полка (из коих один из Тавриза), но бабинцы сопротивляются с отчаянным мужеством и постоянным успехом, на случай же овладения их укреплением собрали в одно место свое имущество и заклали горючими материалами, чтобы истребить все огнем и не дать солдатам добычи».

Документ № 10

Фонд 11, дело 2223, листы 11, 11об. Донесение Аничкова от 28 августа 1850 г.

«В Зенджане, по последним известиям, нападения на бабинцев имели несколько больший против прежнего успех. Начальник войска, бывший Тавризский беглербег Могаммед хан, овладел несколькими башнями крепости, прилежавшими с тылу к укреплениям бунтовщиков, и успел втащить на эти башни несколько орудий, из которых производит постоянный огонь по домам бабинцев и дому их предводителя. Осажденные, однако же, сами успели сделать две пушки из железных полос и действуют ими очень искусно, пользуясь, между прочим, для этого неприятельскими ядрами, которые попадают к ним в дома и завалы».

Документ № 11

Фонд 11, дело 2223, листы 12—13. Донесение Аничкова от 11 сентября 1850 г.

«Из Зенджана получены следующие известия. Командующий там войсками сартиб Могаммед хан начал действовать с трех сторон орудиями на укрепления мятежников, вследствие чего они оставили прежние жилища и укрепились в одном старом караван-сарая, а 60 человек из них покорились и вышли к Могаммед хану с Кораном в руках. Впрочем, и при этом случае они вели себя так нагло и наговорили ему столько дерзкого против правительства, приписывая ему все несчастия междоусобной войны, что Могаммед хан при-

нужден был велеть содержать их под строгим арестом. Потом адъютант шаха Азна хан, отправленный в Эривань для приветствия Его Высочества Государя Наследника, при проезде своем через Зенджан выпустил тех людей и, одарив их, послал в город уговаривать прочих бабинцев. Но с тех пор отпущенные не возвращались уже, а равно и прочие мятежники продолжают сопротивляться».

Документ № 12

Фонд 11, д. 2223, листы 14—15. Донесение Аничкова от 20 ноября 1850 г.

«Третьего дня здесь получено известие о взятии, наконец, войском шаха укрепления бабинцев в Зенджане. После двухдневной пальбы из орудий Могаммед хану удалось разрушить одну из стен, за которыми скрывались мятежники, и как это произошло перед наступлением ночи, в течение коей осажденные не успели исправить укрепления, то с рассветом произведен был приступ, который бабинцы и не могли уже отразить. Предводитель их мулла Могаммед Али также схвачен; большая часть мятежников, однако же, как говорят, разбежалась, оставя значительную добычу солдатам».

Известие это не произвело здесь радостного впечатления. Все так недовольны правительством, что желали бы ему еще больше хлопот, чем с Зенджаном. Даже самые европейцы, замечая, что каждый маленький успех делает Эмира (мирзу Таги-хана.— М. И.) более и более самонадеянным и гордым и что эти чувства направляются частью против них же, перестают желать добра Персии».

Документ № 13

Фонд 11, дело 2223, листы 16, 16об. Донесение Аничкова от 11 декабря 1850 г.

«Известия о покорении бабинцев в Зенджане получили неожиданное опровержение. Прибывшие оттуда в последнее время курьеры привезли донесения, из коих оказывается, что хотя укрепление мятежников действительно взято, но дом предводителя их еще держится. В нем собралось до 70 человек и столько же женщин, которые отразили нападение всего войска. Теперь в подкрепление последнего, состоящего все-таки из нескольких тысяч, командировали еще один полк из Мараги».

Перевод страниц 150, 151, 152 и 153 из книги мирзы Джани Кашани с изложением наиболее важной части проповедей бабидов в Бедаште¹

Итак, у каждого предписания о внешнем хадже² имеется истинный смысл, но пока люди слабы [в отношении познания истины] и скрываются под покровом своих [внешних] имен и качеств, они лишены [возможности] познания сокровенного смысла явлений. А лишь только они приблизились [к познанию] единства всех вещей и ослабела внешняя их оболочка, а внутренняя сущность усилилась, то настанет день разрыва покрова вследствие превосходства тайны [которая до сих пор скрывалась под покровом], и все ограничительные предписания были устранены из них [стали необязательными]. Например, пока человек не познал еще точки воли [пророка], то

из-за слабости [своей] он говорит: «Отдай одну десятую своего имущества как закят для того, чтобы быть ближе к богу, а две десятых имущества отдай как хомсе». И сколько еще тысяч разных условий излагают о том, что количество баранов, подпадающее под обложение закят, такое-то, а верблюдов столько-то. А между тем все имущество принадлежит точке [пророку], потому что [смысл выражения]: «Скажи, о боже, владыка всех владений» осуществится. Если человек познает, что пророк его эпохи и есть владыка всего, чем владеют, и откажется от собственности, которая является конфискацией чужих прав, то все предписания о хомсе и закате станут для него недействительными и начнется царство родичей Мухаммеда, да помолится над ним Аллах и да приветствует его [т. е. царство Махди]. Настанет день Страшного суда, и [человек] поймет смысл [выражения]: «И молись Господу твоему до тех пор, пока ниспослет он тебе истину». Вот таким образом и понимай все пророческие предписания божественных законов, так как они являются [только] законами следования по пути для достижения конечного пути [к которому стремятся]. Когда путешественник дошел до конечного пункта, то предписания о путешествии стали для него уже недействительными. Например, когда земледelec сеет семя дыни, то целью его является получение самой дыни. Но пока дыня еще не вызрела и сущность ее скрывается в цвете, листьях, ветвях, стебле и корнях, земледelec для того, чтобы вырастить ее, соблюдает правила подкормки, удобрения, срывания пустоцвета и другие. Он имеет в виду предписание о выращивании дыни, обязательные [к исполнению] и запрещаемые, одобряемые и неодобряемые. Но лишь только дыня вызрела и он ее снял [с поля], как все правила о сохранении дынного куста [земледelec] бросает.

Вот согласно этим доказательствам и отменяется шарнат посланника Аллаха, да помолится над ним Аллах и да приветствует его, потому что он состоит [только] из правил следования по пути. Это не будет отменой религии, так как суть ее [религии] — есть единый [бог], это будет вероучением о единстве, которое является религией Канна из рода Мухаммеда [т. е. Махди]. А что касается того, что говорят: «Разрешение Мухаммеда является разрешением до дня воскресения, а запрещение его — запрещением до дня воскресения», то это так и есть, но здесь имеется в виду не день великого воскресения [т. е. окончательный день Страшного суда], а только день воскресения Махди, как об этом и упоминается в хадисе [предании], что истинно имеются два дня воскресения: малый и великий.

В преданиях много говорится относительно религии Махди, что она отменит все [другие] религии, потому что совершенство доктрины о божественном единстве заключается в отрицании и предикатов его, и будут все люди единой религиозной общиной, и [Махди] объединит все вероучения в одну религию. Предписания Махди являются сокровенными предписаниями, а когда появляется сокровенное предписание, то внешнее непременно должно потерять силу. Так, например, на основании преданий делается вывод, что в царстве Канна из рода Мухаммеда [Махди] люди будут ходить по базарам и, читая молитвы, брать из лавок все, что они захотят. А сейчас! Если кто-нибудь так сделает, то, согласно шарнату Мухаммеда, ему нужно отрубить руку!

Итак, законы религии являются законами о единстве: все имущество являются его имуществом, все мужчины являются его раба-

ми и все женщины — его рабынями. Дарит их он тому, кому хочет, и отнимает от того, от кого захочет, в соответствии со смыслом священного стиха: «Скажи, о боже, владыка царства, ты даешь царство тому, кому хочешь, и отнимаешь от того, от кого захочешь». И в преданиях говорится, что Махди будет менять жен и мужей, подобно тому как господин распоряжается своими рабами и рабыней, это дозволено шарнатом. Без сомнения, пророк имеет над людьми такую же власть, какую имеет господин над своим рабом и рабыней.

Сущность религии Махди есть единство, познание и любовь. Любая сторона становится киблой, и в этом заключается смысл [выражения]: «Куда бы они ни повернулись, там и есть лицо бога», а также [выражения]: «Он есть тот, который проявляется во всех проявлениях», хотя [это] проявление его будет самым ясным. Например, [имеется молитва]: «О боже, истинно я молю тебя о блеске твоим самым блестящим, твоим [проявлением], а каждый блеск твой блестящ. О боже, истинно я молю тебя всем блеском твоим...» [и так] до конца молитвы, которая состоит из девятнадцати глав, что соответствует числу единства.

Если люди не будут [еще] способны выдерживать принципы единства при начале проявления, то для них написаны ограничительные законы, [которые] будут отменены, когда люди укрепятся. Но когда начнется пришествие [Махди], покров [скрывающий истину] понемиго начнет спадать для того, чтобы утвердилась истина и люди могли лицезреть пророчество, которое заключается в рае единства. [Но] теперь не место об этом говорить. Я изложил эти замечания для того, чтобы вы не слушали разговоров пустых людей о том, что какие-то люди пришли в Бедашт и вели себя бессмысленно.

Знай, что они были великими людьми, избранными мира и совершили великое дело. И люди проклинают и порицают их только потому, что истина скрыта от них покровом. В преданиях говорится, что, когда появится знамя истины, люди Востока и Запада будут проклинать его. Это будет знамя единства, и проклинать его будут люди, скрытые покровом и неспособные к восприятию [истины].

Короче говоря, хаджи [мулла Мухаммед-Али Барфуруши] заявил, что он есть святой и что в нем на землю пришел пророк божий. Истинность свою он подтвердил обоснованными доказательствами. Первое доказательство состоит в том, что он был автором [божественных] изречений, молитв и высоких проповедей. Второе — а том, что от имамов правой веры осталось много преданий об истинности его. В одном предании говорится относительно черного знамени [которое появится] со стороны Востока и о котором говорит, что под ним наместник Аллаха — Махди. Предания мы приведем в конце книги. Пусть посмотрят. [А сейчас] нужно отметить одно предание о четырех знаменах: о знамени Иеменском, о знамени Хусейна, о Хорасанском и Таликанском знамени. Все четыре знамени являются истинными, а знамя Суфьянское является ложным знаменем и противостоит этим четырем. Знамя Иеменское означает Баба. Знамя Хусейна, которое важнее всех других и является знаменем Мухаммеда, сына Хасана [т. е. Махди], да будет над ним мир, есть знамя пресвятого [хаджи Мухаммед-Али Барфуруши]. Знамя Хорасанское, являющееся знаменем сейида мучеников², да будет над ним мир, которое появилось из Хорасана, означает дверь к Бабу [мулле Хусейну Бошруи]. Знамя Таликанское, о котором говорят, что оно подни-

Глава I

¹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. IV. М., 1966, с. 399.

² E. G. Browne. The New History (Tarikh-i-jadid) of Mirza Ali Muhammad the Bab. Amsterdam, 1975.

³ Возможно, это был А. Гобино, который находился в Иране примерно в эти годы.

⁴ Mirza Jani Kashani. Kitab-i-Nuqtatu'l-Kaf. Being the Earliest History of the Babis Compiled by Hajji Mirza Jani of Kashan between the Years A. D. 1850 and 1852. Ed. from the Unique Paris Ms. Suppl. Persan 1071 E. G. Browne. Leiden — London, 1910.

⁵ Там же. Введение, с. 34.

⁶ Personal Reminiscences of the Babi Insurrection at Zanjan in 1850. Written in Persia by Aga-Abdul-Ahad-i-Zanjani and Translated into English by E. G. Browne. — Journal of the Royal Asiatic Society» (JRAS). 1897, October.

⁷ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. XCV и XIV.

⁸ Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales. T. 3. S.—P., 1886.

⁹ Там же, с. 3.

¹⁰ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bab. P., 1905, с. 48—53.

¹¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. XXXIV.

¹² А. Туманский. К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе-Манукхи или Тарихе-Джадид. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 8. СПб., 1893, с. 39.

¹³ The Tarikh-i-Jadid or A. New History of Mirza Ali Muhammad the Bab, by Mirza Huseyn of Hamadan. Transl. from the Persian by E. G. Browne. Cambridge, 1893.

¹⁴ А. Г. Туманский. «Кетаб-е Акдес». Введение, с. IX. СПб., 1899.

¹⁵ Ср. «Кетаб-е Акдес», с. V и «История бабизма» мирзы Джани Кашани, с. 252; «Кетаб-е Акдес», с. IX и «История бабизма» мирзы Джани, с. 242.

¹⁶ A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Bab. Ed. in the Original Persian and Transl. into English by E. C. Browne. T. 1—2. Cambridge, 1891.

* Ссылки на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию их Сочинений, ссылки на сочинения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

мается из Таликана, соответствует пречистой [Куррат уль-Айи], отец которой происходит из недр Таликана. А азия Суфьянское⁴ соответствует Насир-уд-Дину шаху, который в преданиях иногда называется ибн-Аббасом, а иногда ибн-Фуланом [незаконнорожденным]. Одним словом, Махди, который является возвращением посланника Аллаха [Мухаммеда], — это и есть пресвятой [хаджи Мухаммед-Али Барфуруши]. Баб же является возвращением амира верующих [Али], а так как круг святости замкнулся, то он и опередил другие проявления. Вот поэтому-то его благородное имя и есть Али-Мухаммед, а [имя] пресвятого — Мухаммед-Али.

Третьим доказательством [божественности хаджи Мухаммед-Али Барфуруши] была его притягательная сила и власть в мире. А какая власть выше власти над сердцами идущих по пути Аллаха.

Четвертым доказательством является то, что вокруг него собрались триста тринадцать проповедников и жертвовали своей жизнью. А что касается того, что триста проповедников от него сбегают, то он об этом говорил: те, которые были способны к познанию Махди, затем уверовали⁵. Смысл того, что некоторые праведники вознесутся на облака, а некоторые пойдут по земле и в Мекке удостоятся свидания с пророком, заключается в том, что вследствие обладания истинными науками и познаниями часть из них по призыву того великого [хаджи Мухаммед-Али] удостоилась милости встречи с ним и это были те, которые поднялись [от земных интересов] на облака [истини его проповеди]. А те, которые следовали природным склонностям, но были несведущими в познании истины, не поддались стремлению своей души и разорвали узы усердия и следования, — эти шли по земле замерзая⁶.

- ¹⁷ Ф. Адамийн. Амир-е Кебир ва Иран. Т. I. Тегран, 1323, с. 244—245.
- ¹⁸ Там же, с. 250.
- ¹⁹ Там же, с. 257.
- ²⁰ А. Сорус. «Моддайн-е махдавийн (аз садр-е ислам та аср-е хахер): («Претенденты на роль Мехди (с начала ислама до современной эпохи)»). [В. г., б. м.].
- ²¹ Там же, с. 104.
- ²² Там же, с. 102, 105, 106, 116—119, 122.
- ²³ E. G. Browne. The Babis of Persia 1. Sketch of Their History and Personal Experiences amongst Them. 2. Their Literature and Doctrines. — JRAS. T. 21, 1889, с. 485—526; 881—1009.
- ²⁴ E. G. Browne. A Year amongst the Persians. Cambridge, 1893.
- ²⁵ E. G. Browne. Materials for the Study of the Babi Religion. Cambridge, 1918.
- ²⁶ E. G. Browne. The Babis of Persia. — JRAS. T. 24, 1892, с. 259—336.
- ²⁷ Там же, с. 433—500, 637—711.
- ²⁸ E. G. Browne. Materials for Study of the Babi Religion. с. XV.
- ²⁹ E. G. Brown. The New History, с. 330.
- ³⁰ A Traveller's Narrative, с. XXXVIII.
- ³¹ R. Watson. A History of Persia from the Beginning of the Nineteenth Century to the Year 1858. L., 1866.
- ³² R. B. Binning. Journal of Two Years Travel in Persia, Ceylon etc. L., 1857.
- ³³ Lady Sheil. Glances of Life and Manner in Persia. L., 1856.
- ³⁴ A. Gobineau. Trois ans en Asie. P., 1859.
- ³⁵ A. Gobineau. Histoire des Perses. P., 1869.
- ³⁶ A. Gobineau. Les religions et les philosophies dans l'Asie central. P., 1866, 1928.
- ³⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Báb, с. 199—200.
- ³⁸ A. L. M. Nicolas. Essai sur le cheikhisme. P., 1911.
- ³⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Báb, с. 47.
- ⁴⁰ Там же, с. 48—53.
- ⁴¹ А. Казем Бек. Баб и бабиды. СПб., 1866.
- ⁴² Цит. по: A Traveller's Narrative, с. 205. Так, в русском издании книги, которое было в нашем распоряжении, Казем Бек почему-то не указал, откуда им взяты материалы для нее. Э. Броун пользовался серией статей, в которых Казем Бек опубликовал свою работу в JRAS за 1866 г., где указаны источники.
- ⁴³ А. Казем Бек. Баб и бабиды, с. 164.
- ⁴⁴ Там же, с. 71, 72, 110.
- ⁴⁵ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, с. 399.

Глава II

- ¹ Ф. Энгельс. Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. — Т. 28, с. 221.
- ² К. Маркс. Британское владычество в Индии. — Т. 9, с. 132.
- ³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Т. I, с. 191.

- ⁴ Л. Тигранов. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909, с. 2.
- ⁵ Там же, с. 3.
- ⁶ А. З. Подробное описание Персии. М., 1829.
- ⁷ К. Бодэ. Путевые заметки. — «Библиотека для чтения». Т. CXXXIII. СПб., 1854, с. 15.
- ⁸ В. Бороздин. Краткое описание путешествия императорского Российского посольства в Персию в 1817 г. СПб., 1821, с. 55.
- ⁹ R. Watson. A History of Persia, с. 202.
- ¹⁰ Letourneau. L'évolution de la propriété. P., 1889, с. 309.
- ¹¹ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа. Т. 10, Тегран, 1862, с. 123.
- ¹² Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 161.
- ¹³ Там же, с. 124.
- ¹⁴ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа. Т. 10, с. 123.
- ¹⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III, с. 443.
- ¹⁶ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих. Тарих-е Каджарийе. Тегран, 1861, с. 550.
- ¹⁷ И. Шопен. Исторический памятник Армянской области. СПб., 1852, с. 1207—1214.
- ¹⁸ Там же, с. 1131.
- ¹⁹ «Журнал мануфактур и торговли». 1844, № 10—11, с. 249—250.
- ²⁰ Там же, № 1—2, с. 213—214.
- ²¹ «Вестник промышленности». Т. 7, 1860, № 3, с. 318.
- ²² «Журнал мануфактур и торговли». 1832, № 5, с. 103.
- ²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Т. 3, с. 23.
- ²⁴ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Ч. 2. СПб., 1852, с. 233.
- ²⁵ И. Шопен. Исторический памятник..., с. 643—651, 843—850.
- ²⁶ Ю. А. Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. — «Журнал мануфактур и торговли». 1838, № 1, с. 97.
- ²⁷ К. Бодэ. Путевые заметки, с. 14.
- ²⁸ «Журнал мануфактур и торговли». 1848, № 3, с. 246.
- ²⁹ А. А. Зоннештраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, с. 166.
- ³⁰ «Журнал мануфактур и торговли». 1938, № 9, с. 468—469.
- ³¹ Чалтик (шалтук) — неочищенный рис.
- ³² Халвар (харвар) — мера веса, равная от 6 до 12 пудов, в зависимости от местности.
- ³³ И. Шопен. Исторический памятник..., с. 873.
- ³⁴ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — Т. 22, с. 33.
- ³⁵ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 241.
- ³⁶ Там же, с. 63.
- ³⁷ И. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г. СПб., 1842, с. 95.
- ³⁸ Каджары — тюркоязычное племя, обитавшее в северо-восточной части Ирана.
- ³⁹ М. Гамазов. По Персии и Турции. — «Современник». СПб., 1857, № 64, с. 21.
- ⁴⁰ К. Маркс. Британское владычество в Индии. — Т. 9, с. 132.
- ⁴¹ И. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии..., с. 21.

- ⁴² И. Шопен. Исторический памятник..., с. 449.
⁴³ R. Watson. A History of Persia, с. 7.
⁴⁴ Ф. Энгельс. Персия и Китай.— Т. 12, с. 218.
⁴⁵ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 209. См. также об этом: Военно-статистический сборник. Вып. 3. СПб., 1868, с. 21; К. Бодэ. Путевые заметки, с. 30.
⁴⁶ И. Шопен. Исторический памятник..., с. 451.
⁴⁷ Зака́т— $\frac{1}{10}$ хоме— $\frac{1}{2}$ часть доходов, которые верующие-мусульмане обязаны вносить формально на содержание потомков пророка и в пользу бедных мусульман, а фактически—на нужды духовенства.
⁴⁸ Сейид—человек, называющий себя потомком пророка Мухаммеда и представляющий в доказательство составленную, иногда фиктивную родословную.
⁴⁹ И. Шопен. Исторический памятник..., с. 699.
⁵⁰ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е Нукта аль-Каф, с. 199.
⁵¹ Яксарт—р. Сырдарья.
⁵² Ф. Энгельс. Перспективы англо-персидской войны.— Т. 12, с. 126.
⁵³ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран». 184, д. 188, л. 534—537.
⁵⁴ Там же, д. 178, л. 185—192.
⁵⁵ А. Берже. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827—1829 гг.).— «Русская старина». Т. 11, 1874, с. 755.
⁵⁶ Там же, с. 756.
⁵⁷ Ноход—мера веса, равная $\frac{1}{24}$ золотника.
⁵⁸ Военно-статистический сборник. Вып. 3. СПб., 1868, с. 21.
⁵⁹ Ю. А. Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии, с. 283.
⁶⁰ Н. Г. Куканова. Очерки по истории русско-иранских отношений в XVI—первой половине XIX в. (по материалам русских архивов). Саранск, 1977, с. 192.
⁶¹ «Журнал мануфактур и торговли». 1848, № 8, с. 256—257.
⁶² Состояние торговли в Персии.— «Вестник промышленности». Т. VII, 1860, № 3, с. 310—311.
⁶³ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 65.
⁶⁴ Бест—право убежища для преследуемых. Местом беста издавна были мечети, имам-заде—гробницы мусульманских святых, дома известных мултехидов и т. д. После установления режима капитуляций право убежища распространилось также и на иностранные консульства и посольства. В бест садилась также в знак протеста против притеснений и насилий со стороны властей.
⁶⁵ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 68—69.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ «Журнал мануфактур и торговли». 1846, № 7—8, с. 114—115.
⁶⁸ «Журнал мануфактур и торговли». 1848, № 1—3, с. 336—337.
⁶⁹ «Журнал мануфактур и торговли». 1838, № 1, с. 105—108.
⁷⁰ «Журнал мануфактур и торговли». 1846, № 7—8, с. 123—124.
⁷¹ Када́к—грубая, одноцветная, чаще всего синяя ткань, которую носила основная масса населения. Поэтому она пользовалась большим спросом.
⁷² «Журнал мануфактур и торговли». 1844, № 1—2, с. 213—214, 235.
⁷³ «Журнал мануфактур и торговли». 1838, № 2, с. 317.

- ⁷⁴ Военно-статистический сборник. Вып. 3. СПб., 1868, с. 12.
⁷⁵ К. Маркс. Революция в Китае и в Европе.— Т. 9, с. 100.
⁷⁶ Путевой журнал Е. И. Чирикова под редакцией Гамазова. СПб., 1875, с. 585.
⁷⁷ Ф. Энгельс. Письмо к К. Каутскому от 21 мая 1895 г.— Т. 39, с. 399.
⁷⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— Т. 7, с. 354.
⁷⁹ «Журнал мануфактур и торговли». 1848, № 1—3, с. 220.
⁸⁰ И. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии..., с. 242.
⁸¹ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 106.
⁸² «Журнал мануфактур и торговли». 1838, № 1, с. 67.
⁸³ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 57.
⁸⁴ Там же, с. 129.
⁸⁵ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран». 1848, д. 178, л. 185—192.
⁸⁶ К. Бодэ. Путевые заметки, с. 14.

Глава III

- ¹ А. Берже. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата.— «Русская старина». Т. 11, 1874, с. 765.
² Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 241.
³ Цит. по: Н. Г. Куканова. Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII—первой половине XIX в., с. 192.
⁴ Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 342.
⁵ Там же, с. 361.
⁶ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. 2, с. 27.
⁷ Н. М. (Масальский Н. Ф.). Письма русского из Персии. СПб., 1844, с. 220.
⁸ Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 388.
⁹ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку, с. 242.
¹⁰ Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 399.
¹¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 130.
¹² Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 502.
¹³ Там же, с. 502.
¹⁴ Там же, с. 503.
¹⁵ Там же, с. 503—506.
¹⁶ Там же, с. 510, 534.
¹⁷ Сахиб эз-Земан—букв. «Владыка эпохи». Так часто называют двенадцатого имама Махди.
¹⁸ Мирза Таги Сенехр. Насех ат-таварих, с. 580.
¹⁹ Баб—букв. «дверь», «врата», ведущие к Махди.
²⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— Т. 7, с. 362.
²¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 100.
²² Там же, с. 101, 102.
²³ Ф. Энгельс. Успехи движения за социальные преобразования на континенте.— Т. 1, с. 534.
²⁴ Дата рождения сейида Али-Мохаммеда дается по кн.: A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 189. Николь пишет, что она основана на сведениях, приведенных самим Бабо́м в его работе «Бейн аль-харе́мейн» («Между двумя святыми местами», т. е. Меккой и Мединой), написанной во время паломниче-

ства Баба в Мекку. Такая же дата рождения Баба дается и в кн.: A. Traveller's Narrative, с. 221. М. В. Розен в Collection scientifique de l'Institut des langues orientales (т. VI, ч. 2) считает, что Баб родился на год раньше — 1 мохаррама 1235 г. х. (20 октября 1819 г.). Современный иранский автор А. Сорус солидаризируется с ним в своей работе «Модальний-е махдавийят». Нам кажется, что дата Николая, основанная на свидетельстве самого Баба, заслуживает большего доверия.

²⁵ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 109.
²⁶ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 57—58, 199—202.

²⁷ Реза Кули-хан. Роузат ас-Сефа. Т. 10, с. 69; Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 431.

²⁸ R. Watson. A History of Persia, с. 348.

²⁹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 110.

³⁰ Lady Sheil. Glimpses of Life and Manner in Persia, с. 177.

³¹ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 204.

³² P. Avery. Modern Iran. L., 1965, с. 58.

³³ Кибла — сторона, к которой обращаются мусульмане во время молитвы.

³⁴ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 223—224.

³⁵ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 112;

Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 70; A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 226—229.

³⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 112.

³⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 229—232.

³⁸ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 433.

³⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 233—234.

⁴⁰ Там же, с. 235—236.

⁴¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 116.

⁴² A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 237—241.

⁴³ Мирза Джани Кашани из почтения к Бабу всюду говорит о нем во множественном числе.

⁴⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 123.

⁴⁵ A. Gobineau. Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale, с. 153—154.

⁴⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 123.

⁴⁷ E. G. Browne. The New History, с. 137.

⁴⁸ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 127.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 131. Такое же мнение о сочувственном отношении макинского губернатора к Бабу высказывает и Николай (см.: A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 247—249).

⁵¹ Акты Кавказской археологической комиссии (АКАК). Т. 10. Тифлис, 1885, с. 245.

⁵² АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран». 1848, д. 178, л. 360. Донесение Долгорукого Нессельроде от 24 декабря 1847 г.

⁵³ A Traveller's Narrative..., с. 276.

⁵⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 133.

⁵⁵ Е. И. Чириков. Путевой журнал русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению. СПб., 185, с. 581.

⁵⁶ A Traveller's Narrative..., с. 276.

⁵⁷ Реза Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 121.

⁵⁸ «Беян». Ч. 5, гл. 19; ч. 7, гл. 9; ч. 2, гл. 6.

⁵⁹ Там же. Ч. 5, гл. 19; ч. 5, гл. 6; ч. 6, гл. 9.

⁶⁰ Там же. Ч. 5, гл. 18.

⁶¹ Там же. Ч. 5, гл. 6.

⁶² Там же. Ч. 7, гл. 16.

⁶³ Там же. Ч. 6, гл. 18.

⁶⁴ Там же. Ч. 7, гл. 4.

⁶⁵ Там же. Ч. 6, гл. 4.

⁶⁶ Там же. Ч. 6, гл. 16.

⁶⁷ Там же. Ч. 7, гл. 6.

⁶⁸ Там же. Ч. 7, гл. 3.

⁶⁹ Там же. Ч. 5, гл. 18.

⁷⁰ Там же. Ч. 6, гл. 18.

⁷¹ Там же. Ч. 4, гл. 16.

⁷² Там же. Ч. 5, гл. 19.

⁷³ А. Ф. (Фарахваш). Айин-е Баб [б. г., б. м.], с. 68, 69.

⁷⁴ «Беян». Ч. 4, гл. 10.

⁷⁵ А. Ф. (Фарахваш). Айин-е Баб, с. 53—56, 86.

⁷⁶ «Беян». Ч. 6, гл. 1; А. Ф. (Фарахваш). Айин-е Баб, с. 77.

⁷⁷ Махмуд Махди-хан Табризи. Мефтах-аб-эль-аб-ваб. Техран, 1340, с. 173.

⁷⁸ А. Ф. (Фарахваш). Айин-е Баб, с. 97; «Беян». Ч. 6, гл. 1.

⁷⁹ Там же, с. 94, 95.

⁸⁰ Число 19 соответствует сумме цифрового значения букв слова «вахед» («единный»), которым Баб называл бога. Каждая буква арабского алфавита имеет определенное цифровое значение.

⁸¹ E. G. Browne. The New History, с. XIII.

⁸² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.—Т. 7, с. 360—361.

⁸³ «Беян». Ч. 5, гл. 5.

⁸⁴ Там же. Ч. 6, гл. 9.

⁸⁵ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 543.

⁸⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 139.

⁸⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 257—262.

⁸⁸ Там же, с. 277.

⁸⁹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 140.

⁹⁰ Там же, с. 141.

⁹¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 191.

⁹² Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 121.

⁹³ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 153.

⁹⁴ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 290.

⁹⁵ Там же, с. 280.

⁹⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 177, 178.

⁹⁷ Там же, с. 201, 202.

⁹⁸ Там же, с. 150.

- ⁹⁹ Там же, с. 151.
¹⁰⁰ Там же, с. 234.
¹⁰¹ Там же, с. 183.
¹⁰² A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 284.
¹⁰³ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 546; Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 121.
¹⁰⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 155.
¹⁰⁵ Там же, с. 209.
¹⁰⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 152, 202, 208.

Глава IV

- ¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 155.
² Там же, с. 156.
³ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 122.
⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 158.
⁵ Там же, с. 158.
⁶ Там же, с. 159.
⁷ E. G. Browne. The New History, с. 52.
⁸ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 183.
⁹ E. G. Browne. The New History, с. 105—106.
¹⁰ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 123.
¹¹ Там же, с. 126.
¹² АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1849, д. 177, л. 32—33.
¹³ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 159.
¹⁴ Там же, с. 159.
¹⁵ Там же, с. 160.
¹⁶ Там же, с. 184.
¹⁷ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1849, д. 178, л. 235—238.
¹⁸ Там же.
¹⁹ R. Watson. A History of Persia, с. 393—394.
²⁰ Деятельность Амир-е Кабира — мирзы Таги-хана нами здесь излагается очень кратко, только в связи с темой настоящей работы и только в той мере, которая необходима для понимания обстановки, в которой происходили антифеодальные восстания середины XIX в. Она заслуживает специального исследования. Но, к сожалению, в литературе на русском языке до сих пор не появилось ни одной печатной работы, посвященной этой интересной и важной теме.
²¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 161.
²² Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 123.
²³ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 166.
²⁴ E. G. Browne. The New History, с. 64—65.
²⁵ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 167.
²⁶ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 123.
²⁷ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 167.
²⁸ Там же, с. 168.
²⁹ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 552.
³⁰ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1849, д. 177, л. 32—33.

- ³¹ Там же.
³² Там же, л. 80—81.
³³ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 124.
³⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 171.
³⁵ Там же, с. 173.
³⁶ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 125.
³⁷ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 170.
³⁸ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 125.
³⁹ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 554.
⁴⁰ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1849, д. 177, л. 56—58.
⁴¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 176, 177.
⁴² Там же, с. 178.
⁴³ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 126.
⁴⁴ E. G. Browne. The New History, с. 408.
⁴⁵ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 126.
⁴⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 178.
⁴⁷ Там же, с. 199.
⁴⁸ Там же, с. 187.
⁴⁹ Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 127, 128.
⁵⁰ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 184, 187.
⁵¹ Там же, с. 187.
⁵² Там же, с. 200.
⁵³ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1849, д. 177, л. 162.
⁵⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 190.
⁵⁵ Там же, с. 188.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 191.
⁵⁸ Там же, с. 192—194.
⁵⁹ A Traveller's Narrative, с. 37.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 196.
⁶² A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 330.
⁶³ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 197.
⁶⁴ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 197.
⁶⁵ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 559; Реза-Кули-хан. Роузат ас-Сефа, с. 128.

Глава V

- ¹ A. L. M. Nicolas. Séyyed Ali Mohammed dit le Bâb, с. 331.
² ЦГИА ГрузССР. Ф. 11, д. 2004, л. 3—5.
³ Там же, с. 14—16.
⁴ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 212—214.
⁵ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1850, д. 133, л. 103—105.
⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта аль-Каф, с. 205.
⁷ Там же, с. 220.
⁸ Там же, с. 216.

- * E. G. Browne. The New History, с. 136.
- ¹⁰ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 126.
- ¹¹ ЦГИА ГрузССР. Ф. 11, д. 2223, л. 1.
- ¹² Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 129.
- ¹³ Personal Reminiscences..., с. 779.
- ¹⁴ Там же, с. 786.
- ¹⁵ Там же, с. 783.
- ¹⁶ E. G. Browne. The New History, с. 144.
- ¹⁷ Personal Reminiscences..., с. 792.
- ¹⁸ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 232.
- ¹⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 343.
- ²⁰ A. Gobineau. Les religions..., с. 251.
- ²¹ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 342.
- ²² Там же, с. 346—347; Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 574.
- ²³ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 130.
- ²⁴ Personal Reminiscences..., с. 793.
- ²⁵ А. Сорун. Молдавийи-е махлавийат, с. 104.
- ²⁶ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 129.
- ²⁷ Personal Reminiscences..., с. 794—795.
- ²⁸ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-Таварих, с. 575.
- ²⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 344.
- ³⁰ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 129, 130.
- ³¹ E. G. Browne. The New History, с. 292.
- ³² A. Gobineau. Les religions..., с. 259.
- ³³ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 247.
- ³⁴ A. Gobineau. Les religions..., с. 259; ЦГИА ГрузССР. Ф. 11, оп. 1, д. 2223, л. 706.
- ³⁵ Мохаммед Мехди-хан. Тебризи. Мефтах баб ва Аль Аб-ваб, с. 160—161. Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 582.
- ³⁶ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 248—250.
- ³⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammad dit le Bâb, с. 378—380.
- ³⁸ R. B. M. Binning. Journal of Two Years Travel in Persia, Ceylon, etc. T. I, с. 344.
- ³⁹ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 576.
- ⁴⁰ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 347—349.
- ⁴¹ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 575.
- ⁴² Personal Reminiscences..., с. 801.
- ⁴³ Там же, с. 811.
- ⁴⁴ Там же, с. 806.
- ⁴⁵ Там же, с. 808.
- ⁴⁶ Там же, с. 768—769.
- ⁴⁷ Там же, с. 802.
- ⁴⁸ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 233.
- ⁴⁹ АВРП. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран». 1850, д. 134, л. 562.
- ⁵⁰ Там же, л. 575—579.
- ⁵¹ Там же, л. 133, л. 582.
- ⁵² E. G. Browne. The New History, с. 151.
- ⁵³ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 577, 578.

- ⁵⁴ Personal Reminiscences..., с. 769.
- ⁵⁵ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 578.
- ⁵⁶ E. G. Browne. The New History, с. 155—156.
- ⁵⁷ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 578.
- ⁵⁸ A. Gobineau. Les religions..., с. 249.
- ⁵⁹ ЦГИА ГрузССР. Ф. 11, д. 2223, л. 1606.
- ⁶⁰ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 579.
- ⁶¹ A. Gobineau. Les religions..., с. 253—254.
- ⁶² Personal Reminiscences..., с. 817—822.
- ⁶³ АВРП. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран». 1851, д. 129, л. 150.

Глава VI

- ¹ R. Watson. A History of Persia, с. 385.
- ² Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 224.
- ³ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 602.
- ⁴ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 602.
- ⁵ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 393.
- ⁶ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 602.
- ⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 401—402.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 133.
- ¹⁰ Никола пишет, что эти сведения им получены от одного нейриза (см.: A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 402—405).
- ¹¹ Там же, с. 406—407.
- ¹² Там же, с. 408.
- ¹³ Там же, с. 410; E. G. Browne. The New History, с. 129.
- ¹⁴ E. G. Browne. The New History, с. 128.
- ¹⁵ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 668.
- ¹⁶ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 422.
- ¹⁷ Там же, с. 411—413.
- ¹⁸ Там же, с. 414.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, с. 415—417.
- ²¹ Там же, с. 418.
- ²² Там же, с. 419.
- ²³ Там же, с. 420.
- ²⁴ E. G. Brown. The New History, с. 130—131.
- ²⁵ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 422.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, с. 422—423.
- ²⁸ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 168.
- ²⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 439.
- ³⁰ Реза-Кули-хан. Роузат-ас-Сефа, с. 169.
- ³¹ R. Watson. A History of Persia, с. 408—409.
- ³² Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 650, 651, 652.
- ³³ Там же.
- ³⁴ A Traveller's Narrative..., с. 329.
- ³⁵ Мирза Таги Сепехр. Насех ат-таварих, с. 650—652; A. L. M. Nicolas. Séyyèd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 443.

- ³⁶ Мирза Таги Сенедр. Насех ат-таварих, с. 650—652.
³⁷ A. L. M. Nicolas. Séyyéd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 446—449.
³⁸ A. Gobineau. Les religions..., с. 299.
³⁹ A. L. M. Nicolas. Séyyéd Ali Mohammed dit le Bâb, с. 449—452.
⁴⁰ Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР. Ф. Ф. А. Бакулина. Письма Баумгартена за время с 25 марта 1873 г. по 15 декабря 1874 г.
⁴¹ Мирза Мохаммед Махди-хан Тебризи. Мефтах Баб-эль-Абваб, с. 181.
⁴² Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 244.

Заключение

- ¹ Ф. Энгельс. Движения 1847 г.—Т. 4, с. 468.
² Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства.—Т. 22, с. 468.
³ Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.—Т. 5, с. 508.
⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.—Т. 7, с. 351, 352 и др.
⁵ Там же.
⁶ Ф. Энгельс. Успехи движения за социальные преобразования на континенте.—Т. 1, с. 534.
⁷ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.—Т. 7, с. 367, 376, 380, 382, 385; К. Маркс. Маркс—Фердинанду Лассалю, 10 апреля 1859 г.—Т. 29, с. 484 и др.
⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.—Т. 7, с. 364.
⁹ Там же, с. 369.
¹⁰ Там же, с. 370.
¹¹ Мирза Джани Кашани. Кетаб-е нукта-эль-Каф, с. 267.
¹² A Traveller's Narrative..., с. 328.
¹³ АВПР. Ф. «Канцелярия Министерства иностранных дел. Тегеран», 1852, д. 158, л. 608.
¹⁴ ЦГИА ГрузССР. Ф. 11, оп. 1, д. 2223, л. 106.

Приложения

- ¹ Вставки и пояснения, которые введены мною в перевод для большей ясности текста, даются в квадратных скобках. Перевод фраз с арабского языка выделен курсивом.
² Имеется в виду паломничество в Мекку, а также другие религиозные обряды.
³ Двоюродный брат пророка Мухаммеда и его зять—Али.
⁴ Абу-суфьян—родоначальник династии Омейядов, которую шииты обвиняют в убийстве Али и его сыновей—Хасана и Хусейна.
⁵ Броун в подстрочном примечании говорит, что эта фраза в рукописи перечеркнута. По его мнению, здесь имеется какая-то ошибка. Мне кажется, что мирза Джани Кашани в этом месте говорит о разногласиях среди бабидов в Бедаште.
⁶ Т. е. по почве, которая не давала им возможности воспринять проповедуемые им истины.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава I. Обзор источников и литературы	4
Глава II. Иран в первой половине XIX в.	33
Глава III. Народные антифеодальные выступления 30—40-х годов XIX в. и пропаганда секты бабидов	80
Глава IV. Антифеодальное восстание в Мазендеране	128
Глава V. Восстание в Зенджане	156
Глава VI. Восстания бабидов в Нейризе. Покушение на жизнь Насер-эд-Дин-шаха	175
Заключение	194
Приложения	212
Примечания	235

Михаил Сергеевич Иванов

АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ВОССТАНИЯ
В ИРАНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Редактор А. М. Козлова
Младший редактор Л. В. Яшина
Художник Л. П. Тарский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор К. Н. Дроздова

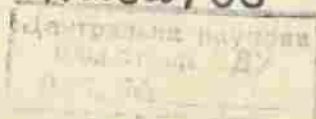
ИБ № 14437

Слано в набор 25.03.82. Подписано к печати 03.09.82. А-10856. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,27. Уч. изд. л. 14,14. Тираж 2200 экз. Изд. № 4817. Зак. № 227. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 26

H282788

1982

H282788

1 p. 40 к.

V.N. Kazan Kharkov National University

00201564

0